

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Сапан Илья Евгеньевич

**Современный политический активизм: системно-
коммуникативный подход**

5.7.7. Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Антоновский Александр Юрьевич

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ.....	15
§ 1. Концептуальная архитектура системно-коммуникативной теории.....	15
1.1. Коммуникация и социальная система: проблема смысловой взаимосвязи	15
1.2. Аутопоэзис, форма и медиум: к вопросу о закрытости социальных систем	21
1.3. Комплексность или «хаос возможностей» социальных систем.....	26
§ 2. Системно-коммуникативная теория и её приложения: к дискуссии о прикладной значимости	30
2.1. Эвристический потенциал коммуникативного подхода.....	30
2.2. Экспликативные возможности системно-коммуникативной теории: некоторые примеры	36
2.3. Критический обзор концептуальных особенностей теории Н. Лумана	41
ВЫВОД К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	46
ГЛАВА 2. ПРОТЕСТ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И РИСК КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА.....	48
§ 1. Протест и массмедиа как разновидности коммуникации: проблемы смысловой взаимосвязи	48
1.1. Протест как коммуникация «общества против общества»	48
1.2. Самовиктимизация как оптика наблюдения протестной коммуникации	55
1.3. <i>Differentia specifica</i> протестной коммуникации в условиях цифровой эпохи	57
§ 2. Общественное мнение и публичное пространство в системно-коммуникативной перспективе	64
2.1. Общественное мнение: проблема интерпретации.....	64
2.2. Общественное мнение и массмедиа: предпочтение или манипуляция?	68
2.3. Политическая система и общественное мнение	70
§ 3. Риск как структурный элемент современного общества (на примере анализа концепций Н. Лумана и У. Бека).....	75
3.1. Риск и неопределенность в поздней современности: социологическая перспектива политического активизма	75
3.2. Риск и комплексность современного общества	78
3.3. Конструктивистская концепция риска: от дистинкции риск/безопасность к дистинкции риск/опасность	81
3.4. Темпоральность общества риска	88
3.5. Протест и политическая система	89
3.6. Коммуникация риска	93
ВЫВОД КО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	97

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	101
§ 1. Новые социальные движения как коммуникативная система	101
1.1. Экстрасистемный характер протестной активности	101
1.2. Заместительная пораженность и компенсаторная лояльность протестных коммуникаций	108
1.3. Привилегированность как символически генерализированный медиум системы социальных движений	111
§ 2. Цифровой активизм: возможности и вызовы для политического активизма в XXI веке	119
2.1. Проблема многообразия форм цифрового активизма и его концептуализации	119
2.2. Тактические медиа: нарушение статус-кво в эпоху цифровых технологий	122
2.3. Перспективы цифрового активизма в формировании социальных изменений	125
ВЫВОД К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	132
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	137

Введение

Актуальность исследования политического активизма обусловлена, прежде всего, тем фактом, что за последнее десятилетие в разных странах наблюдается интенсификация активности новых социальных и политических движений. Одной из ведущих тем на повестке дня предстаёт уровень социальной напряженности как определенного показателя благосостояния государства, что, в свою очередь, неразрывно связано с уровнем политической активности его граждан. Граждане-активисты привлекают к себе значительное внимание представителей экспертного сообщества и СМИ, в силу чего политический активизм нередко демонстрирует свою способность оказывать влияние на принятие решений со стороны политического истеблишмента. Подобные факты, безусловно, влекут за собой весьма ощутимые общественные последствия. На этом основании мы можем утверждать, что современный политический активизм, его различные формы и методы самореализации предстают исключительно актуальным интересом и даже особым вызовом для исследователей в области социально-философской проблематики.

Сегодня мы наблюдаем масштабные потрясения и кризисы, которые были спровоцированы глобальным политическим и экономическим противостоянием ряда отдельных государств и международных объединений, локальными войнами, а также угрозами, которые исходят от экстремистки настроенных группировок. К вышеозначенному стоит добавить факт мировой пандемии, унесшей жизни огромного количества человек по всему миру. Немаловажную роль в поддержании подобной напряженности играет и экологическая повестка, которая смогла занять видное место среди комплекса проблем, требующих от ведущих мировых держав своевременных и компетентных решений. Всё это и многое другое вынуждает массы людей принимать меры и строить планы на будущее в условиях колоссальной нестабильности разных сфер общественной жизни. Одной из подобных мер

является процесс конвертации массового недовольства, страхов и опасений в выражение протеста, реализуемого благодаря активности социальных движений. Исследование политического активизма и социальных движений в качестве сил, его выражающих, открывают нам возможность понять ключевые факторы, которые отвечают за успех или провал подобных социальных практик, их актуальных и потенциальных возможностей, а также долгосрочную устойчивость в вопросах влияния на политические структуры и формирования общественных норм.

Другая причина, благодаря которой мы усматриваем важность и актуальность исследования политического активизма, заключается в том, что сегодня активно меняется сама динамика и способы политического участия. Мы становимся свидетелями различных форм вовлеченности в подобные практики, где не последнюю роль сыграли достижения в области технологической сферы и цифровизации. Возникновение онлайн-платформ и социальных сетей, цифровых инструментов в целом, дают нам право утверждать, что методы и способы, какими люди мобилизуются, объединяются в группы и отстаивают свои убеждения, является достаточно новым явлением, требующим к себе повышенного внимания со стороны исследовательского сообщества. Наряду с этим стоит отметить, что исследование политического активизма имплицитно содержит в себе изучение потенциальных рисков, связанных с определенной тактикой самореализации социальных движений, а также непреднамеренных последствий, которые могут возникнуть в результате подобной деятельности. На наш взгляд, данная проблематика демонстрирует также свою актуальность.

Таким образом, мы могли бы сказать, что научные исследования современного политического активизма необходимы, поскольку они помогают нам понять меняющийся ландшафт политического участия, проанализировать влияние активизма на результаты политических, культурных и социальных трансформаций, оценить эффективность

различных стратегий активистских движений, а также дать оценку непреднамеренным последствиям протестной активности.

Степень научной разработанности проблемы. Классиками обществоведческого знания было произведено немало исследований в области проблематики протестной политической мобилизации. Это послужило причиной возникновения ряда методологических и концептуальных основ для возможности дальнейшего изучения данной темы с оглядкой на современность.

Отметим, что уже в XIX веке возникают влиятельные социологические и философские учения, чьи авторы внесли существенный вклад в понимание революций, политического насилия и политической активности. Можно упомянуть работы А. де Токвиля, В. Парето, К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Грамши, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, П. Сорокина, Г. Лебона, Ч. Эллвуда, Б. Адамса¹.

Во второй половине XX века возникает особый исследовательский интерес к социальным движениям и протестной мобилизации. Появляются теории, которые ищут новые причины социальной напряженности и протестного поведения. В данном случае мы можем указать на теории относительной депривации (Дж. Дэвис, У. Рэнсимен, С. Стоуфер, Т. Гарр, Дж. Урри, Ш. Джонсон, Э. Хоффер²), теории коллективного действия (Д.

¹ Adams B. Coercion and Consensus Theories: Some Unresolved Issues // Curtis J., Petras J. (Eds). The Sociology of Knowledge. London: Gerald Duckworth, 1970; де Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. Л. Н. Ефимова. СПб.: Алетейя, 2008; Парето В. Трансформация демократии / Пер. с итал. М. Юсима. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011; Маркс К. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 6. М.: Политиздат, 1957; Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Политиздат, 1960; Грамши А. Тюремные тетради. Т. 3 / Пер. с ит. И.Я. Бондарчука. М.: 1959; Ленин В.И. Государство и революция. М.: Издательство АСТ, 2020; Троцкий Л.Д. История русской революции: в 2 т. / общ.ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Т. 2: Октябрьская революция, ч. 1. М.: Терра, 1997; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ.ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.; Политиздат, 1992; Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011; Ellwood C. A. Sociology in Its Psychological Aspects. N.Y.: General Books, 2012.

² Hoffer E. The ordeal of change. N.Y., 1964; Davies J. When men revolt and why. N.Y., 1970; Runciman W. Relative deprivation and social justice: a study of attitudes to social inequality in twentieth century England. L., 1972; Stouffer S., Suchman E. et al. The American Soldier: adjustment during army life. Princeton, 1949; Gurr T.R. Why men rebel. Princeton, 1970; Urry J. Reference groups and the theory of revolution. Lancaster, 1973; Johnson C. Revolutionary change. Boston, 1966.

Макадам, Э. Обершаль, Ч. Тилли, С. Тарроу, М. Олсон³), а также более поздние теории отдельных исследователей в рамках парадигмы «новых социальных движений» (А. Мелуччи, М. Кастельс, Ю. Хабермас, А. Турен⁴).

Особое место занимают работы таких авторов как Н. Луман, Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, Г. М. Маклюэн, Д. Белл, Э. Гидденса⁵, внесших существенный вклад в изучение проблематики коммуникативных процессов в постиндустриальном обществе. и обществе в целом. Среди отечественных учёных, исследующих масштабные проблемы функционирования современного общества (в т.ч. и российского), стратегии его осмысления в условиях модернизации и трансформации, мы можем выделить имена К.Х. Момджяна, Е.Н. Ивахненко, В.Н. Шевченко, В.С. Левицкого.⁶

Проблеме взаимосвязи массмедиа и общественного мнения уделяли внимание такие видные исследователи как У. Липпман, Н. Хомский, С. Холл, Н. Постман, Р. Патнэм, Ш. Айенгар.⁷ В российской академической среде в контексте исследования данной темы известны имена А.В. Разина, В.П. Казарян, С.В. Девятовой, Е. П. Прохорова, Л. Н. Федотовой, Я. Н.

³ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы, 1995, McAdam D. Political Process and the Development of Black Insurgency. 1930-1970. Chicago. 1982, Oberschall A. Empirische Sozialforschung in Deutschland 1848-1914. Freiburg: Alber, 1998; Tilly C. From Mobilization to Revolution. Reading. 1978, Tarrow S. Struggling to Reform: Social Movement and Policy Change during Cycles of Protest. Western Society Paper 15. Ithaca. 1983.

⁴ Touraine A. An Introduction to the Study of Social Movements // Sociological Research. 1985. Vol. 52. № 4; Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge. 1996; Castells M. The Network Society. A Cross-cultural Perspective. Northampton. 2004; Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1-2. Boston, 1987.

⁵ Гидденс Э. Социология М., 1999; Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt. 1998; Фукуяма Ф. Доверие М., 2004; Тоффлер Э. Метаморфозы власти М. 2003, Маклюэн Г. М. Понимание медиа Внешние расширения человека М., 2003; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество М., 1999.

⁶ Ивахненко Е.Н. Аутопойезис массмедийного конструирования будущего // Информационное общество, № 4, с. 70-75.; Ивахненко Е.Н. Аутопойезис информационных объектов // Информационное общество, № 1, с. 34-41.; Момджян К.Х. Общество как институциональная форма существования социальной реальности // Вопросы философии, издательство ФГБУ "Издательство "Наука" (Москва), № 4, с. 18-28.; Резник Ю.М., Шевченко В.Н. Цивилизационный проект для современной России и отечественная социальная философия // Личность. Культура. Общество, том 22, № 1-2 (105-106), с. 279-291.; Разин А.В. Специфика моральной ответственности в публичной сфере (Круглый стол: "свобода и ответственность") // Государство и право, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук (Москва), № 3, с. 109-110.

⁷ Уолтер Л. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004; Chomsky N., Edward S. H. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. New York: Pantheon Books, 1988; Hall S. et al. «Encoding and Decoding in the Television Discourse». Centre for Contemporary Cultural Studies, University of Birmingham, 1973; Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York: Penguin Books, 1985; Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000; Iyengar S. Is Anyone Responsible?: How Television Frames Political Issues. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Засурского, В.А. Сидорова, Л. Г. Свитич, М. В. Шкондина, А. А. Грабельникова.⁸

Тема публичности и политической власти рассматривалась в работах М. Фуко, Х. Арндт, Р. А. Даль, М. Шадсона, Н. Фрезер.⁹ В свою очередь, исследование цифрового активизма можно встретить у таких авторов, как У. Лэнс Беннет, А. Сегерберг, Дж. Ирл, К. Кимпорт, П. Гербаудо, Джеффри С. Джурис, Б.Д. Лоадер, Д. Мерцеа, З. Туфекчи, К. Фухс.¹⁰ Среди отечественных исследователей, которые рассматривают проблему социальных медиа и интернет-технологий в рамках протестной мобилизации, можно выделить таких авторов как А.Ю. Антоновского, Р. Э. Бараш, И. А. Халий, С. Грина, Д. Радченко, Д. Писаревскую, П.О. Ермолаеву, Ю.В. Ермолаеву, О.А. Башеву, И. Ксенофонову.¹¹

⁸ Разин А.В. Специфика моральной ответственности в публичной сфере (Круглый стол: "свобода и ответственность") // Государство и право, издательство Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук (Москва), № 3, с. 109-110.; Девятова С.В., Казарян В.П. Этика ответственности в парадигме цифровой культуры // Научный альманах, издательство ООО Консалтинговая компания Юком (Тамбов), № 2-1(76), с. 96-99.; Девятова С.В., Казарян В.П. Проблема ценностно-этических ориентиров в цифровом обществе // Социально-политические науки, издательство Юр-ВАК (М.), № 1, с. 84-90.; Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М., 2001; Федотова Л. Н. Массовая информация: стратегия производства и тактика потребления. М.: 1996; Засурский Я. Н. Профессия журналист - вызовы XXI века. М., 2007; Сидоров В. А. Политическая культура средств массовой информации. М., 1994; Свитич Л. Г. Феномен журнализма. М., 2000; Шкондин М. В. Система средств массовой информации (Основы организации и характер структурной трансформации в условиях реформирования общества). М., 2000; Грабельников А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. М., 2000.

⁹ Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971; Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1979; Arendt H. The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958; Schudson M. The Good Citizen: A History of American Civic Life. New York: Free Press, 1998; Fraser N. «Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy». Social Text, №.25/26, 1990.

¹⁰Bennett, W. Lance, Segerberg A. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2012; Earl J., Kimport K. Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age. Cambridge, MA: MIT Press, 2011; Gerbaudo, Paolo. Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism. London: Pluto Press, 2012; Juris J. S. Networking Futures: The Movements Against Corporate Globalization. Durham: Duke University Press, 2008; Loader Brian D., Mercea D. «Networking Democracy? Social Media Innovations and Participatory Politics». Information, Communication & Society, Vol. 14, №. 6, 2011; Tufekci Z. Twitter and Tear Gas: The Power and Fragility of Networked Protest. New Haven: Yale University Press, 2017; von Fuchs C. The Self-Organization of Social Movements // Systemic Practice and Action Research. 2006. Vol. 19, № 1.

¹¹ Грин С. «Твиттер» и протест в России: мемы, сети и мобилизация. Рабочие материалы ЦИИО. М.: Российская школа экономики. Центр изучения Интернета и общества, 2012 ; Радченко Д., Писаревская Д., Ксенофонтова И. Логика виртуального протеста; неделя после выборов-2011 // Антропологический форум, 2012, №16.; Ксенофонтова И. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения, 2012, Т. 109. № 3; Бараш Р. Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения, 2012, Т.109. №3; 3. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9.; Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О.

Цель работы заключается в том, чтобы с опорой на концептуальные достижения системно-коммуникативной теории Н. Лумана исследовать феномен современного политического активизма, который наиболее явно реализуется в форме публичных, общественно-политических практик новых социальных движений (New Social Movements, NSMs).

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1. Выявление ключевых теоретических и методологических элементов системно-коммуникативного подхода, его сильных и слабых сторон в попытке описания актуальной социальной реальности;
2. Обоснование использования социальной теории Н. Лумана в качестве релевантного концептуального аппарата для анализа разнообразных форм современного политического активизма;
3. Экспликация прикладного и эвристического потенциала системно-коммуникативного подхода, а также поиск исследовательских границ заявленной методологии;
4. Выделение фундаментальных детерминант современного политического активизма в контексте анализа взаимосвязи и взаимозависимости таких явлений как общественное мнение, публичность, массмедиа, протест и риск, их роли в практике новых социальных движений;
5. Рассмотрение современного политического активизма и его качественно новых форм в условиях современности, отличающейся мощным развитием интернет-технологий и цифровой индустрии;
6. Выявление форм и методов влияния цифрового активизма на степень вовлечения масс в протестную деятельность, а также анализ возможностей современных социальных движений поставлять свои достижения и продукты в распоряжение традиционных гранд-систем (политики, искусства, образования, и т.д.).

Объектом исследования является феномен политического активизма в современном обществе. В качестве **предмета исследования** выступает протестная коммуникация в концептуальных схемах системно-коммуникативной теории.

Рабочая гипотеза исследования состоит в предположении о том, что с опорой на системно-коммуникативный подход можно рассматривать новые социальные движения как отдельную аутопоэтичную коммуникативную систему, обладающую собственным бинарным коммуникативным кодом («защищенный / пораженный») и символически генерализованным медиумом (привилегированность). Подобное предположение при дальнейшей рефлексии позволяет идентифицировать социальные движения как уникальную социальную систему, соразмерную другим, уже традиционным гранд-системам.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Выявлены и обобщены прикладные аспекты системно-коммуникативного подхода (моделирование и интерпретация социальных процессов, социально-философская экспертиза, ориентация и фокусировка на коммуникативном аспекте современного общества, прогнозирование конфликтогенных процессов в социуме), а также выполнена их авторская систематизация;

2. Обозначен эвристический потенциал системно-коммуникативного подхода в деле исследования современного политического активизма, который заключается, во-первых, в особой концептуальной ориентации, исключающей зависимость от терминологии психологии (сознания, индивидуального действия), что позволяет на качественно новом уровне изучать социальные явления, и во-вторых, в самом языке теории, обладающим высоким уровнем абстракции и генерализации, что позволяет осуществлять комплексный доступ к разнородным объектам социально-философского анализа;

3. Определены структурные детерминанты современного политического активизма с опорой на системно-коммуникативный подход, к числу которых относятся общественное мнение, протест, а также феномены риска и неопределенности, как определяющих факторов политического активизма;

4. Разработана концептуальная модель протестной активности, в рамках которой обозначено сопряжение, взаимосвязь и взаимовлияние структурных детерминант политического активизма, вследствие чего постулируется, что данные явления представляют собой уникальный способ самоописания общества;

5. На основе анализа различных форм практики современного политического активизма впервые предложена точка зрения, согласно которой современные социальные движения демонстрируют все признаки уникальной социальной системы, обладающей самореферентностью, аутопоэтичностью, коммуникативным кодом и символически генерализированным медиумом.

Теоретическая значимость исследования связана с критическим переосмыслением современного политического активизма, новых социальных движений и протестной коммуникации в целом. Результаты полученных обобщений и выводов могут дополнить уже имеющиеся разработки по данной исследовательской тематике, тем самым привнося особый вклад в понимании того, как общество реагирует на политические изменения и какие формы политической активности наиболее эффективны в конкретных обстоятельствах.

Практическая значимость определяется тем, что результаты, полученные в ходе исследования, могут использоваться в качестве концептуальной основы для оценки и прогнозирования итогов различных видов протестной активности, а также использоваться в разработке эффективных стратегий и управленческих решений по деэскалации конфликтов и противоречий, вызванных социальными проблемами. Наряду с

этим материалы по результатам данного исследования могут быть использованы при разработке учебно-методических материалов для студентов учреждений высшего профессионального образования в рамках соответствующих спецкурсов, ориентированных на будущих специалистов в области социальной философии, социологии и политологии.

В качестве **методологической основы исследования** используется системно-коммуникативный подход, который был разработан в рамках общей теории социальных систем. Данный подход активно применяется в анализе функциональных систем, систем организаций и интеракций, и именно поэтому в заявленном диссертационном исследовании он является ключевым.

Вместе с тем также важно отметить, что при изучении теоретико-методологических основ теории Н Лумана, а также при рассмотрении прикладной значимости и эвристического потенциала системно-коммуникативного подхода мы задействовали методы концептуального и компаративистского анализа. Исследуя детерминанты современного политического активизма, автор, помимо уже заявленного системно-коммуникативного подхода, использует методологические ресурсы, которые содержит субстанциально-деятельностный подход. В процессе же исследования политического активизма в условиях современного, «информационного» общества мы использовали метод структурно-функционального анализа.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эвристические и прикладные возможности системно-коммуникативного подхода обнаруживают себя в особом языке специальных понятий общей социологической теории Н. Лумана, которые позволяют идентифицировать, описывать и сравнивать разрозненные социальные величины, что, в свою очередь, существенно помогает развивать междисциплинарный вектор современной социально-философской мысли;

2. Всё возрастающая роль новых социальных движений опирается на дискурс самовиктимизации отдельных социальных групп, идентифицирующих себя в качестве жертвы властных решений в прошлом или настоящем. Именно самовиктимизация может считаться оптикой самонаблюдения протестной коммуникации;

3. Роль СМИ и социальных медиа в деле организации массовой протестной активности следует оценивать достаточно критически, так как данные инструменты, которые могут использоваться для трансляции, описания и презентации тех или иных протестных тем, могут служить также способом упреждения и профилактики активности протестной коммуникации;

4. Развивая вышеизложенные положения, делается вывод, что в рамках политической системы общественное мнение является коммуникативным инструментом для принятия общеобязательных решений, а не суммой индивидуальных воззрений, демонстрируя таким образом мифологическую нагруженность таких понятий, как «демократия», «выборы» и «народная воля»;

5. С опорой на системно-коммуникативный подход при исследовании новых социальных движений становится возможным идентифицировать их как самостоятельную социальную систему, соразмерную другим, «традиционным» гранд-системам.

6. Новые социальные движения как отдифференцированная (Ausdifferenzierung) социальная система обладает своим, уникальным символически генерализированным медиумом, а также бинарным кодом, обеспечивающим её самовоспроизводство и самореференцию.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность полученных результатов достигается автором за счёт ясности и обоснованности методологической базы исследования, которая позволяет привлекать обширный историко-философский материал, а также наиболее влиятельные современные социально-политические теории и

концепции для верификации основной гипотезы исследования и положений, вынесенных на защиту.

Основные положения и выводы исследования были изложены в 4-х научных работах, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п.

2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

1. Сапан И.Е. Общественное мнение и публичное пространство: проблема смысловой взаимосвязи в рамках системно-коммуникативного подхода // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 2. С. 103-111 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,367/0,455).

2. Сапан И.Е. Протест и масс-медиа как разновидности коммуникации: проблема смысловой взаимосвязи // Человек. 2023. Т. 34. №1. С. 99-111 (Scopus, RSCI; CiteScore – 0,1, SJR – 0,106, импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,372/0,583).

3. Сапан И.Е. К вопросу об эвристическом потенциале системно-коммуникативной теории Н. Лумана // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 1. С. 88-102 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,296/0,242).

4. Сапан И.Е. Риск как структурный элемент современного общества в свете концепций Н. Лумана и У. Бека: социально-философский анализ// Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 75-93 (импакт-фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) – 0,296/0,242).

Структура диссертации включает введение, три главы (в сумме содержат семь параграфов, двадцать четыре подпараграфа), краткий вывод для каждой из глав, заключение, список используемой литературы. Общий объём работы — 148 страниц.

Глава 1. Методологические основы системно-коммуникативной теории

§ 1. Концептуальная архитектура системно-коммуникативной теории

1.1. Коммуникация и социальная система: проблема смысловой взаимосвязи

Начиная исследование современного политического активизма в свете системно-коммуникативного подхода, мы полагаем, что прежде чем рассматривать интересующий нас социальный феномен под призмой определенной концепции, вначале требуется выявить и обозначить её ключевые характеристики. С нашей точки зрения подобное действие обусловлено ещё тем фактом, что Н. Луман создал не только уникальный парадигмальный каркас теории с опорой на общую теорию систем (Л. фон Берталанфи, Х. фон Фёрстер), но и сумел разработать особый «язык» для своей социологии, вложив в очевидные для большинства обществоведов термины подчас массу неочевидных смыслов. Подобная совокупность концептуальных и терминологических особенностей претендующей на монументальность теории немецкого исследователя сплетается, на наш взгляд, в причудливый узор идей и понятий, обладающих редкой для социологической науки взаимозависимостью и взаимопроникновением. В силу вышеизложенного мы обнаруживаем необходимость в формировании смысловой преамбулы, которая обозначит контур фундаментальных категорий теоретического аппарата Н. Лумана.

Стоит отметить тот факт, что в XX веке возникают особые понятия, в которые вплетена «коммуникативная» составляющая как нечто качественно отличное среди прочего арсенала смысловых элементов или дидактических единиц обществоведческого знания. Мы говорим о таких понятиях, как «коммуникация», «теория коммуникации», «коммуникативное действие», «коммуникативистика» и т.д. Исследователи отмечают, что подобные понятия вошли в сферу знаний, которые сегодня принято называть

«Communication Studies».¹² Очевидно, что феномен коммуникации стал важным предметом изучения в самых различных дисциплинах. Как отмечает А. Ю. Антоновский: «Кажется, нет такой гуманитарной дисциплины, которая не изучала бы коммуникацию. История, экономика, лингвистика, социология, литературоведение, социальная психология и социальная философия, этика и эстетика, философия языка и логика — все эти дисциплины предлагают собственные реконструкции и формализации человеческого общения».¹³

Одним из ключевых этапов в становлении теории коммуникации являлся, прежде всего, взгляд на коммуникацию как на одну из форм социального процесса.¹⁴ Подчеркнём, что в данном контексте коммуникация воспринималась как континуальное явление. Вместе с этим коммуникативный процесс характеризовался не просто как передача вербальной информации от одного субъекта другому. Философское осмысление и концептуализация такого феномена как коммуникация поражает своим смысловым размахом: «Коммуникацию могут составлять и экономические обмены (Ж. Бодрийяр), и трансляция мифов (К. Леви-Стросс, Р. Барт), и обмен взглядами в уличной сцене (Э. Гидденс), и диалог между двоими (М. Бубер), и мертвые памятники и тексты культуры (Ю. Лотман)».¹⁵ Немаловажную роль в изменении характера и структуры общения между людьми сыграло и развитие медиа (радио, печать, а сегодня и мобильная телефония, и интернет), которое, как подчёркивает А. Ю. Антоновский, «начало в каком-то смысле «вытеснять» или подменять интерактивную коммуникацию face-to-face».¹⁶

¹² Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Издательство «Весь Мир», 2012. С.4.

¹³ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Системно-коммуникативная теория и ее приложения: наука и протест: Монография. М.: «Русское общество истории и философии наук», 2019. С. 5.

¹⁴ См. Pearce W.B., Cronen V.E. Communication, Action, and Meaning: The Creation of Social Realities. New York, 1980.

¹⁵ Назарчук А.В. Теории коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 5.

¹⁶ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Системно-коммуникативная теория и ее приложения: наука и протест: Монография. М.: «Русское общество истории и философии наук», 2019. С. 10.

Таким образом, коммуникация стала различаться как некий фундаментальный феномен; она словно лежит в основе построения общества: «Коммуникация — это социальный процесс преобразования социальной реальности, сохранения и сотворчества».¹⁷ Однако, на наш взгляд, стоит учитывать ещё одну важную характеристику коммуникации, коль скоро мы опираемся на концептуальный аппарат, разработанный Н. Луманом. В данном случае коммуникация представляет собой эмерджентное единство трёх её компонентов: информации, сообщения и понимания. Она необходима для создания смысла и стабильности внутри социальных систем. Без чего-либо одного коммуникация не просто признаётся несостоявшейся — её попросту нет. Данная позиция отличает Н. Лумана от других исследователей подобной проблематики, например, от Ю. Хабермаса, К. Бюлера, Дж. Остина и Д. Серла, которые «рассматривают процесс коммуникации как успешный или неудачный перенос известий, информации или требования понимания», демонстрируя тем самым свою ангажированность в пользу теории действия.¹⁸

Чтобы сделать более отчётливым смысловой контур понятия коммуникации у Н. Лумана, сравним это понятие у него и у Ю. Хабермаса, с которым он вёл научную полемику на протяжении тридцати лет.

Как известно, Ю. Хабермас делает акцент на «коммуникативном действии» и рассматривает коммуникацию как средство достижения понимания и консенсуса между индивидами в публичной сфере. Учёный интересуется тем, как коммуникация способствует взаимному согласию, позволяет вести критические дебаты и формирует социальные нормы. Его подход основан на этических и политических аспектах коммуникации. В то же самое время Н. Луман рассматривает коммуникацию как самореферентный процесс в рамках сложных социальных систем. Его внимание сосредоточено на том, как коммуникация способствует их

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. № 3. 1995. С. 114-124.

стабильности и адаптации. Подход Н. Лумана в высшей степени абстрактен и сосредоточен на роли коммуникации в поддержании системных структур. Таким образом, точка зрения Н. Лумана фокусируется на коммуникации как функциональном механизме внутри социальных систем, в то время как точка зрения Ю. Хабермаса подчеркивает коммуникацию как основу для демократического обсуждения и формирования общего смысла.

Как мы отметили выше, Н. Луман использует нетривиальный способ изложения собственных идей, создаёт собственный терминологический лексикон. В творчестве немецкого исследователя используются многочисленные и чётко сформулированные неологизмы, тем самым образуя сложный язык, сложно поддающийся систематической популяризации.¹⁹ Вместе с тем, на первый взгляд простые тезисы к наиболее известным понятиям социальной философии (к примеру, «социальная система», «дифференциация» и др.) могут сбить с толку читателя: есть риск подумать, что удалось «схватить» весь пафос идеи раньше, чем это возможно. Понятие системы, распространенное в социальных науках, действительно получило у Н. Лумана уникальное содержание, которое, несомненно, подрывает быстрое «переваривание» его концепций. Наконец, дополнительная трудность работы над анализом его теории заключается в том, что общая цель теории социальных систем имеет претензию охватить практически все области знания. Так, У. Рабо отмечает, что Н. Луман действительно предлагает полное объяснение мира, и рассматривает свою работу как новый горизонт мышления.²⁰

Одной из главных предпосылок, которую фиксирует немецкий социолог в основание собственной теории, это различение системы и

¹⁹ Неологизмы сформированы в данном случае путем создания особых понятий (к примеру, «двойная контингентность»), а также путем использования термина в значениях, качественно отличающихся от обычного употребления (напр., «структура», «смысл»). Автор также не скупится на заимствования из словаря биологии, с которым большинство читателей не всегда могут быть знакомы (напр., «аутопоэзис», «репликация»).

²⁰Rabault H. L'apport épistémologique de la pensée de Niklas Luhmann: un crépuscule pour l'Aufklärung? //Droit et société. № 42-43. 1999. P. 449-465.

внешней среды. Система в данном случае не является чем-то умозраительным. «Существуют системы», — заявляет Н. Луман.²¹ Данное утверждение, при кажущейся на первый взгляд простоте, имеет далеко идущие выводы. Интересен тот факт, что с точки зрения немецкого теоретика система существует прежде всего как *различие* (то есть как некое отношение) между системой и внешним миром, а не как статичная и выкристаллизованная форма социальной реальности. Так как Н. Луман в построении собственной теории, как мы уже успели упомянуть, во многом опирался на общую теорию систем (далее — ОТС), то для того, чтобы лучше понять, почему немецкий учёный видит систему как комплекс неких различий, следует обратить внимание на позицию Ричарда Э. Болла относительно парадигмального характера ОТС. Комментируя концептуальную ориентацию данной теории, Р. Э. Болл заявляет: «ОТС начинается с процессуального понимания реальности как в основе своей состоящей из отношений между отношениями, как это иллюстрируется в используемой в современной физике концепции «тяготения». Термин «тяготение» в принципе не описывает объект. Нет такой «вещи» как тяготение. Это набор отношений. Считать эти отношения существующими объектами — значит впадать в овеществление <...> ОТС-подход требует, чтобы социологи развивали логику отношений и создавали концепции социальной реальности с точки зрения соотношений».²²

В таком подходе кроется одно из фундаментальных отличий во взгляде на феномен социальных систем с точки зрения Н. Лумана и, к примеру, известного американского социолога Т. Парсонса, критикуя которого немецкий теоретик сумел разработать собственный социологический метод. По мнению Т. Парсонса, социальные системы представляют собой сложные взаимосвязанные наборы социальных структур, институтов и культурных ценностей, которые формируют человеческое поведение и взаимодействие.

²¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н. А. Головина. СПб.: «НАУКА», 2007. С. 24.

²² Ball Richard A. Sociology and General Systems Theory // American Sociologist. № 13. 1987. P. 66. // цит. по Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. С. 216.

Т. Парсонс утверждал, что социальные системы имеют определенную степень функциональной интеграции, что в свою очередь означает, что различные части системы работают вместе для поддержания стабильности и равновесия. По мнению американского социолога, у социальных систем есть четыре основных функциональных требования, которые должны быть выполнены для того, чтобы система функционировала эффективно: адаптация, достижение цели, интеграция и поддержание паттернов. Однако Н. Луман подверг критике подобные воззрения; немецкий теоретик упрекал теорию системы действия Т. Парсонса в том, что она оставляет открытым вопрос «о когнитивной самоимпликации, ибо она ничего не утверждает о степени конгруэнтности аналитической понятийности и реального системообразования».²³

Идеи же Н. Лумана мы можем проиллюстрировать следующим образом: имеются некоторые элементы, являющиеся актами коммуникации (отметим, что коммуникацией может считаться не только речевой акт, но и иные действия, процессы, ситуации), которые могут комбинироваться различными способами. Как только мы налагаем определенного рода ограничения на количество комбинаций этих элементов, у нас появляется граница между системой и миром, как внутри, так и вне системы. Наряду с этим, коммуникации могут быть устроены по-разному. Для этого сами системы используют «кодирование» информации. Системы отличаются друг от друга прежде всего тем, какие «коды» они используют. Со слов Н. Лумана: «Под кодом мы будем понимать такую структуру, которая для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент».²⁴ Код, уникальный для каждой системы и предназначенный для того, чтобы выделить её в отношении других систем, обрабатывает при этом долю

²³ Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: «Логос», 2004. С. 10.

²⁴ Луман Н. Власть. М., 2001. С.54.

сложности, которая лежит на ней. Таким образом, код под социальной системой «право» будет отвечать на бинарности «законно или незаконно», системы науки — «истинно / ложно», код политики — «правительство / оппозиция», системы массмедиа — «информация / неинформация» и т.д.

Отметим, что система характеризуется наличием обратной связи, так что изменение одного элемента приводит к изменению состояния всех прочих, и, следовательно, системы в целом. Именно наличие обратных связей обеспечивает автономию и регулирование системы, гарантируя, что изменение элемента не приведет к взрыву сети взаимосвязей.

Н. Луман подразумевает под системой в социологии не набор связей и ассоциаций между людьми (как зачастую подразумевается в классическом понимании), а сеть операций, которыми являются коммуникации. Одним из вопросов социологии систем является вопрос о характере отношений между системой и ее окружением. Эти отношения не могут иметь того же содержания, что и те, которые объединяют элементы системы между собой (иначе не было бы системы, сама концепция подразумевала бы форму ограждения). Для Н. Лумана система является как операционно закрытой (или «аутопоэтической»), так и когнитивно открытой.

1.2. Аутопоэзис, форма и медиум: к вопросу о закрытости социальных систем

Аутопоэзис — это особое понятие лумановской социологии, заимствованное у биологов Умберто Матураны и Франсиско Варелы.²⁵ У Н. Лумана данный термин означает, что связи системы всегда создаются самой системой, и никакие элементы не попадают в систему извне. Это вполне логично, если учесть, что система сама по себе является формой, вытекающей из различия между ней и ее окружением, и что теория Н. Луман опирается на идею рефлексивности коммуникаций. Подчеркнём, что аутопоэтичность системы — её ключевое свойство. Это своего рода

²⁵ См. Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston. 1980. P. 63-134.

алгоритм, согласно которому система живёт и функционирует. Под аутопоэтичностью можно понимать способность системы при помощи своих же ресурсных «мощностей» обеспечивать воспроизводство и становление себя самой. Более того, мы можем констатировать, с опорой на концепцию Н. Лумана, что системой и является лишь то, что способно к аутопоэтичности; система с необходимостью самодостаточна, нуждается лишь в себе самой и коммуницирует только внутри себя. В силу чего качество аутопоэтичности носит предельно конститутивный характер.

Так как система воспроизводит саму себя, то из этого логически вытекает её другое свойство — закрытость. Все процессы, при помощи которых она регулярно себя формирует, предельно замкнуты. Подобное утверждение демонстрирует нам, что обыденное понимание коммуникации как «кого-то с кем-то» в корне ошибочно. Система ничем не обменивается с окружающим её миром, однако, он способен её раздражать, и каждая из гранд-систем будем эту раздражацию понимать строго по-своему. Как верно отмечает А.В. Назарчук: «Экономический коллапс может привести к гибели многих общественных подсистем, однако каждая при этом будет “умирать” в собственной “агонии” <...> В условиях экономического кризиса политика “срывается на крик” на языке не денежных транзакций, но политических коммуникаций (заявления, запреты, программы и т.д.)».²⁶

Отметим, что характер системы таков, что на окружающий мир из неё посмотреть не представляется возможным, при этом также нельзя посмотреть на неё извне. В этом смысле можно умозрительно представить феномен системы в качестве свойств «трубки Клейна» или «ленты Мёбиуса», которая перетекает сама в себя, при этом, если оказаться на ней, находишься внутри и снаружи одновременно. В этой аллегории начинает проясняться тезис о том, что система существует как различие между системой и внешним миром — система существует только в отношении самой себя,

²⁶ Назарчук А. В. Теоретико-политические воззрения Никласа Лумана. // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 137.

поскольку она постоянно проводит различие между собой и своим окружением. Таким образом, любая связь с системой — это операция чистой рефлексивности, которая не получает объект извне, а уменьшает долю сложности от самой системы. Систем может быть достаточно много, строгого схематизма, как у Т. Парсонса, нет. Система формируется в зависимости от того, образовался ли тот самый «новый код», удалось ли системе обособиться, стать самореферентной, или, согласно терминологии Н. Лумана, аутопоэтической, то есть, производящей саму себя, или же не удалось.

Наряду с этим, важным концептуальным элементом теории является понятие формы. Как и большинство понятий, которыми оперирует Н. Луман, оно имеет своё уникальное определение. Под формой подразумевается соотношение, при помощи которой система отличает саму себя, форма фиксируется как различие, «внешнего» и «внутреннего» в системе. Различая внешнюю или внутреннюю сторону формы, система осуществляет операцию инореференции и самореференции соответственно. При этом, с точки зрения немецкого теоретика, данный процесс невозможен без смысла. Именно смысл представляет собой взаимосвязь различного рода возможностей, как актуальных, так и потенциальных, и в силу этого, становится единством различий. Следует отметить, что смысл как феномен не является следствием когнитивной деятельности индивидуума, а напротив, сам фундирует возможность коммуникации и сознания.

Помимо формы и смысла есть ещё один элемент, без которого форма не в состоянии актуализироваться. Н. Луман полагает различие между формой и медиумом. Последнее представляет собой некую «субстанцию», где форма обретается и конституируется в её структурной уникальности. Медиум это условие для формы. Можно проиллюстрировать эту особенность в качестве ставшего уже крылатым выражения Микеланджело Буонарроти, когда его спросили, как ему удаётся создавать свои шедевры: «Я беру камень, и отсекаю всё лишнее». Камень в данном случае является *медиумом*,

который посредством своего преобразования обретает *форму* скульптуры. Это распространяется и на дескрипции социальной системы (будь то операции или процессуальность), в которых медиумом выступает смысл.

Отметим, что с эпистемологической точки зрения Н. Луман разрабатывает антионтологическую позицию. Именно такая теория знания позволяет ему мыслить социальный мир как совокупность аутопоэтических социальных систем, подверженных процессу функциональной дифференциации. Отправной точкой его теории познания действительно является отказ от объяснения общества или социального порядка на основе онтологических предпосылок или, тем более, какого-либо мифа, который выделил бы понятный (даже гипотетический) момент формирования социального порядка. Н. Луман в этом плане предстаёт в качестве философа, который не ищет предельных оснований сущего (в данном случае — общества), а работает, что называется, «по факту» суже явленным. Подобный подход очень необычен, особенно если учитывать частую тенденцию к историзму и редукционизму различных теорий, будь то социологических или философских.

Тем не менее, мы знаем, что история общества по-прежнему во многом основана на различных тезисах об общественном договоре. У Т. Гоббса естественное право, которое является возможностью для человека использовать любые доступные ему средства для сохранения себя, ограничивается только естественным законом, который диктует разумному индивидууму делегировать свое право правительству, обеспечивающему благо каждого.²⁷ У Ж.-Ж. Руссо общество создается силой решающего события — появления собственности, которое не обязательно вытекало из условий состояния природы.²⁸ В обоих случаях состояние общества сменяет

²⁷ См. Гоббс Т. Левиафан / Пер. с англ. А. Гутерман; вступ. ст. А. Ф. Филиппов. М.: РИПОЛ классик, 2018. 672 с.

²⁸ Однако не все так называемые «классические» авторы предполагают такую предысторию. К примеру, Спиноза, развивая идею естественного права, не думает о каких-либо особых ситуациях, спровоцировавших формирование общества и, похоже, рассматривает общество как всегда бывшее.

предыдущее состояние, которое, несмотря на то, что является гипотезой, также функционирует как миф, предназначенный не только для объяснения текущих обстоятельств нашей социальной жизни, но и для оправдания определенных моделей в отношении организации общества. Напротив, теории возникновения имеют общее представление о так называемых «фундационалистских» интерпретациях общества. В философии фундаментализма (который, строго говоря, не является течением или традицией, а скорее эпистемологической позицией) предполагается, что новое знание оправдано только в том случае, если оно в конечном итоге основано на неразложимых основаниях достоверного знания. Картезианское «*cogito*» — пример подобного знания, из которого вытекает, что набор неких правил поведения оправдан, потому что он рационален в смысле фундаментализма. На уровне политической философии, когда Т. Гоббс или Ж.-Ж. Руссо разрабатывают свои теории социального договора, они выводят из рациональной гипотезы (поскольку состояние природы, очевидно, не является социальным, оно мыслится непредвзято и основано на предпосылках, которые авторы считают непроверяемыми) набор требований относительно того, каким должен быть социальный порядок. Особенностью Н. Лумана является то, что он выступает против этих теорий. Социальный порядок мыслится у него в терминах постоянного возникновения: ничего нельзя сказать о возникновении общества, о его «нулевом километре». Более того, на наш взгляд, от теорий общественного договора пришлось вскоре отказаться, так как она была выстроена петлеобразно: «нерушимость» подобного договора до конца не прояснена в своей обязательности. У Н. Лумана же формулировка этого «отказа» от подобных теоретических воззрений проходит через несколько смысловых вех, среди которых присутствуют понятийные категории в теории социальных систем, к примеру, понятия «различия», «двойной контингентности», «бинарного кода» и «комплексности». Так,

комплексность, по Луману, строго говоря, является «концепцией без контуров».

1.3. Комплексность или «хаос возможностей» социальных систем

Отметим, что понятия «сложности» или «комплексности» часто встречается и у других теоретиков: они означают то, что в социуме налично присутствует множество элементов и операций, которые невозможно «ухватить» в некую одну общую теорию, и уж тем более при помощи концептуального каркаса оказывать прямое влияние на социум или предвосхищать результаты его функционирования. Так обстоит дело с Ф. А. фон Хайеком, который, исходя из идеи, что невозможно четко объяснить все причины, способствовавшие принятию того или иного правила поведения, отвергает политический или экономический интервенционизм.²⁹ Однако у Лумана понятие комплексности подвергается концептуальной радикализации. Немецкий теоретик возводит его на более абстрактный эпистемологический уровень. В отличие от Ф. А. фон Хайека, который рассуждает о данном предмете с точки зрения индивидуального поведения, у Н. Лумана даже невозможно говорить о сумме индивидов, поскольку комплексность означает для него абсолютную неразборчивость мира, с чем связан его отказ от какой-либо онтологии. Подобный отказ не является свободным постулатом. Это коррелирует с общей теорией знания, в которой деятельность по познанию рассматривается как серия чисто *дискриминационных* операций. Заимствуя некоторые идеи из теории, разработанной математиком Г. Спенсером-Брауном в книге «Законы формы», Н. Луман признает, что «каждое наблюдение и описание основаны на различии. Чтобы описать <...> одну вещь, наблюдение должно уметь различать эту вещь. Только в той мере, в какой наблюдение отличает одну

²⁹ См. Хайек Ф., Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.

вещь от другой, оно описывает объекты».³⁰ «Форма — это то, что является результатом различия; она заменяет объект в эмпирическом смысле этого слова. Понятие применимо также к абстрактным понятиям, которые образуются только путем различия с контр-понятиями».³¹ Именно в этом смысле творчество Н. Лумана можно приравнять к антифундационалистским, который, однако, не уступает идеализму в смысле Беркли. В данном случае речь никогда не идет о том, чтобы отрицать существование реального или постулировать ультимативно духовный характер реальности, а о том, чтобы утверждать, что она недоступна в «экспериментальном режиме» и что мы имеем дело только с речами или «коммуникациями». Тогда «комплексность» есть ничто иное как другое название этого реального мира, которое еще не получило различий.

Таким образом, эта позиция приводит к интерпретации общества не как набора объективно описываемых социальных элементов, а как набора форм. Скачок от сложности к социальному порядку не может быть исторически локализован; на метафорическом уровне он совпадает с выходом из ситуации, которую Н. Луман иногда называет «двойной контингентностью»³², и которую мы будем называть своего рода «суррогатом» мифа, призванной сделать понятной теорию. Случайность относится к мысленному опыту, выдвигая гипотезу о двух лицах, стоящих лицом к лицу в рамках комплексности.³³ Неспособные общаться в отсутствие социального порядка, эти люди не имеют общих ожиданий. Они находятся по отношению друг к другу в ситуации абсолютной неопределенности. Тогда мы скажем, что социальный порядок возникает из любого действия,

³⁰ Luhmann N. Law as a social system [Das Recht der Gesellschaft], Oxford University Press, 2004 (1993), P. 67.

³¹ Ibid.

³² Идея двойной контингентности проиллюстрирована А. Ю. Антоновским, приводящего в пример биологическую эволюцию, в ходе которой «сталкиваются два массива случайностей: генные мутации и рекомбинации в половом воспроизводстве, с одной стороны, и случайные отношения фенотипа и окружающей среды — с другой». См. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем М.: ИФ РАН, 2007. С. 23–24.

³³ Потому что описываемая в ней ситуация встречи между людьми предполагает, что минимальная редукция комплексности уже была выполнена.

осуществляемого одним из этих людей (здесь мы можем представить любое поведение), акт, создающий первое различие внутри сложности и тем самым представляющий собой первое общение. Это сообщение допускает ответ в форме согласия или отказа, «да» или «нет», альтернативу, которую Н. Луман называет, как мы уже упоминали, «кодом» и которая, по его мнению, является бинарной структурой, исходной для любого общества. Иными словами, общество не означает ничего объективного, а является тем, что было выделено из сложности в результате совершенно произвольного, не подлежащего описанию акта, происхождение которого остается скрытым.³⁴

Поскольку комплексность представляет собой неразборчивый хаос, общение, вызванное двойной случайностью, никогда не относится к объектам как таковым, а только создает различия, на основе которых могут возникнуть другие коммуникации. С этой точки зрения Н. Луман оспаривает положения большей части социологической эпистемологии XIX — XX века. В то время как Э. Дюркгейм хотел порвать с расплывчатостью, связанной с «социальным фактом», и призывал рассматривать его «как вещь», Н. Луман вернулся к этому с помощью теории коммуникации, чтобы постулировать онтологическую пустотность любой концепции, претендующей на описание социального явления. Эта позиция противоречит движению, которое стремилось основать социологию как эмпирическую науку. Проект Э. Дюркгейма должен был показать, что «социальные факты», далекие от того, чтобы входить в сферу психических явлений и смешиваться с ними, обладали собственным существованием, навязывая себя людям посредством принуждения. У них есть реальность «*sui generis*», очень отличная от отдельных фактов, которые ее проявляют.³⁵ Таким образом, к примеру, такой феномен как «право» навязывается мне как вещь, и его существование не зависит от того, с чем я внутренне согласен (нарушение права, поскольку оно

³⁴ Философия Н. Лумана, по всей логике, также устраняет идею субъекта, сводя её к психической системе, работающей в том же режиме, что и социальные системы или общество как система в целом.

³⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 34.

считается несправедливым или неинтересным, все равно подлежит наказанию). С другой стороны, это может быть любой объект знания, который естественным образом не поддается совместимости с интеллектом, то есть не может быть проанализирован путем самоанализа, как, например, математика. Только постулируя существование научных объектов, возможно эмпирическое исследование. Однако для Н. Лумана, который принадлежит к направлению операционального конструктивизма, не только то, что мы считаем вещами, является просто различиями без онтологической истины, но и коммуникация, которая создает различия и не относится ни к чему реальному, обладает обязательно рефлексивным измерением, на основе которого может основываться только теория реальности. Коммуникация служит для того, чтобы отличить социальную систему от ее окружения, которое является сложностью. Общение постоянно снижает сложность. В качестве иллюстрации выражение «я являюсь учителем» не может относиться к какой-либо реальной сущности, но указывает на различие, которое я делаю между «я» и его окружением. Еще одна часто используемая иллюстрация состоит в том, чтобы сказать, что любое сообщение, претендующее на то, чтобы что-то сказать об обществе, само по себе исходит от общества (из чего следует, что общество всегда описывает себя).

Подытожив, мы можем заключить, что Н. Луман наиболее известен своей концепцией общества, выступающей в качестве глобальной аутопоэтической социальной системы, в которой феномен коммуникации представляется как «атом» социального, имеющий под собой эмерджентное единство сообщения, информации и понимания. Социальная дифференциация при этом заключается в возникновении социальных подсистем, функция которых обнаруживает себя в уменьшении комплексности их окружающего мира. В этом смысле мы могли бы утверждать, что в жизни общества как макросистемы действует парадоксальный принцип «чтобы упростить, надо усложнить». Однако, рассматривая композицию и элементы системно-коммуникативной теории Н.

Лумана, следует также обратить внимание на её прикладной срез в деле исследования современной социальной реальности, эксплицируя её «объяснительные горизонты» и возможности, и, как следствие, продемонстрировать сильные и слабые стороны самой теории.

§ 2. Системно-коммуникативная теория и её приложения: к дискуссии о прикладной значимости

2.1. Эвристический потенциал коммуникативного подхода

В рамках данного параграфа наш исследовательский интерес заключается в том, чтобы рассмотреть прикладной и эвристический аспект такой масштабной, претендующей на всеобъемлющее значение и вместе с тем довольно неоднозначной теории, как теория социальных систем. Отметим, что данная теория часто критиковалась за излишнюю абстракцию и ограниченную применимость в практических эмпирических исследованиях. На наш взгляд, подобные упреки могут быть не всегда справедливы, и следуя ставшей уже крылатой фразе австрийского физика Л. Больцмана, что «нет ничего практичнее хорошей теории», мы выступаем (там, где это возможно) со встречной критикой подобных заявлений посредством демонстрации её прикладных аспектов, избегая при этом методологической ангажированности.

Вместе с тем стоит добавить, что в процессе поиска научных работ (причём не только в русскоязычном сегменте) нами не было обнаружено конкретной публикации или книги, способной если не исчерпывающе, то хотя бы внятно объяснить возможные области применения концептуального инструментария Н. Лумана. Желательно, с некоторыми примерами, иллюстрирующими веские и уникальные преимущества данного подхода. Как правило, приходится довольствоваться фрагментарными замечаниями и мнениями на данный счёт, разбросанными в книгах и научной периодике по самым разнообразным темам. Мы взяли на себя труд восполнить данный пробел.

Однако прежде чем говорить об эвристичности теории социальных систем, мы намерены вкратце описать тот смысловой абрис, который выстраивается вокруг самого феномена эвристичности.

Безусловно, как и всякое генерализированное понятие, эвристика не имеет однозначной трактовки, однако, мы все же можем обозначить её ключевые особенности. Так, например, можно согласиться с мнением Е.В. Ушакова, что «эвристики — это комплексы исследовательских приемов, облегчающие поиск решения задачи или проблемы. Эвристические принципы, конечно, не гарантируют нахождение решения в любом случае, но повышают вероятность того, что путь к решению окажется более эффективным».³⁶

Рассуждая об эвристичности в контексте исследовательской деятельности, нельзя не упомянуть имя английского философа венгерского происхождения И. Лакатоса. Учёный ввел особое понятие научно-исследовательских программ (НИП), в которых существуют методологические правила, «указывающие, каких путей исследования нужно избегать (отрицательная эвристика)» и правила, «указывающие, какие пути надо избирать и как по ним идти (положительная эвристика)».³⁷ И если положительная эвристика направлена на усиление «защитного пояса» ядра НИП, то отрицательная эвристика призвана на основании противоречащих фактов ядра НИП стимулировать поиск учёными новых гипотез и практик, способных защищать это ядро, тем самым, дополняя эвристику положительную.

Не менее важные идеи, касающиеся эвристичности в научном исследовании, выдвинул американский философ науки Норвуд Хэнсон. В своей знаменитой работе «Паттерны открытия» учёный заявляет, что в

³⁶Ушаков Е.В. Проблема научного творчества в современной философии науки: алгоритмы, эвристики, модели научно-познавательного поиска // Развитие общества и науки в условиях цифровой экономики: коллективная монография / Ред. Ляменкова Н.В., Новикова А.В., Ушаков Е.В., Горбунова Н.В., Вовк Е.В., Исмаилов К., Зенков А.В., Зенков Е.В., Зенков М.А. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. С. 149.

³⁷Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. С.79.

реалии научного мышления не всегда укладывается гипотетико-дедуктивная модель: гипотеза возникает после анализа фактов, которые одновременно с этим не могут быть «нейтральны» и зачастую обусловлены теоретическими предпосылками.³⁸ Получается некая самозамкнутая модель, если взглянуть на науку с исторической ретроспективы. С точки зрения американского философа, учёный, который подвергает анализу накопленный материал, эвристическим путём способен усмотреть в нем некоторую структуру, «концептуальный гештальт», чтобы затем выстроить парадигму без логических лакун. Бесспорно, подобная мысль встречается не только у Н. Хэнсона.³⁹ Однако, как справедливо указывает Е.В. Ушаков, «подход Хэнсона способствовал размыванию границы между контекстом открытия и контекстом обоснования. Действительно, переход от фактов к гипотезе, производимый в «ретродуктивном» рассуждении посредством нахождения разумного основания для гипотезы, оказывается одновременно и открытием нового теоретического утверждения, и предварительным обоснованием этого же самого утверждения».⁴⁰ Отметим, что данная мысль отчетливо коррелирует с идеями Н. Лумана как операционального конструктивиста, а именно, что «когнитивные системы [т.е. люди, прим. И.С.] не в состоянии различать между условиями существования реальных объектов и условиями их познания, ибо они не имеют никакого независимого от познания доступа к таким реальным объектам».⁴¹

Наряду с этим мы не можем не упомянуть такое родственное понятие эвристики как понятие серендипности. О нём, в частности, рассуждал известный американский социолог Р. Мертон. Отмечается, что Р. Мертон

³⁸Hanson N.R. Patterns of Discovery. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. P. 134.

³⁹ К примеру, идеи Н. Хэнсона подхватил и продолжил Т. Кун в своей знаковой работе 1962 года «Структура научных революций».

⁴⁰Ушаков Е.В. Проблема научного творчества в современной философии науки: алгоритмы, эвристики, модели научно-познавательного поиска // Развитие общества и науки в условиях цифровой экономики: коллективная монография / Ред. Ляменкова Н.В., Новикова А.В., Ушаков Е.В., Горбунова Н.В., Вовк Е.В., Исмаилов К., Зенков А.В., Зенков Е.В., Зенков М.А. Петрозаводск.: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. С. 142.

⁴¹ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновский. М.: Праксис, 2005. С. 14-15.

понимал данный термин как «методологическую эвристику, способствующую расширению или появлению новой теории за счет случайных, аномальных, непредвиденных фактов».⁴² По мнению Л.Н. Волобуевой, современное миропонимание перестроилось от убеждения об упорядоченности реальности к точке зрения, что реальность хаотична и контингентна. Подобный факт побуждает признать важность стремления приспособляться к непрерывно меняющейся действительности, в силу чего «приобретает популярность так называемая серендипность как интуитивная прозорливость, способность прийти к истине благодаря случайным фактам или наблюдениям».⁴³ К слову, сам Н. Луман, рассуждая об окружающем мире социальных систем, заявлял о его сложности, заставляющих социальные системы дифференцироваться и усложняться для лучшей редукции комплексности, что лишний раз подтверждает серендипность и ориентированность теории немецкого социолога на актуальное понимание общества.

Однако остаётся открытым вопрос, а как именно обнаруживается эвристический потенциал в анализе социальной действительности, который берёт на вооружение коммуникативный подход? Ведь любой более или менее авторитетный подход мог бы обладать подобным свойством. Так, например, весьма популярная на сегодняшний день интерсекциональная теория в исследованиях дискриминации тех или иных социальных групп, с точки зрения Х. Плакроуз и Дж. Линдси, «зародилась как эвристика – инструмент, позволяющий каждому отдельному индивиду открывать для себя что-то новое».⁴⁴ Однако популярность или подчас даже авторитетность теории не всегда сродни её релевантности в деле исследования; данный факт также на различных примерах демонстрируют вышеупомянутые авторы,

⁴² Волобуева Л.Н. Эвристическая функция межкультурной философии // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. Электронный научный журнал. 2022. Т. 32. №2. С. 6.

⁴³ Там же, С. 5.

⁴⁴ Pluckrose H., Lindsay J. Cynical Theories. How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity – and Why This Harms Everybody. Durham: Pitchstone Publishing. 2020. P. 156.

выстраивая рассуждения о ряде современных тенденций в социальной мысли. Оригинальность коммуникативного подхода кроется в самой системной теории Н. Лумана, которая предлагает новое понимание общества и пересматривает само основание социологии. А.В. Назарчук заявляет: «Концепция социального действия есть, по мнению Лумана, пережиток социологии, не сформировавшей самостоятельного понятия социума, не освободившейся от терминологии психологии как зависимости от нее как теории психических систем. Самостоятельная социальная теория должна строить концепцию своего предмета как автономной системы, не привлекая понятие сознания и соответственно индивидуального действия».⁴⁵

Подчеркнем, что коммуникативный подход рассматривается рядом исследователей не только как «внутридисциплинарный способ описания политических, правовых, лингвистических феноменов», но и как метод, выступающий в роли онто-гносеологического параметра теории систем.⁴⁶ Вследствие этого отмечается особый эвристический потенциал подобного подхода. Так, П.К. Гречко заявляет: «Освоение коммуникации/коммуникативности в отечественной науке, по сути, только начинается. Потенциал, в том числе и парадигмальный, у этих формирований огромный. Эвристичность коммуникативной парадигмы предстоит почувствовать на себе всей социально-гуманитарной сфере».⁴⁷ В. Н. Бабина и Н. В. Розенберг выражают аналогичную точку зрения, акцентируя своё внимание на коммуникативном потенциале современного медиацентричного социума: «Понятие «коммуникативный потенциал» с точки зрения происходящих процессов глобализации и виртуализации общества обладает большой эвристичностью».⁴⁸ По мнению исследователей, ориентация на

⁴⁵ Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Издательство «Весь Мир», 2012. С. 183.

⁴⁶ Деникин А. В., Деникина З. Д. Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 3. С. 7.

⁴⁷ Гречко П.К. Коммуникация и коммуникативность: различительное единство // Ценности и смыслы. 2013. Т. 26. № 4. С. 26-37.

⁴⁸ Розенберг Н.В., Бабина В.Н. Возможности и проблемы развития коммуникативного потенциала медиацентричного социума // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 66.

коммуникативность в процессе исследования общества позволит качественнее артикулировать возможные противоречия внутри социальных субъектов с целью улучшения их функционирования и устранения потенциальных угроз внутри социальных процессов.⁴⁹

Как мы указали выше, коммуникативный подход имеет возможность стать онто-гносеологическим параметром теории систем. Наиболее отчётливо это выражается в системно-коммуникативной теории Н. Лумана. Коммуникация у Лумана является своего рода «атомом социального», без которого само общество как феномен попросту не мыслится и не существует, ведь оно, по мнению ученого, есть ничто иное, как совокупность всех коммуникаций внутри функциональных систем. Как верно отмечают З. Д. Деникина и А. В. Деникин: «Луман выдвигает тезис о коммуникативной природе системы на первый план. <...> Системный анализ выходит на новый уровень. Луман обращается к системам, способным поддерживать свою автономию и единство посредством собственных операций».⁵⁰ Немецкий социолог создаёт не просто уникальную теорию, которая позволяет объяснить, почему существует общество как нечто целое в условиях невероятной сложности и «относительного порядка в «средовом бытии»⁵¹ — он создаёт уникальный язык, особые, если угодно, инструменты концептуальной артикуляции, способные объяснять весьма сложные социальные феномены. И это одна из ключевых, если вообще не главная эвристическая особенность теории. Схожие идеи мы можем обнаружить у отечественного социолога А. Ф. Филиппова, одного из первых популяризаторов лумановской концепции в России: «Луман создал свой особый, очень трудный для вхождения, для первоначального постижения язык, который, однако, очень удобен, очень практичен для социолога».⁵²

⁴⁹ Там же, С. 73.

⁵⁰ Деникин А. В., Деникина З. Д. Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 3. С. 11.

⁵¹ Там же, С. 12.

⁵² Филиппов А.В. Я хотел создавать теорию [Электронный ресурс] — 2014. URL: <https://polit.ru/article/2014/11/04/philipov/> (дата обращения: 04.02.2023).

Слова А. Ф. Филиппова об «удобстве языка» Н. Лумана мы склонны воспринимать достаточно скептически, учитывая то, что некоторые социологи находили его манеру письма непонятной и даже нечитабельной, однако, мы согласны с мнением о его практичности в деле описания многосложной социальной реальности. Подобной точки зрения придерживается и О. А. Литвинова, заявляющая, что использование языка и метода Н. Лумана целесообразно «при исследовании политико-управленческих сетей, проблемных комплексов, их институционально-инструментальных аспектов, влияния среды, при когнитивном анализе иерархических структур в социальных системах».⁵³ На наш взгляд, системно-коммуникативная теория способна стать инструментом для сравнения гетерогенных социальных явлений, ведь она, как точно выразился итальянский социолог Р. Кондорелли, «являясь инновационной по отношению к классической парсоновской теории, обращается к понятию нестабильности, неравновесности и, следовательно, эмерджентной и удивительной самоорганизации, фундаментальным правилам структурирования механизмов социальных систем и человеческих организаций».⁵⁴

2.2. Экспликативные возможности системно-коммуникативной теории: некоторые примеры

Напомним, что теория Н. Лумана претендует на всеобъемлющее объяснение общества как совокупности функциональных социальных систем (политики, права, культуры, религии, науки, искусства, и т.д.). Данные системы динамичны и самореферентны. Являясь совокупностью коммуникаций, производя реальность смысла и редуцируя окружающую их комплексность, они способны дифференцироваться и

⁵³ Литвинова О.А. Система и окружающая среда социологии Никласа Лумана. М.: Альфа-М, 2007.С. 59.

⁵⁴Condorelli R.Complex Systems Theory: SomeConsiderationsfor Sociology // Open Journal of Applied Sciences. 2016. № 6. P. 430.

самовоспроизводиться.⁵⁵ Отдельно рассматривая различные социальные системы, Н. Луман пишет целые серии работ, им посвященные («Экономика общества», «Искусство общества», «Право общества», «Политика общества» и т.д.). На наш взгляд, данную «серию» можно активно продолжать и сегодня, применяя системно-коммуникативный подход. В этом смысле мы согласны с мнением Р. Штихве, рассуждавшего об исследовательских преимуществах концепции функциональных систем Н. Лумана; учёный отмечает, что достаточно высокая абстрактность теории: «...предполагает конкретные вопросы исследования, такие, например, как имеют ли они код, имеются ли собственные роли системы, распознаваемы ли роли публики и т. д. Здесь имеется в виду стремление работать с максимально абстрактными терминами с последующей их конкретизацией и использованием для изучения конкретных социальных феноменов».⁵⁶ Схожей точки зрения придерживается и С.А. Шилина, заявившая, что «общетеоретические идеи и оригинальные методики, предложенные Никласом Луманом в его фундаментальных и ныне весьма востребованных исследованиях, играют важную методологическую роль в решении актуальных задач и конкретных практических вопросов управления».⁵⁷

Характерной чертой современности для Н. Лумана является именно усиление дифференциации социальных подсистем. Эта тенденция уже была выявлена в других местах, особенно М. Вебером, для которого рационализация западных обществ требовала расширения прав и возможностей различных социальных сфер.⁵⁸ Немецкий социолог считал, что современность характеризуется переходом общества от дифференциации в

⁵⁵Если предпринять попытку умозрительно представить общество «по-Луману», то мы могли бы представить некий бетонный завод, который производит бетон для собственного строительства; к слову, нечто подобное есть и в реальности: к примеру, при обработке орехов макадамия на заводах пищевой промышленности скорлупа ореха нередко используется для обеспечения нагрева и тепловой вентиляции нового поступления орехов на конвейер.

⁵⁶ Беляев А., Зименкова Т.В. Универсализм системной теории. Интервью с профессором Рудольфом Штихве / Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том 2. № 1 (5). С. 167.

⁵⁷ Шилина С.А. Социология управления: коммуникативный аспект власти (на материале Посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию) / Nauka I studia. Przemysl. 2016. Т. 11. С. 249.

⁵⁸Colliot-Thélène C. Retour sur les rationalités chez Max Weber // Les Champs de Mars. 2011. № 22. P.15.

различных областях социальной деятельности (вопросы экономических, правовых, религиозных или даже военных реалий, которые достаточно переплетены) к тому моменту, когда различные социальные сферы сталкиваются друг с другом из-за противостояния между их функциональной логикой.⁵⁹

Схожую точку зрения выражает современный швейцарский политолог, профессор университета Фрибура Н. Айо, рассуждая о военной сфере: «Теория Лумана <...> обладает мощным экспликативным потенциалом, особенно для анализа войны и военных действий».⁶⁰ В своей статье «Организация войны и военные в обществе: системная перспектива» (“Organizing War and the Military in Society: A Systemic Perspective”) автор критически рассматривает различные исследования войны и военных организаций, которые в качестве методологической основы берут теорию Н. Лумана, и активно отстаивает точку зрения, что военная сфера общества не может являться функциональной системой, а является скорее подсистемой политики как особое организационное явление.⁶¹

Системно-коммуникативная теория может использоваться и в анализе таких проблем, как гендерная дифференциация в обществе. Подтверждение данной идее мы можем обнаружить в работе К. Вайнбах и Р. Штихве «Гендерные различия в функционально дифференцированном обществе» (“Geschlechter differenz in der funktional differenzierten Gesellschaft”). Отправной точкой для настоящего исследования стала связь между социальной дифференциацией, гендерным разделением труда и конструируемостью гендерных различий. Авторы убедительно сумели

⁵⁹ Так, например, правовая рациональность проходит через абстрактный язык, который вступает в противоречие с формами социального регулирования, основанными на особых случаях и проникнутыми религиозным пиетизмом.

⁶⁰ Hayos N. Organizing War and the Military in Society: A Systemic Perspective // Russian sociological review. 2016. Vol. 15. № 2. P. 9.

⁶¹ Несмотря на то, что данное утверждение может показаться на первый взгляд избитой истиной, на деле это оказывается не совсем так. Н. Айо дискутирует с видным датским социологом Г. Харстом, который отстаивает точку зрения, что военное дело, война и организации, её обеспечивающие, есть суверенная социальная система, не уступающая по своему масштабу системам политики и права.

обосновать, что статус гендерных различий является условным. Он зависит от модальностей наблюдения соответствующей системы и предположительно — находясь внутри систем функционально дифференцированного общества — будет становиться все более нерелевантным для формирования коммуникационных ожиданий. Авторы заявляют, что «становится очевидной и системная структурная беспричинность гендерных различий, своего рода энтропия их информативной релевантности».⁶² Проще говоря, если в социальной системе возникает потребность свое окружение персонализировать (отметим, что люди, или «психические системы», не являются элементами социальной системы, а является её окружением, если верить Луману⁶³), то система рассматривает людей как индивидов с характеристиками и обязанностями, изменяющимися в зависимости от пола. Для социальной системы неважно, какого пола индивидуум, так как она способна осуществлять функционирование только в логике собственного кода. Таким образом, мы можем наблюдать, что теория Н. Лумана может предложить более выдержанное, нейтральное понимание феномена гендерной дифференциации в обществе, избегая, с одной стороны, перекоса в сторону биологического детерминизма, а с другой — так часто используемого различными авторами тезиса о «репрессивности» социального конструкта под названием «пол» и «гендер».

Нельзя не отметить, что эвристический потенциал системной теории Н. Лумана отлично себя демонстрирует в исследовательских направлениях, посвященным социальной проблематике онлайн-среды, цифровизации,

⁶² Weinbach, C., Stichweh, R. Die Geschlechterdifferenz in der funktional differenzierten Gesellschaft // Heintz, B. Geschlechtersoziologie. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2001. S. 30.

⁶³ В своей работе «Что такое коммуникация?» Н. Луман заявляет, что социальные системы и психические системы «циркулярно закрыты»: «Социальная система не может думать, психическая система не может коммуницировать». Строго разделяя два этих факта, Н. Луман преследует техническую адекватность для построения своей теории. При этом Н. Луман не говорит, что коммуникация возможна без сознания и жизни — у психических и социальных систем наблюдается высококомплексная структурная взаимосвязь, которая тем не менее не нарушает качественные границы обоих типов систем. (См. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114-124).

рекламы и массмедиа. Немецкий социолог во время своих лекций заявлял, что теоретические концепции, которые он излагает, могут быть приспособлены к формату конкретных исследований в процессе обыденной социологической практики.⁶⁴ Так, например, подтверждение этому мы можем найти в работе А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой, которые изучили эвристические возможности системно-коммуникативной теории в исследовании онлайн-взаимодействий. Отмечая тот факт, что Н. Луман депроблематизирует общение, ученый, в свою очередь, «создаёт теорию не только логически стройную, но и обладающую значительным потенциалом для эмпирических исследований».⁶⁵ Авторы заявляют, что онлайн-взаимодействия, в которых исключена телесность, «плодотворно анализировать в терминах «невероятности коммуникации» и средств, с помощью которых она становится вероятной: языка, медиа и символически генерализованных посредников коммуникации»⁶⁶, то есть в тех самых концептуальных терминах, которые предлагает Н. Луман.

В процессе исследования темы, которой посвящен данный параграф, мы также обнаружили, что разработки Н. Лумана могут послужить своим инструментарием не только в области социологии, но и лингвистики. К примеру, С. Т. Золян заявляет, что «теория Лумана создает возможность нового взгляда на такой кардинальный вопрос лингвистической теории, как функционирование языковой системы в её связи с коммуникацией и сознанием».⁶⁷ В своей статье ученый достаточно исчерпывающе сумел объяснить тот факт, что системно-коммуникативная теория может быть применима в решении проблем структурной лингвистики, а именно, в

⁶⁴ Луман Н. Введение в системную теорию (под редакцией Дирка Беккера) / Пер. с нем. К. Тимофеев. М.: Логос. 2007. С. 12.

⁶⁵ Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т.3. № 4, С. 8.

⁶⁶ Там же, С. 14.

⁶⁷ Золян С. Т. Смысл и языковой знак в системной теории Никласа Лумана // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 37.

вопросах уровней языковой организации, при этом помогая преодолевать дуализм синхронного и диахронного описания языка.

Примеры возможных тематических областей, в которых системно-коммуникативная теория могла бы стать отличной методологической и описательной базой, бесспорно, не ограничиваются вышеизложенными. Однако различная проблематика, через призму которой мы показали прикладные аспекты теории (военная сфера, гендерная дифференциация, онлайн-среда, медиа и цифровизация, etc.), была проанализирована нами как наиболее релевантная злободневным темам современности.

2.3. Критический обзор концептуальных особенностей теории Н.

Лумана

Вместе с тем необходимо сделать несколько замечаний относительно характерных особенностей теории Н. Лумана для того чтобы показать, где в самой теории присутствуют ограничения для её эвристического потенциала. Как было уже упомянуто нами выше со ссылкой на сторонние исследования, Н. Луман в процессе создания собственной концепции общества депроблематизирует общение между людьми. Более того – ученый игнорирует агентность в коммуникации. С его точки зрения люди, будучи психическими системами, не коммуницируют. Коммуницировать может только коммуникация, ведь она эмерджентна и холистична. Люди к коммуникации неспособны, они способны лишь к восприятию как к психическому событию, которое, со слов Н. Лумана, не обладает коммуникативной экзистенцией. В этом смысле подобную позицию было бы удачно охарактеризовать афоризмом английской писательницы Реббеки Уэст, что «нет такой штуки, как общение, есть только переплетенные монологи». В силу этого мы могли бы сказать, что теория Н. Лумана едва ли может дать внятные ответы на вопросы о роли личности в истории, роли эмоций в социальной жизни, о природе взаимодействия личности и

социальных общностей, что, безусловно, вносит существенные ограничения в диапазон эвристических возможностей концепции немецкого социолога.

Наряду с этим теории ставится в упрек эмпирическая несостоятельность идеи аутопойезиса,⁶⁸ дистанцирование от морали,⁶⁹ а также комплекс внутренних противоречий и несостыковок, которые имеют своим корнем саму логику теории.⁷⁰ Б. Мойер упрекает теоретические положения Н. Лумана в их игнорировании реального положения дел внутри общественных отношений: «Дефиниция господства является для Лумана точно так же, как дефиниция «истина», «разум», «справедливость», просто структурированной дефиницией, применение которой возможно только в структурированных обществах <...> Лумановские дефиниции охватывают по возможности формальный аспект социальных явлений и поэтому касаются современного общества постольку, поскольку в нем все большее значение приобретают формализация и функционализация <...> Лумановские же дефиниции заранее исключают объективное положение вещей на которое обречены люди».⁷¹ С критикой в адрес теории Н. Лумана выступает и К. Гримм, преимущественно оценивая её с организационно-теоретической точки зрения: «Предложенные Луманом механизмы решения проблем являются в действительности предписанными образцами решений, действие которых предписывается и утверждается нормами системы, т.е. целерациональной области действий».⁷² Важный аспект критики теории, мимо которого также нельзя пройти, связан с влиянием регионального (пространственного) на общественное. Так, уже вышеупомянутый нами А. Филиппов заявляет, что Н. Луман «неудовлетворительно объясняет в своих

⁶⁸ Gerim G. A Critical Review of Luhmann's Social Systems Theory's Perspective on Mass Media and Social Media // The Journal of Humanity and Society. 2017. Vol. 7, № 2. P. 6.

⁶⁹ Laursen K.B., Harste G. and Roth S. Moral communication observed with social system theory. An introduction // Kybernetes. 2022. Vol. 51 № 5. P. 1658.

⁷⁰ Mauer K. Communication and Language in Niklas Luhmann's Systems-Theory // Pandaemonium germanicum. 2010. Vol. 16. № 2. P.20.

⁷¹ Meuer B. Kritische Bemerkungen zur Systemtheorie // Das Argument. 1973. Jg. 15, № 83. S. 904. // цит. по Литвинова О.А. Система и окружающая среда социологии Никласа Лумана. М.: Альфа-М, 2007. С. 51.

⁷² Grimm K. Niklas Luhmanns «Sociologische Aufklärung» oder das Elend der apriorischen Soziologie. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1974. S. 70.

работах дефиницию «пространство», хотя оно само, физическое пространство, обычно в форме отсылки к какой-либо конкретной географической территории, то и дело возникает в его работах».⁷³ Дело в том, что согласно утверждению А. Ф. Филиппова, в социологии произошли изменения в сторону признания важности пространственного, социального и исторического как одинаковых и равноценных перспектив общественного существования. При этом Н. Луман, учитывая подобного рода факты, так и не сумел из внутренних ресурсов собственной теории совершить подобный «пространственный поворот» в своих социологических исследованиях.

Другой отечественный социолог, А.А. Давыдов, ставит в упрек Н. Луману «литературность» его теории, так как она не может быть формализована в виде математического моделирования его концепций и, как следствие, не в состоянии быть верифицируемой силами «математической социологии» и Computational Sociology.⁷⁴ Критические замечания А.А. Давыдова о «литературности» теории с очевидностью инспирированы идеями известного французского экономиста М. Алле. Французский учёный заявлял, что «общий недостаток очень большого числа «литературных» теорий состоит в постоянном использовании неоперациональных понятий, нечетких и неопределенных терминов, смысл которых постоянно меняется в ходе рассуждений и различается у разных авторов. Их недостаток — это также отсутствие строгости в анализе; обильное использование более или менее метафизических выражений, которые, не обозначая ничего точного, могут одновременно обозначать все что угодно и тем самым защищают от критики».⁷⁵ Однако важно отметить, что и эта критика не обязательно является окончательным недостатком работ Н. Лумана, а скорее взглядами на его идеи, выдвинутыми некоторыми учеными.

⁷³ Filippov A. Wo befinden sich Systeme? // P. U. Merz-Benz, G. Wagner (Hrsg.). Die Logik der Systeme. Zur Kritik der systemtheoretischen Soziologie Niklas Luhmanns. Konstanz: UVKUniversitätsverlag, 2000. S. 387.

⁷⁴ Давыдов А.А. Конкурентные преимущества системной социологии. М.: ИС РАН, 2008. С. 11.

⁷⁵ Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS, T.2. № 4. 1994. С. 12.

Тем не менее, упрекаемая зачастую за децизионизм и «машинную холодность», теория Н. Лумана, на наш взгляд, может и здесь предстать в выгодном свете. Системно-коммуникативный подход в ходе описания и смысловой экспликации социальных процессов позволяет дать им морально-нейтральные в качественном отношении характеристики. Ни для кого не секрет, что научная совесть требует предельно точных, лишенных моральных оценок дескрипций интересующих исследователя социальных феноменов, что позволяет избегать ангажированности и обвинений в необъективности. Очевидно, что было бы нелепо на месте специалиста по неврологии с нравственной точки зрения описывать insult. В этом смысле «холодность» Н. Лумана оправдана. Даже если обратить внимание на повседневную жизнь, то мы увидим множество различных, порой драматичных ситуаций, в которых социальные системы и психические системы являются друг для друга непроницаемым и ненаблюдаемым явлением. Проиллюстрируем это следующим образом: каждый раз, когда отдельный человек ищет «понимания» или «человеческого отношения» в организациях, обеспечивающих функционал социальных систем, он совершает рациональную ошибку. Часто мы можем услышать резкие характеристики различных организаций как «бездушных машин бюрократии» или гневные восклицания насчет отношения к людям «как к пустому месту». И хоть организации de facto состоят из людей, ответственных лиц с именами и фамилиями, сама же функциональная система и организации, её обеспечивающие, в строгом смысле не видят людей. Люди и их переживания — это внешний мир для функциональных систем, согласно Н. Луману. Система состоит из коммуникаций, процессов, и наблюдает, воспринимает только их и только через свой собственный смысловой код. Адвокат, судья, клерк, банкир, полицейский, нотариус, даже священник — это прежде всего особый род коммуникаций, и уже только потом «человек», что бы мы не вкладывали в это понятие и каким бы странным данный пассаж не показался на первый взгляд. В силу вышеописанного, мы считаем, что системно-

коммуникативный подход демонстрирует свою высокую релевантность в деле описания социальных процессов на уровне организаций, общественных институтов или социальных систем как функциональных единиц, однако в то же время данная теория теряет свой объяснительный потенциал, когда может возникнуть вопрос о роли «человеческого фактора» в подобных процессах.

Подводя итог к данному разделу, мы можем заявить, что одной из главных заслуг Н. Лумана в процессе работы над коммуникативной теорией общества, претендующей на универсальность, мы усматриваем в формировании особого языка описания общества. По нашему глубочайшему убеждению, то, как описывается проблема, сквозь какую теоретическую оптику она рассматривается, имеет колоссальное значение в эвристическом потенциале исследования, в осуществлении анализа социальных явлений или формировании прогнозов.

Н. Луман сумел создать масштабную всеохватывающую социологическую теорию, открыть функционально эквивалентный метод в деле исследования социальной проблематики, «гуманизировать» общую теорию систем и развить междисциплинарные возможности социологии. Всё это как нельзя лучше демонстрирует заложенные в концептуальном аппарате Н. Лумана эвристические возможности в том числе и для современных исследований. Как верно отмечает Н. А. Головин, «теория социальных систем Лумана связана с теорией социальной коммуникации, что вполне отражает современные реалии, состоящие в переходе общества с систем действия на коммуникативные основы своего функционирования».⁷⁶

Безусловно, как и всякая другая теория, она имеет свои ограничения и недостатки. Н. Луман, гуманизируя общую теорию систем, в то же время дегуманизирует собственную социологию. Сложность языка её автора вкупе с порой чрезмерно абстрагированным концептуально-дефиниционным аппаратом вызывает дискуссии о прикладных возможностях теории даже

⁷⁶ Головин Н.А. Социология Лумана в эмпирическом и теоретическом аспекте: итоги верификации сложной социологической теории // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 12, № 3. С. 174.

сегодня. Тем не менее такие возможности весьма обширны. Следует согласиться с мнением О. А. Литвиновой, что «распространение открытого социологом функционально-системного метода в социологии подтверждает его релевантность в науке».⁷⁷

На основании всего вышеизложенного, мы могли бы заявить, что оригинальная теория Н. Лумана, при всей своей сложности и дискуссионности, тем не менее может послужить мощной методологической основой для анализа большинства актуальным тем в области социологической науки, в частности для исследования современных форм политического активизма.

Вывод к первой главе

В данной главе мы обозначили ключевые особенности и концептуальные элементы системно-коммуникативной теории Н. Лумана, а также прикладные возможности идей и методов, которые в ней содержатся. На наш взгляд, необходимость подобной «смысловой преамбулы» очевидна. Описание парадигмальной конструкции теории, её эвристических возможностей и прикладных аспектов позволяет не только понять значимость данной теории в деле исследования феноменов социальной реальности, но и позволяет контекстуализировать исследование в более широких теоретических рамках, критически оценивая её достоинства и недостатки. Более того, концептуальный аппарат теории Н. Лумана по праву считается одним из сложнейших среди прочих социальных теорий. Именно поэтому возникает потребность в экспликации понятий, смыслов и значений при их использовании в процессе дальнейшего исследования.

Наряду с этим стоит подчеркнуть, что особое внимание мы уделили рассмотрению прикладных аспектов теории; это позволило нам обозначить её сильные и слабые стороны, подвергнуть критике некоторые её положения и выявить эвристический потенциал системно-коммуникативного подхода.

⁷⁷ Литвинова О.А. Система и окружающая среда социологии Никласа Лумана. М.: Альфа-М, 2007. С. 60.

На наш взгляд, демонстрация возможностей концептуального инструментария играет существенную роль в реализации исследовательских задач. Так, мы подвергли анализу различные материалы по темам социологической проблематики (военная сфера, гендерная дифференциация, онлайн-среда, медиа и цифровизация), в рамках которых теория Н. Лумана использовалась в качестве методологической основы и пришли к выводу, что наибольший эвристический потенциал теории обнаруживает себя в особом языке лумановской социологии, позволяющем описывать сложные социальные и культурные факторы, которые могут влиять на социальные отношения.

Подытожив, мы могли бы согласиться с мнением О.А. Литвиновой: «Лумановская теория социальных систем, вызвавшая множество противоречивых оценок представителей не только своего системно-функционального направления в социологии, но и других её ответвлений (вследствие её междисциплинарности), прочно этаблировалась в современной науке благодаря её критической проверке всем научным сообществом».⁷⁸

⁷⁸ Литвинова О.А. Система и окружающая среда социологии Никласа Лумана. М.: Альфа-М, 2007. С. 161.

Глава 2. Протест, общественное мнение и риск как детерминанты политического активизма

§ 1. Протест и массмедиа как разновидности коммуникации: проблемы смысловой взаимосвязи

1.1. Протест как коммуникация «общества против общества»

Известно, что протест и политический активизм тесно связаны, поскольку оба они ассоциируются с действиями, направленными на социальные или политические преобразования. Протест — одна из наиболее заметных форм политического активизма, в большинстве случаев выступающий в качестве катализатора широких социальных движений. Протесты могут принимать различные формы: от мирных шествий и митингов до более конфронтационных акций, таких как сидячие забастовки или голодовки. Независимо от конкретной используемой тактики, протесты — это способ для людей выразить своё недовольство политической системой и потребовать перемен. Тем не менее, как верно отметила М. А. Кукарцева: «Борьба и страсть, без которых немислим никакой политической активизм, могут быть обращены как против жизненных интересов господствующего политического порядка в целом, так в конечном итоге и против самого активизма».⁷⁹ Политический активизм, с другой стороны, охватывает более широкий спектр действий, выходящих за рамки протеста. Это может включать в себя все: от лоббирования законодателей до баллотирования на политические посты, участия в акциях гражданского неповиновения или организации общественных групп. В конечном счете, политический активизм (и протест как его наиболее явная, «корпулентная» форма) служат важными механизмами в стимулировании социальных изменений. Более того, граница между традиционной формой ведения политической деятельности и политическим активизмом весьма размыта; последний тяготеет к более

⁷⁹ Кукарцева М.А. Политический активизм. Особенности стратегий современной политической мобилизации // Обозреватель. 2017. № 5. С. 44.

протестным, деятельным, напористым формам собственной репрезентации. Отстаивая данную точку зрения, австралийский исследователь, социолог Б. Мартин так характеризует политический активизм: «Политический активизм — это действие, выходящее за рамки обычной политики, обычно более энергичное, страстное, новаторское и целеустремленное. В системах представительного правления традиционная политика включает предвыборную кампанию, голосование, принятие законов и лоббирование политиков. Действия за пределами этих арен включают организацию соседей, марши протеста и сидячие забастовки. <...> Активность обычно предпринимается теми, у кого меньше власти, потому что те, кто обладает властью и влиянием, обычно могут достигать своих целей, используя обычные средства».⁸⁰

В современном обществе тема протестных и радикальных социальных движений за минувшие годы приобрела особый статус в связи с политическими и экономическими кризисами, которые затронули подавляющее число граждан различных стран. Множественные акции протеста, демонстрации и митинги происходят до сих пор, занимая тем самым своё особое место в актуальной повестке дня. За последние несколько лет мы могли наблюдать колоссальные всплески протестной активности. Так, например, во Франции в 2018 году начались протесты «желтых жилетов», связанные с повышением налогов и экономическими проблемами. Протесты включали множество демонстраций, забастовок и столкновений с полицией. В 2019 году в Гонконге начались протесты, которые продолжались до 2020 года и были связаны с требованием демократических свобод и отстаиванием автономии Гонконга. В Беларуси в 2020 году произошли массовые акции недовольства, в связи с подозрениями в фальсификации президентских выборов. Нельзя не упомянуть и США, в которых два года назад произошли протесты и стычки с полицией, вызванные убийством афроамериканца

⁸⁰ Martin B. Activism, social and political // Published in Gary L. Anderson and Kathryn G. Herr (eds.), *Encyclopedia of Activism and Social Justice*. CA: Sage, 2007. P. 19.

Джорджа Флойда. В 2022 году в различных странах мира также произошло значительное число протестов, связанных с различными социальными, политическими и экономическими проблемами. Среди них можно выделить протестные акции, произошедшие в Иране, Тунисе, Израиле, Ливане, Бразилии, Германии и Чили. Несмотря на то, что перечисленные протесты не являются исчерпывающим списком, они отражают разнообразие проблем, стоящих перед различными странами и народами в современном мире. Однако в данном параграфе мы не стремимся давать оценки конкретным актам протестной активности и перечислять все акции недовольства на мировой арене за недавнее время. Наш исследовательский интерес обнаруживает себя в концептуализации протеста как социального феномена под особой теоретической оптикой.

Целью данного параграфа является анализ феномена протеста и его связи с функциональной системой массмедиа с опорой на системно-коммуникативный подход. Актуализируется вопрос о том, можно ли рассматривать социальные медиа (которые являются важной частью массмедиа в целом) как мобилизационный инструмент, с помощью которого протестная коммуникация может достигать своих целей.

Отметим, что протест, его генезис, и, если угодно, его качественные характеристики входят преимущественно в сферу интересов социальных и философских дисциплин. Известно, что протест является одной из форм выражения социального конфликта. Подобная тема изучалась достаточным количеством выдающихся исследователей в области социальной философии. В данной связи мы можем вспомнить имена К. Маркса, Г. Зиммеля, А. Грамши, Л. Боулдинга, Р. Коллинза, Л. Козера, Р. Дарендорфа, Л. Крисберга. Однако подобный список будет неполон также и без Н. Лумана, внесшего исключительный вклад в понятие общества как совокупности различных форм коммуникаций. Как верно отметил Н.А. Головин, теория социального конфликта Н. Лумана является «недооценённой», в силу чего исследователи

обращаются к ней достаточно редко.⁸¹ В формировании подобной ситуации не последнюю роль сыграли «высокие барьеры восприятия теории»⁸², т.е. частые упреки трудов немецкого теоретика в их недоступности для понимания, сложной абстракции и нелинейности изложения концептуального каркаса, о чём мы уже упоминали в первой главе. В силу вышеизложенного, мы предпринимаем попытку при помощи социально-философского анализа выявить особые характеристики протестной активности в обществе.

Прежде чем проанализировать качественные характеристики протеста как особой формы коммуникации, обозначим ряд предпосылок, которые обнаруживают себя в комплексе системно-коммуникативной теоретизации. Так, например, в своей фундаментальной работе «Общество общества» Н. Луман характеризует протестные движения как мобилизацию «общества против общества».⁸³ Он проводит любопытную параллель между протестными движениями в обществе и «грехопадением дьявола». Суть этой аллегории в следующем: протестная коммуникация возникает внутри общества, отгораживаясь от него, выделяет себя, или, как подмечает сам Н. Луман, «проявляет себя как ответственность за общество, но *против* него».⁸⁴ Н. Луман пишет: «Попытка провести границу, чтобы с другой её стороны наблюдать за Богом и его творениями, как считалось в древности, привело к падению ангела Сатаны <...> но присущая дьяволу техника наблюдения, прочерчивание границы против того единства, копируется».⁸⁵ Подобная иллюстрация нужна Н. Луману, чтобы продемонстрировать в дальнейшем ряд ключевых особенностей протестной коммуникации.

⁸¹ Головин Н. А. Понятие социального конфликта Н. Лумана: к расширению исследований коммуникативного поля // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Том 6. №1. С. 6.

⁸² Там же.

⁸³ Луман Н. Общество общества. Кн.4: Дифференциация/ пер. с нем. Б. Скуратов; Кн.5: Самоописания/ пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. С. 270.

⁸⁴ Там же, С. 274.

⁸⁵ Там же, С. 270.

Немецкий социолог исходит из того убеждения, что в обществе присутствуют некие обобщённые ценности, при помощи которых социум «формулирует своё единство». Данные ценности признаются большинством в своей важности и конструктивной потенции. Но, несмотря на это, их реализация может «оставлять желать лучшего». Как итог, возникает парадокс, реакция на который порождает протест. Стоит отметить, что данная мысль не нова. К примеру, некоторые исследователи заявляют, что: «Э. Дюркгейм одним из первых обратил внимание на феномен аномии, когда в обществе наблюдается разрушение социальных стандартов, управляющих социальным поведением, вплоть до полного нормативного вакуума. Аномия служит основной причиной роста недовольства, протеста, насилия, включая аутодеструктивное поведение».⁸⁶ В тех или иных формулировках схожие утверждения можно встретить у С.А. Стоуффера, Р.К. Мертона, Т. Гарра,⁸⁷ а также и современных исследователей, например, К. Фухса.⁸⁸

Наряду с этим Н. Луман делает акцент на том, что социальные движения во второй половине двадцатого столетия получили новую модель своей протестной тематизации, став более разнообразными и гетерогенными.⁸⁹ А.Ю. Антоновский так комментирует данную идею: «Современное [протестное, *прим. И.С.*] движение существенно отличается от «исторических видов» или прототипов протестной активности <...> Протесты актуализируются в форме кампаний, провоцируемых некими событиями-триггерами в системной повестке общества: политической, правовой или экономической коммуникации».⁹⁰ Подобная вариативность протестных коммуникаций вынуждает Н. Лумана прийти к заключению, что они не могут пониматься ни как системы организации, ни как системы

⁸⁶ Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 86.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 28.

⁸⁹ Луман Н. Общество общества. Кн.4: Дифференциация/ Пер. с нем. Б. Скуратов; Кн.5: Самоописания/ Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. С. 271.

⁹⁰ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 30.

интеракции. Протестные движения говорят только о мотивах, но не предлагают решений; у них нет мотиваций членства, а набор приверженцев к протесту безграничен, они «гетерархичны, полицентричны, сетеобразны, и не контролируют процесс собственного изменения».⁹¹ Примерно схожую мысль о протестных массах мы обнаруживаем у австрийского мыслителя Э. Канетти, который подчёркивает, что «жажда роста — это первое и высшее свойство массы. Она старается втянуть в себя каждого, кто в пределах её досягаемости <...> её росту вообще не положено предела».⁹²

Мы можем согласиться с той мыслью, что протест не носит конструктивного характера, особенно сегодня. Примечателен тот факт, что многие участники протеста нередко бывают «дебютантами» в подобных акциях, при этом едва ли от них можно услышать логически выверенные компромиссы или ожидаемые альтернативы, вследствие которых они оказались причастными к подобной деятельности. В большинстве случаев ответы о личной мотивации и чаяниях в деле протеста замыкаются в идее «за всё хорошее против всего плохого»; выражаются обобщённые идеалы будущего и декламируются фундаментальные ценности, которые «нарушены», «попраны», «дискредитированы».⁹³ Проще говоря, причины, по которым могут вспыхнуть массовые волнения, многообразны и не всегда предсказуемы, при этом среди самих протестующих в большинстве случаев отсутствует рациональные и поступательные шаги по изменению ситуации, против которой они изначально выступали. Пользуясь инструментарием системно-коммуникативной теории, мы можем описать данный факт (протест) как особую коммуникацию, которая в дальнейшем обрывается и не конструирует коммуникативный комплекс для последующего воспроизводства собственных практик.

⁹¹ Луман Н. Общество общества. Кн.4: Дифференциация/ Пер. с нем. Б. Скуратов; Кн.5: Самоописания/ пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. С. 272.

⁹² Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л. Г. Ионина. М.: АСТ, 2015. С. 25.

⁹³ Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Мотивы и ценностные доминанты протестов в оценках лидеров протестных акций и молодежи // Власть. 2022. Том. 30. № 1. С. 32.

Немецкий социолог отмечает, что социальные движения посредством коммуникации в форме протеста получают то, что функциональные системы получают благодаря своему коду.⁹⁴ На данном моменте мы заострим особое внимание.

Как мы отмечали в предыдущей главе, Н. Луман сформировал особый терминологический аппарат в процессе создания собственной грандиозной социологической теории. Понятия «кода» и «формы» органично вплетены в корпус лумановской концепции, находясь во взаимозависимости от многих других понятий. В частности, от понятий «комплексности» и «функциональных систем». Последние редуцируют комплексность (хаотичность внешнего мира) до адаптированных под конкретные функциональные системы (будь то политика, экономика, религия, наука) смыслы при помощи кода, который всегда бинарен.⁹⁵ У протеста, в свою очередь, кода нет, он не производит анализ внешней действительности, он нестабилен и всегда заведомо в проигрыше. Достигает протест своей «цели» или нет — он при любом итоге пойдёт на спад. Протест обречён при любых обстоятельствах, и именно поэтому он не фундаментален как социальная практика. Однако протестная коммуникация до конца неуничтожима, и по выражению А.Ю. Антоновского, «имеет синусоидный характер».⁹⁶ Схожее мнение выражают и другие исследователи, рассуждающие о протестах на примере нашей страны: «Протестная активность в современной России отличается скачкообразным характером и отсутствием четко выраженных институциональных образований, организующих и координирующих протестное действие».⁹⁷

⁹⁴ Луман Н. Общество общества. Кн.4: Дифференциация/ Пер. с нем. Б. Скуратов; Кн.5: Самоописания/ Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. С. 275.

⁹⁵ Borch C. Niklas Luhmann: In Defence of Modernity. L., N. Y.: Routledge, 2011. P. 56.

⁹⁶ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 30.

⁹⁷ Панкратов С. А., Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 3. С. 332.

Ещё раз подчеркнем, протест — просто форма коммуникации. Ему постоянно нужна тема, причина, по которой он возникает.⁹⁸ В этом его отличие от гранд-систем. Позволим себе аллегорически истолковать дуальность «протест/общество» как «вирус/клетка». Вирус обладает неклеточной организацией (он носит в капсиде только ДНК или РНК, т.е. чрезвычайно прост) и является облигатным (строгим) внутриклеточным паразитом, т.е. существует только в живой клетке. Так и протест — обладает ключевой темой, упрощённой и схематичной, и реализуется внутри общества против него же, которое, в свою очередь, словно живая клетка, содержит массу подведомственных ей органелл и воспроизводит саму себя. Подобно вирусам, которые могут реплицироваться в присутствии других, с точки зрения Н. Лумана, протестные движения могут искать контакты между собой, могут «симпатизировать друг другу» при минимуме условий «нетождественности с господствующими кругами», образуя тем самым культуру протеста, подхватывающую всё новые и новые темы.⁹⁹

1.2. Самовиктимизация как оптика наблюдения протестной коммуникации

Чтобы сделать ещё более отчётливым феномен протеста с точки зрения системно-коммуникативного подхода, обратимся к тому, как в данном ключе отличают форму протеста от формы политической оппозиции. Последняя предполагает готовность участия в государственном управлении, то есть, когда представители организованной оппозиционной группы обладают «рефлексией второго порядка, рефлексией над рефлексией».¹⁰⁰ Оппозиционные силы формулируют политические альтернативы, дают характеристику и оценку деятельности правящих лиц, вступают в дискуссии и дебаты, в общем, существует чёткая дисциплина среди акторов в

⁹⁸Luhmann N. Systemtheorie und Protestbewegungen. Ein Interview. // Forschungs Journal Neue Soziale Bewegungen. 1994. № 2. P. 54.

⁹⁹ Луман Н. Общество общества. Кн.4: Дифференциация/ Пер. с нем. Б. Скуратов; Кн.5: Самоописания/ Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. С. 278.

¹⁰⁰ Там же, С. 276.

архитектуре политической жизни общества. Кардинально противоположная ситуация наблюдается в протестных движениях. Они «реактивны», довольствуются «схематизированным изображением проблемы». Н. Луман резюмирует: «От протестных движений нельзя ожидать того, что они будут понимать, отчего вещи таковы, каковы они есть; нельзя ожидать и того, что они смогут уяснить, каковы будут последствия, если общество поддастся протесту».¹⁰¹

Однако утверждение Н. Лумана об отсутствии кода у протестных (социальных) движений может быть подвергнуто ревизии. Так, например, А.Ю. Антоновский в одной из своих статей предлагает осмыслить генезис протестной коммуникации с последующим выходом на формирование системно-коммуникативного исследования различных видов протеста.¹⁰² Одна из ключевых идей, которую транслирует исследователь, заключается в том, что у протеста наличествует особая наблюдательная оптика. Её можно охарактеризовать как «самовиктимизацию» участников протеста. Проще говоря, есть поражённые в правах индивидуумы, а есть те, кто «принимает решения», тем самым нивелируя надежды и возможности различных групп на самореализацию. А.Ю. Антоновский в данном случае предлагает ввести дистинкцию «решение/поражение». В этом смысле, как отмечает автор, «программа исследования того или иного протеста должна подвергнуться реконструкции реестр «нарушенных прав» в том виде, каким его видит протестующее лицо и коррелятивный этому список актов и прерогатив «другого», нарушающего эти права».¹⁰³ Подобная позиция обнаруживает солидный потенциал позитивного исследования протестных социальных движений под призмой социально-коммуникативной теории и поиска их уникальной коммуникативной системы. К слову, сама эпоха, в которой мы живём, активно эксплуатирует социальные образы жертвы как важнейшего

¹⁰¹ Там же, С. 277.

¹⁰² Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27.

¹⁰³ Там же, С. 33.

маркера общественной и политической жизни. В подтверждении данных слов мы можем сослаться на мнения Д. Леви и Н. Шнайдера, характеризующих современность как «смену мемориальных паттернов» от образа Героя, который у каждого народа свой, до космополитического и вненационального образа Жертвы.¹⁰⁴ Победителем и доминирующим становится быть постыдно, сила упрекается, на пьедестал почёта водружается слабый и порабощённый. Похожую мысль мы можем встретить у Э. Содаро, который заявляет, что «коллективная идентичность многих групп основана на их виктимизации в прошлом», делающую таким образом виктимизацию «значимым политическим и социальным инструментом».¹⁰⁵ Ряд отечественных исследователей также отмечают, что во многом эмоциональная подоплека коллективных протестных выступлений выносит на всеобщее обозрение «униженных и оскорбленных», «огромный пласт социально-уязвимых групп».¹⁰⁶ Триумф одерживает та самая «мораль чандалы», которую так едко высмеял Ф. Ницше ещё в XIX веке: «Эта терпимость, *largeur* сердца, которая все «извиняет», потому что все «понимает», действует на нас, как сирокко».¹⁰⁷

1.3. *Differentia specifica* протестной коммуникации в условиях цифровой эпохи

Как мы уже отметили выше, протест в своём качестве обусловлен историческими реалиями. Современное общество уникально в том смысле, что темы, которые способны создать очаги протестных волнений, могут быть различны и неочевидны (например, строительство завода или храма, экологические угрозы и т.д.). Наряду с этим, само время, в котором наше

¹⁰⁴ Воронин С.А., Якименко Б.Г. «Мародеры всего лишь экспроприируют то, что иначе купили бы...». К феноменологии современного протеста в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 380.

¹⁰⁵ Sodaro A. Exhibiting Atrocity. Memorial Museums and the Politics of Past Violence. NJ.: Rutgers University Press. 2018. P. 91.

¹⁰⁶ Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. С. 356.

¹⁰⁷ Ницше Ф. Сочинения в 2 т. / Пер. с нем.; Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 633.

общество существует, многими авторами заслуженно характеризуется как «цифровая эпоха», что также накладывает свой отпечаток на различные социальные интеракции. Две данных идеи — полиморфизм протестных тем и особенность нынешнего общества как информационного — побуждают нас рассмотреть протест в его взаимодействии с массмедиа как одним из ключевых «игроков» в интернет-пространстве.

Подчеркнём, что немаловажным фактом, который обсуждается в рамках современной протестной активности, стал феномен СМИ. В XXI веке это понятие охватывает не только прессу, радио или телевидение; средства массовой информации получили своё распространение также и в социальных медиа. Тема «протест и интернет» обнаруживает незаурядный интерес к себе со стороны академического и политического сообщества. Так, например, К. К. Мартынов (признан в РФ иноагентом) заявляет, что «вопрос о том, как интернет влияет на динамику политических режимов и их смену, окружен целой серией мифов, страхов и надежд, которые в равной степени питают как сторонников использования сети в качестве авангарда революции, так и государственников, увидевших в сети вызов собственной монополии».¹⁰⁸ Исследователь не торопится утверждать, что современные социальные сети могут стать силой, при помощи которой мобилизуется протестный потенциал, способный привести к неким существенным революционным преобразованиям. Впрочем, К. К. Мартынов вместе с тем утверждает, что «рано ставить точку» на мире социальных сетей в этом смысле. Он уверен, что данные интернет-площадки, которые стали обеспечивать «обыденные практики», произвольно формируют некое новое социальное пространство, способное в долгосрочной перспективе принимать участие в политической трансформации общества. Тем не менее, мы склоняемся к мнению о слабости социальных сетей как мобилизационном инструменте. В качестве примера: во время протестных событий в Республике Казахстан, 5 января 2022 года

¹⁰⁸ Мартынов К. К. От слактивизма к республике: почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 20.

был отключён интернет по всей стране. Это спровоцировало большее присутствие масс на улице, люди стали массово выстраиваться в очереди в банкоматы, а самые ожесточённые бои в республике выпали именно на момент «тотального оффлайна». При этом, по мнению некоторых журналистов, отключение интернета и оторванность населения от доступа к сети не способствовало снижению массовой напряжённости, а как раз наоборот, взвинтило и эскалировало её.¹⁰⁹ Впрочем, сам К. К. Мартынов, комментируя случай так называемой Арабской весны, признаёт недостаточность мобилизационного потенциала социальных сетей: «Реальной причиной свержения Мубарака стали не социальные сети, о которых писали журналисты, но наличие в стране оппозиционных кланов, враждебных режиму, и специфики демографической ситуации».¹¹⁰

Нередко можно обнаружить тот факт, что интернет-площадки в виде социальных медиа, которые предпринимают попытку аккумулировать протестные умонастроения и трансформировать их в нечто «существенное», например, в митинг, добиваются порой обратных результатов. Мы усматриваем здесь как минимум три причины, благодаря которым подобная ситуация имеет место быть.

Первая причина заключается в том, что интернет предоставляет пользователю массу инструментов «быть незамеченным», анонимным (или, по крайней мере, казаться таким самому себе), чтобы безбоязненно выразить своё недовольство. В большинстве случаев, заметки гневного содержания или «лайка» под протестной публикацией вполне достаточно, чтобы «отвести душу» или «выпустить пар», избегая при этом риска столкнуться с возможными санкциями со стороны правоохранительных органов за участие в реальной протестной акции. В этом смысле социальные медиа являются блоком для существенных протестных решений (ведь достаточно выразить

¹⁰⁹ «Во всём Казахстане отключили интернет» [Электронный ресурс] — 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2022/61d588339a79473328027ff5> (дата обращения: 29.03.2022)

¹¹⁰ Мартынов К. К. От slackтивизма к республике: почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 24.

недовольство виртуально), в то же время актуализируя естественное стремление человека сохранить себя в безопасности (действуя анонимно). Подобное явление в социальных сетях известно как «слактивизм» («диванный активизм», «диванная аналитика» и т.п.). Как отмечает К.К. Мартынов: «Слактивизм просто имитирует участие [в протесте, *прим. И.С.*] и приносит моральное удовлетворение».¹¹¹

Вторая причина, благодаря которой мы видим в социальных сетях недостаточный потенциал формирования протеста, кроется в том в том, что ни массмедиа, ни сам протест не берут на себя ответственность за решение проблем, которые они ставят на повестку дня.¹¹² Вместе с тем следует обратить внимание на тот факт, что сам Н. Луман не отказывает массмедиа в важной роли в деле протеста. Социолог утверждает, что, во-первых, массмедиа могут обеспечить телегеничность протеста, в котором он так нуждается, а во-вторых, помогает реализовать требуемые социальным движением темы и сценарии в общественном мнении.¹¹³ Невозможно только протестовать против сложности, считает Н. Луман. Сложность ситуации, её многофакторность и комплексность требуют анализа, что утомительно для большинства людей, и уж тем более нереально требовать рефлексии, когда люди сбиваются в толпы. Куда проще воспринимаются прямые, чёткие и доступные темы, лозунги и имена виновных лиц. Кроме того, в большинстве случаев потенциальным членам протеста нужно внушить, что у них, например, невыносимые условия жизни, они угнетены, их права попорчены, и т.д. Данные социопсихологические установки должны быть выделены и проинтерпретированы из хаотичного комплекса реальных фактов, затем они должны широко транслироваться и только потом усваиваться, принося требуемый протестной активности результат. Без массмедиа обнаружить и

¹¹¹ Мартынов К. К. От слактивизма к республике: почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 24.

¹¹² Blühdorn I. Self-description, Self-deception, Simulation: A Systems-theoretical Perspective on Contemporary Discourses of Radical Change. *Social Movement Studies*, Vol. 6. № 1. 2007. P. 7.

¹¹³ Луман Н. Общество общества. Кн.4: Дифференциация/ Пер. с нем. Б. Скуратов; Кн.5: Самоописания/ Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. С. 280-282.

внушить эти темы вряд ли представляется возможным. Однако трансляция протестных тематик не равно факту их реального воплощения. Как отмечает Р.Э. Бараш: «Электронные медиа могут добавлять динамику и новые элементы в коммуникацию между представителями различных социальных групп, <...> но использование консолидационного потенциала электронной коммуникации возможно только при наличии „творческой“ политической инициативы, существования высоко мотивированных на изменение групп интересов или харизматического лидера»¹¹⁴, «Номинальный же потенциал социальных сетей как механизма политической коммуникации и консолидации очень невысок, политизированная аудитория интернета и социальных сетей, несмотря на расширяющиеся сети виртуальной коммуникации, не спешит к протестной виртуальной самоорганизации».¹¹⁵

Мы наблюдаем также и третью причину в слабости социальных медиа в качестве безотказно срабатывающего инструмента организации протеста. Отметим, что если две предыдущие носили сугубо внутренний, имплицитный характер, то данная причина характеризуется преимущественно ситуацией извне. Она обусловлена деятельностью правоохранительных органов, которые осуществляют разведку по открытым источникам (более известную как OSINT – open source intelligence). В силу этого, социальные сети, да и массмедиа в целом представляются нам сомнительными инструментами для возбуждения протестных умонастроений. Мы настроены скептически рассматривать ту точку зрения, согласно которой различные виды протеста способны, в силу своего тематического многообразия, «мимикрировать» под другие формы гражданской активности, тем самым усыпляя «бдительность наблюдательных инстанций гранд-систем» с перспективой «заместить

¹¹⁴ Бараш Р.Э. Консолидационный потенциал интернет-коммуникации, российский контекст // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 6. С. 75.

¹¹⁵ Там же, С. 77.

«архаические» ценности их альтернативами».¹¹⁶ Наблюдательные инстанции никогда не спят. Для этой «бессонницы» задействованы солидные объёмы финансовых и аналитических мощностей государственного аппарата. Существуют специализированные инструменты, которые позволяют в круглосуточном режиме анализировать по релевантным запросам (в том числе и по темам протестной активности) огромное количество публикаций, ссылок, аудио- и видеоматериалов, осуществлять фильтрацию данных для общего пользования и даже делать прогнозы о вероятных акциях протеста, описывать «географию протестного климата». В этом смысле социальные медиа являются в той же мере виртуальной площадкой для организации протеста, в какой и вещественным ресурсом для его упреждения и профилактики.

Помимо всего вышесказанного о протестной коммуникации, важно добавить ещё одну важную мысль. Протест может быть представлен не только как «вирус», как мы позволили себе описать выше; в некоей диалектической иронии мы можем усмотреть в нём также признаки иммунной системы. Ведь дело всё в том, что данный феномен, как выражается сам Н. Луман, представляет форму аутопойезиса современного общества, при помощи которого оно наблюдает за собой.¹¹⁷ Социум получает посредством подобного самонаблюдения особые достижения и продукты, смыслы и значения, и, таким образом, создаёт новую реальность, ведь, по мнению немецкого теоретика, сопротивление чему-то — это присущий современному обществу способ её конструировать.

Итак, на основании всего вышеизложенного, мы можем выдвинуть предположение, что протестные социальные движения представляют собой уникальное явление в обществе как некая самовоспроизводящаяся система с точки зрения системно-коммуникативной теории (данное предположение мы

¹¹⁶ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 30.

¹¹⁷ Луман Н. Общество общества. Кн.4: Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратов; Кн.5: Самоописания / Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. С. 284.

детально раскроем в следующей главе). Уникальность протестных социальных движений кроется в том, что, во-первых, протест выделяется из большинства обыденных практик и социальных интеракций, представляя собой парадоксальность (общество против общества). Во-вторых, несмотря на свою противоречивость, неконструктивность и полиморфизм, он всё же остаётся способом аутопоэзиса социума, обеспечивая тем самым его самореферентность и самовоспроизводство. В-третьих, будучи зависимым от функциональной системы массмедиа в плане трансляции собственной тематизации и телегеничности, протест при этом не может опираться на массмедиа (в частности, социальные медиа) как на *могущественного* союзника в деле мобилизации и радикализации масс.

Социально-коммуникативная теория занимает особое место в области социально-философской мысли. Данная концепция показывает нам оригинальные способы интерпретации множества различных явлений, будь то власть, религия, наука или даже любовь. Один из таких примеров — протест как форма социальной коммуникации, которому мы и посвятили данный параграф. Однако, следует отметить, что политический активизм — это сложное явление, для понимания которого требуется многогранный подход. Чтобы полностью понять природу и влияние политического активизма, необходимо изучить не только действующих лиц и их цели, но и более широкий социальный и культурный контекст, в котором происходит активизм. Это включает изучение общественного мнения, роли СМИ в оформлении общественного дискурса и потенциальных социальных рисков, связанных с политической активностью. Всестороннее понимание этих факторов может помочь нам лучше понять динамику политического активизма и его перспективы в обществе. Поэтому любое исследование политического активизма должно учитывать эти важнейшие элементы для более полного анализа, что и предлагается рассмотреть в последующих разделах.

§ 2. Общественное мнение и публичное пространство в системно-коммуникативной перспективе

2.1. Общественное мнение: проблема интерпретации

Известно, что понятие «общественное мнение» имеет массу определений, в силу чего мы можем наблюдать сложность в попытке его всестороннего анализа.¹¹⁸ Данное обстоятельство подтверждается ещё и тем фактом, что многие понятия претерпевают ряд существенных смысловых метаморфоз в ходе истории их употребления. В этом смысле мы можем согласиться с утверждением Райнхарта Коззелека, что «понятия — это и показатели, и действующие силы политической и социальной жизни»,¹¹⁹ в силу того, что их употребление «подвержено также действию вневелингвистических сил, таких как социальные структуры, которые не могут быть изменены в одночасье».¹²⁰ Тем не менее, данная проблема — проблема общественного мнения, а вместе с тем и роли массмедиа в его формировании, трансляции, самом образе публичности — сегодня актуализируется не только в социальном теоретизировании, но и в плоскости практикоориентированных интересов различных политических, академических и творческих групп.

Хочется отметить, что «философствующий социолог» Н. Луман, внёс особый вклад в трактовку понятия общественного мнения. Так, например, исследуя возможность массмедиа быть «реальной четвертой властью» и формировать общественное мнение, Н.К. Радина заявляет, что «среди теорий, которые помогают связать власть и массмедиа таким образом, чтобы на этой основе было возможно операционализировать проблему, —

¹¹⁸ Рассуждение о таком явлении как «общественное мнение» (в различном его понимании и формулировке, опять же) занимало немало выдающихся умов, проявивших себя на ниве философской, социологической и политической мысли. Мы можем вспомнить имена таких известных авторов как Дж. Локк, Н. Макиавелли, А. де Токвиль, Ф. Теннис, У. Липпман, Э. Нозль-Нойман, Ю. Хабермас – этот список может быть продолжен.

¹¹⁹ Koselleck R. A Response to Comments on the *Geschichtliche Grundbegriffe* // *The Meaning of Historical Terms and Concepts*. Occasional Paper. № 15. Washington, D.C.: German Historical Institute. 1996. P. 67.

¹²⁰ Ibid.

коммуникативная теория Никласа Лумана, разъясняющая роль коммуникации в сосуществовании власти и массмедиа».¹²¹

На наш взгляд, системно-коммуникативная теория Н. Лумана критически относится к идее общественного мнения, возможности которого можно понять только при тщательном разграничении нормативных и описательных концепций. Исходя из этого, в данном разделе мы противопоставим два тесно связанных понятия — общественное мнение (которое является точным переводом авторского выражения, *öffentliche Meinung*) и публичное пространство. Это различие основано на том, что если понятие «общественного мнения» было задумано в XVIII веке как инстанция, облеченная во все «обещания» Просвещения, и сохраняется как таковое в либеральном дискурсе XIX века, то сегодня оно, как правило, описывает только то, что измеряется институтами опроса — сегментированную массу частных мнений.

Концепция общественного мнения и публичного пространства Н. Лумана, как и многие элементы его масштабной теории социальных систем, отличается оригинальностью: она отрицает любой нормативный характер этой концепции. По обыкновению, политически действующая публичная сфера определяется как своего рода медиатор, позволяющий донести требования народа до власть предержащих. Так, к примеру, намеренно следуя «традиции Просвещения», Ю. Хабермас рассматривает публичное пространство как площадку, где многие проблемы гражданского общества могут быть тематизированы и обсуждены.¹²² Н. Луман отвергает эту эмфатическую концепцию публичного пространства, которое позволило бы гуманным идеалам возобладать в социуме через свободу прессы и подавление цензуры перед лицом государственного разума, «тайных стратегий» и «лицемерия политической власти». Чтобы отчетливее показать,

¹²¹ Радина Н.К. Управление массмедийным дискурсом как функция коммуникативного кода власти // Политическая наука. 2017. Вып. 2. С. 153.

¹²² См. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В.И. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 344 с.

как видится публичность с точки зрения Лумана, мы могли бы сравнить его позицию с позицией Х. Арендт по данному вопросу. Так, по мнению некоторых исследователей, «пространство публичности есть место, в котором, согласно Арендт, совершается политика, а человек может быть по-настоящему свободным».¹²³ У Н. Лумана же напротив, публичность есть элемент политической системы. Или, если быть более точным, «внутриобщественный внешний мир подсистем общества, то есть всех интеракций и организаций, а также общественных функциональных систем и социальных движений».¹²⁴

Как было нами отмечено ранее, различные социальные системы могут функционировать только в своих границах; однако они могут также «понимать» тот факт, что за ними наблюдают из окружающей среды. Общественное пространство определяется в этой перспективе как среда отражения, которая позволяет обществу наблюдать за самим собой. Для Н. Лумана общественное мнение является лишь частным случаем этого: это публичное пространство, наблюдаемое с точки зрения политической системы. Подобная мысль контрастирует с убеждением, которое рассматривает общественное мнение как «серого кардинала» политической системы, предлагающего ей «шансы на рациональность».¹²⁵

Однако цель Н. Лумана не в том, чтобы устранить это понятие из-за его эмфатического характера. Оно явно принадлежит к современной политической семантике и, таким образом, направляет общественную коммуникацию. На наш взгляд, социолог скорее намерен реконструировать понятие общественного мнения на основе теории систем, чтобы выявить его истинную социальную функцию. Согласно системному подходу, каждая система сталкивается с проблемой комплексности своего окружения, которую она должна редуцировать (т.е. уменьшить, упростить), чтобы

¹²³ Саликов А.Н., Жаворонков А. Г. Трансформация публичного пространства в условиях революции: взгляд из перспективы Ханны Арендт // Социологическое обозрение. Т. 17. № 1. 2018. С.10.

¹²⁴ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 161.

¹²⁵ Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2000. S. 287.

обеспечить свое воспроизводство. Проблема подобной сложности лежит в основе системного подхода и возникает с двух точек зрения: как внутренняя комплексность и как комплексность окружающей среды. Внутренне комплексная система — это целостный набор элементов, в котором из-за ограничений возможностей связи не все элементы могут быть связаны между собой. Внешняя же среда всегда сложнее, чем сама система, из которой она выделяется. Отсюда вытекает необходимость редукции комплексности. Системы должны уменьшить хаос своего окружения путем его структурирования. Однако для того, чтобы реагировать на изменения в окружающей среде, система также должна обладать достаточной и соответствующей внутренней сложностью. Системы повышают свою способность справляться со сложностью за счет внутренней дифференциации подсистем. Поэтому Н. Луман стремится объяснить, как общественное мнение позволяет политической системе уменьшить социальную сложность, достичь «поглощения неопределенности»,¹²⁶ чтобы можно было принимать политические решения.

Такая системная реконструкция общественного мнения требует, прежде всего, понимания его как чисто коммуникативного явления. По мнению Н. Лумана, общественное мнение — это социальный феномен, а поскольку общество состоит с его точки зрения сплошь из коммуникаций, общественное мнение нельзя понимать как выражение индивидуальных мнений. Это связано, прежде всего, с самореферентностью социальной системы: коммуникации рассматриваются как операционально отрезанные от психических систем. Социальные системы возникают из их структурной связи с психическими системами, но имеют операционную замкнутость. Мнения отдельных людей могут раздражать коммуникацию, но они не определяют её, потому что социальные системы всегда интерпретируют эти раздражения через *свою собственную логику*. В этих условиях общественное мнение нельзя понимать как выражение, например, того, «о чём думают

¹²⁶Там же.

настоящие мужчины».¹²⁷ Примерно схожие рассуждения мы можем обнаружить у французского социолога Пьера Бурдьё. Рассуждая об исследовании общественного мнения и его ангажированности, он заявляет, что «предлагаемая исследованиями общественного мнения проблематика подчинена политическим интересам, и это очень сильно сказывается одновременно и на значении ответов, и на значении, которое придается публикации результатов».¹²⁸ В этом смысле социолог характеризует общественное мнение как «чистейший артефакт», измерение которого, например, в процентных величинах является весьма неадекватным подходом к его оценке.¹²⁹

2.2. Общественное мнение и массмедиа: предпочтение или манипуляция?

Таким образом, рассуждая в логике системно-коммуникативного подхода, общественное мнение рассматривается нами как носитель информации, которому средства массовой информации придают *форму*. Как пишет сам Н. Луман: «Функцию системы массмедиа следовало бы усматривать не в производстве, а в репрезентации публичности <...> репрезентация публичности средствами массмедиа обеспечивает в происходящем одновременно как прозрачность, так и непрозрачность, то есть: определенное тематическое знание в форме тех или иных конкретизированных объектов и неопределенность в вопросе, кто и как на это реагирует».¹³⁰ Позволим себе сравнить это с грудой песка, из которого можно слепить разные фигурки — массмедиа из хаоса разноголосицы убеждений и взглядов способны оформить его в отчетливую тематику, структурировать. Они конструируют реальность на основе выбора, руководствуясь дистинкцией «информация/не информация». Подобный

¹²⁷ Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung // Soziologische Aufklärung. Vol. 5, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 170.

¹²⁸ Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. Е. Д. Вознесенская. М.: Socio-Logos, 1993. С. 123.

¹²⁹ Там же, С. 164.

¹³⁰ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2005. С. 161.

бинарный код диктует предпочтения, предписывая правила внимания: телевидение, пресса или радио ценят новизну, увлекаются моральными оценками и предпочитают количественные данные. Прежде всего, они выбирают сенсации, транслируемые в виде конфликтов, скандалов и катастроф. Для них страстно желаемая новизна, нечто «девиантное» и «удивительное».

Тем не менее, Н. Луман отвергает любую форму манипулирования общественным мнением, признавая при этом, что СМИ способствует подозрению в манипулировании, поскольку, исходя из наблюдения второго порядка, люди могут спросить себя, почему СМИ рассматривают одну тему, а не другую: «Манипуляция» общественным мнением становится возможной и даже может быть заподозрена и предположена <...>. Но представление манипулируемости (часто иллюзорно преувеличенное) является существенным измерением средства наблюдения второго порядка».¹³¹ Н. Луман в данном случае придерживается модели формирования сюжета новостных сводок, согласно которой массмедиа только ставят вопросы на повестку дня: «вопросы производятся как формы общественного мнения»¹³²; они *навязывают* темы, о которых человек должен думать, при этом не предписывая, *что именно* он должен думать о них. Соглашаться с мнением того или иного эксперта, остро или равнодушно реагировать на новости — личное дело каждого, и едва ли кто-то готов признать за собой, что был «одурачен медийщиками»; обычно, эти упреки сыпятся из уст сторонних наблюдателей, у которых есть свои, отличные от других, эксперты и новостные порталы. Массмедиа предлагают точки зрения, а дальше, что называется, «меня обманывать нетрудно — я сам обманываться рад». Как подмечает А.Ю. Антоновский, «в самих массмедиа нет манипуляций и нет фальсификаций, а есть лишь правила селекции событий. Фальсификация и

¹³¹ Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2000. S.228.

¹³² Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung // Soziologische Aufklärung. Vol. 5, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 168.

манипуляция — значения, которые приписывает наблюдатель для организации своих собственных (например, научных или политических) коммуникаций. Вся беда в том, что обвинитель и обвиняемый здесь равноправны».¹³³

2.3. Политическая система и общественное мнение

Как мы успели подчеркнуть выше, Н. Луман определяет общественное мнение как некую внутреннюю сугубо для политической системы среду политических организаций и взаимодействий. Это следует понимать из тезиса об операционной закрытости любой системы, который подразумевает, что система не может пересекать свои собственные границы. Однако она может отражать такое ограничение, предполагая, что другие системы ответственны за раздражения, которые она испытывает. Политическая система принимает тот факт, что за ней наблюдают извне; а общественное мнение — это именно то зеркало, через которое политическая система наблюдает за собой. Таким образом, общественное мнение обеспечивает аутичность системы политики, при этом оно «не служит для установления контактов с внешним миром; оно обеспечивает самореферентную закрытость политической системы»,¹³⁴ что позволяет последней направлять свою деятельность.

Такая реконструкция общественного мнения приводит, на наш взгляд, к разочарованному взгляду на демократию. Из-за замкнутости социальных систем демократию нельзя определить как политический режим, где суверенитет народа гарантирован его информированным участием в выработке общественного мнения. Немецкий социолог сетует: «Это заставляет нас прежде всего болезненно отказаться от ожиданий рациональности и надежд, возлагаемых на оживление республиканской

¹³³ Антоновский А.Ю. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности? // Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 229.

¹³⁴ Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung // Soziologische Aufklärung. Vol. 5, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 172.

гражданской жизни»¹³⁵, поскольку отсутствует коммуникация политической системы с индивидами. Однако Н. Луман не сводит демократию к чистой фикции. Он определяет её как политическую систему, которая операционально закрыта наблюдением второго порядка через общественное мнение и чьим кодом является различие между правительством и оппозицией. Демократия — это политический режим, который допускает постоянное чередование правительства и оппозиции и предлагает баланс между стабильностью и разнообразием, что позволяет политической системе сохранять себя: правительства меняются, но система остаётся. В этом смысле мы должны быть осторожны и не путать семантику демократии с реальностью. Согласно демократической семантике, избиратели выбирают людей, которые заседают в законодательных органах и косвенно в правительстве; правительство принимает решения, которые администрация реализует. В действительности же администрация готовит решения, принимаемые правительствами и парламентариями. Общественное мнение лишь реагирует, одобряя или не одобряя эти решения. Поэтому, с нашей точки зрения, «демократии» основаны не на суверенитете народа и выборах, как это обычно имеет место быть в качестве расхожего мнения, а на организациях, процедурах и институтах, которые остаются относительно стабильными и позволяют ненасильственно чередовать правительство и оппозицию.

Таким образом, мы можем заключить, что роль народа является чисто символической. Демократический нарратив — это миф, функция которого заключается в легитимации политической системы. Народная воля — это фикция, порожденная «квазимагическим» событием выборов: «В тексте своего самоописания демократия предполагает народ как некую высшую инстанцию, в рамках которой совершается чудо превращения индивидуальных волей в общую волю».¹³⁶ Понятие общественного мнения

¹³⁵ Ibid.

¹³⁶ Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2000. S. 366.

вносит свой вклад в это необходимое фиктивное повествование. Что на самом деле думают люди, когда голосуют, остается неизвестным, а мнения слишком разнообразны, чтобы найти адекватное выражение на выборах. Этот простой факт не позволяет представить общественное мнение как общее выражение индивидуальных мнений. На наш взгляд, общественное мнение — это всего лишь коммуникативная конструкция, которая позволяет политической системе выполнять свою функцию по принятию коллективно обязательных решений.

Наряду с этим мы можем понять, отчего Н. Луман наиболее известен и критикуем за свою «враждебность к этическим иллюзиям», за его «безэмоциональное» наблюдение за миром, которое словно засасывается логикой освоения комплексности и хаотичности. Учёного часто упрекают в отсутствии критической воли, в цинизме или в неявном допущении функциональных требований сохранения системы. Так, например, Н. Луман заявляет: «Политические действия в государстве всеобщего благосостояния должны исходить из того, что обстоятельства, на которые оно направляет свои усилия (по их поддержанию или формированию, прим. И.С.), неожиданным образом трансформируются самими усилиями».¹³⁷ Подобная идея, с точки зрения итальянского философа Данило Золо, означает не что иное, как молчаливую защиту либерального капитализма. По его мнению, интервенционистская стратегия государства всеобщего благосостояния, при которой законодательство вторгается в другие подсистемы, «перегружает закон до такой степени, что искажает его регулятивную функцию. Такая перегрузка приводит к хаотичному законодательству, которое усложняет правовую систему, и эта тенденция препятствует ее рациональной самопрезентации. Против этой тенденции Луман <...> защищает автопоэтическую автономию социальных подсистем, в частности,

¹³⁷Luhmann N. Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. München: Olzog, 1981. S. 10.

экономики, образования и семьи. Другими словами, аутопойетическая парадигма представляет собой оправдание политики дерегулирования».¹³⁸

Подчеркнём, что системно-коммуникативный подход раскрывает неочевидные и нетривиальные стороны такого феномена, как общественное мнение. Мы часто можем слышать расхожие заявления, что этим мнением могут «манипулировать», что его «уводят в сторону от насущных проблем», «направляют туда, куда надо», и, на первый взгляд, подобного рода утверждения очевидны и общеизвестны. Однако, на поверку оказывается не так всё просто. С опорой на системно-коммуникативный подход мы можем видеть, что массмедиа, как особая социальная система, это мнение скорее *оформляет*, чем *формирует*. Один из президентов США, Дж. Куинси Адамс заявил, что массы народа «не могут ни судить, ни действовать, ни выразить свою волю, выступая в качестве политического целого». При помощи массмедиа разного рода темы в СМИ, заголовки, колонки, сводки, отобранные по определенному принципу, поставляются в массы, и каждая новость находит своего читателя. Верно и противоположное — читатель сам находит свою новость. Очевидно, это процесс обоюдный. Редко бывает, чтобы потребитель новостей задавался вопросом: «А почему именно *эту* новость мне предложили *сегодня?*». Люди слушают и читают то, что *хотят* слушать и читать, и, следовательно, верят в то, во что хотят верить. Это весьма лаконично выразил У. Эко в контексте рассуждений о критике власти в массмедиа: «критика властей доходит лишь до той аудитории, для которой в этой критике ничего нового не содержится».¹³⁹ В силу этого мы можем зачастую наблюдать, как люди, свято убеждённые в «аргументах и фактах» своего колумниста или своей газеты, наотрез отказываются допустить точку зрения, обнаружившую себя в другом издании, даже если она тоже подкреплена аргументами и фактами. Так, например, исследуя, как представлены в широких обсуждениях этические проблемы нацменьшинств в

¹³⁸ Zolo D. Autopoiesis: Critique of a Postmodern Paradigm / Telos. 1990. Vol. 86. P. 63.

¹³⁹ Эко У. Полный назал! «Горячие войны» и популизм в СМИ (сборник)/ У. Эко. — Издательство «АСТ». С. 96.

европейском обществе, Тён А. ван Дейк отмечает, что «аргументация на темы о преступности или культурных различиях для повседневной коммуникации подбиралась в основном из прессы». ¹⁴⁰ При этом «статьи из прессы воспринимались как основное «доказательство» в поддержку предвзятости по отношению к меньшинствам». ¹⁴¹

Таким образом, общественное мнение оформляется, становятся различимы тренды, и политическая система, словно вглядываясь в него, как в зеркало (о чём мы отметили выше) способна принимать некие решения. Аналогия с зеркалом нам представляется весьма удачной — как девушка, которая смотрит в него в стремлении повысить степень своей привлекательности (при этом невозможно упрекнуть её в навязывании своей внешности зеркалу), так и политическая система, всматриваясь в общественное мнение, формирует свой образ под стать сугубо собственных целей. Например, для пролонгации функционирования и сохранения баланса внутренних сил.

Вместе с тем, может возникнуть справедливый вопрос: а способен ли системный подход Н. Лумана предоставить адекватный ответ на вызовы, которые стоят перед современными социальными науками, в частности, на понимание того, как происходят изменения общественного мнения? Ответ может показаться несколько неоднозначным. Дело всё в том, что коль скоро мы опираемся на эту теорию, то можно сказать, что изменяется не общественное мнение, а темы, которые селекционируются и транслируются со стороны массмедиа; общественное мнение не «меняется», а «переоформляется», так как нет в строгом смысле субъекта общественного мнения. Немецкий социолог считал общественное мнение не просто лабильным, а вообще «чистым артефактом прессы». ¹⁴² Как верно отмечает А.Ю. Антоновский: «Массмедиа формируют (в том смысле, что

¹⁴⁰ Ван Дейк, Тён. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 168.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2000. S. 284.

«представляют себе» его именно таковым) «общественное мнение», и сами вынуждены реагировать, приспосабливаясь к этим своим «представлениям» о нем, учитывать их в выстраивании своих собственных коммуникаций».¹⁴³

В заключение следует отметить, что изучение общественного мнения, роли массмедиа в его формировании и политический активизм тесно взаимосвязаны и актуальны. Общественное мнение не статично и может оформляться под воздействием целого ряда факторов, включая освещение тех или иных мнений или событий в СМИ, а также политические кампании. Политическая активность, с другой стороны, может влиять на общественное мнение, мобилизуя граждан на принятие мер по конкретным вопросам. Понимание взаимосвязи между этими факторами необходимо для политиков, журналистов и граждан, которые стремятся участвовать в эффективном политическом дискурсе и способствовать позитивным изменениям в обществе.

§ 3. Риск как структурный элемент современного общества (на примере анализа концепций Н. Лумана и У. Бека)

3.1. Риск и неопределенность в поздней современности: социологическая перспектива политического активизма

Исследуя феномен риска как структурный элемент современного общества, мы сразу можем обнаружить, что он имеет важное значение для политического активизма. Это можно увидеть на примере социальных и политических движений, которые стремятся устранить риски и несправедливость, создаваемые доминирующим социальным порядком. Например, движения за экологическую и климатическую справедливость часто фокусируются на рисках, связанных с эксплуатацией природных ресурсов и негативными последствиями изменения климата. Аналогичным образом, движения за социальную справедливость, занимающиеся

¹⁴³ Антоновский А.Ю. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности? // Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 226.

проблемами неравенства и дискриминации, часто стремятся противостоять рискам, с которыми сталкиваются маргинализированные сообщества.

Более того, концепция риска также имеет важные последствия для способов организации и проведения политического активизма. Активистам часто приходится ориентироваться в сложных и быстро меняющихся политических ландшафтах, сталкиваясь с такими рисками, как репрессии, насилие и ответная реакция со стороны тех, кто выступает против их целей. Поэтому активисты должны понимать стратегии управления рисками и их снижения, чтобы защитить себя и продвинуть свое дело.

В целом, концепция риска как структурного элемента современного общества подчеркивает важную роль риска и неопределенности в формировании политического активизма и общественных движений. Понимание и устранение этих рисков имеет решающее значение для эффективного продвижения социальных и политических изменений.

С конца Второй мировой войны и буквально до недавнего времени политическая и экономическая ситуация в мире ещё никогда не была настолько обнадеживающей, даже вопреки существенному количеству противоречий между разными странами. Так, например, президент Франции Э. Макрон не так давно заявил, что в мире закончился «период беспечности и изобилия». Тем не менее, начиная с 1980-х годов, чувство незащищенности в мировом сообществе нарастало, а вопросы потенциальных угроз и риска в различных областях человеческой деятельности стали главной его заботой и одной из основ его самонаблюдения (в частности, из-за техногенных аварий, появления СПИДа и факта экологического ухудшения окружающей среды). Как заявляет П. Штомпка: «Черта поздней современности – это появление новых форм риска».¹⁴⁴

Отметим, что ещё в 1986 году У. Бек в книге «Общество риска. На пути к другому модерну» утверждал, что мы являемся свидетелями решающего

¹⁴⁴ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2008. С. 587.

перелома в современности, когда на смену индустриальному обществу приходит общество риска. Как отмечает ряд современных исследователей, «центральное место в размышлениях Бека о риске занимает то утверждение, что основные угрозы, с которыми сталкивается общество, больше не являются главным образом внешними, <...> они производятся как непреднамеренные последствия самой модернизации».¹⁴⁵ Так, например, У. Бек в самом начале своей работы «Общество риска» подчёркивает, что «нельзя сказать, что наше столетие обойдено историческими катастрофами: две мировые войны, Аушвиц, Нагасаки, затем Харисбург и Бхопал, теперь вот Чернобыль. Это вынуждает к осторожности в выборе лексики и к обостренному восприятию особенностей исторического развития».¹⁴⁶

Вместе с тем следует отметить тот факт, что и Н. Луман в 1986-ом году также отреагировал на Чернобыльскую катастрофу, системно изложив свои взгляды на риск как социальный феномен в книге «Экологическая коммуникация». Его идеи получили дальнейшее развитие в книгах «Социология риска» и «Наблюдения современности». По его словам, технический прогресс и промышленные катастрофы сами по себе не могут объяснить «чувствительности к риску». Риск порождается очень высокой сложностью и функциональной дифференциацией современного общества, является его следствием. Подобный факт стал конституирующим измерением современности, потому что будущее теперь зависит от решений с неопределенными последствиями. Мы остро воспринимаем риск только лишь потому, что зависимость будущего общества качественно возросла от принимаемых решений. Аналогичную точку зрения выражают некоторые современные авторы: «Каждое новое научное открытие и/или каждое новое технологическое применение продвигает множество возможных вариантов будущего, относительно которых у нас нет (или, напротив, много) мнений,

¹⁴⁵ Burgess A., Wardman J., Mythen G. Considering risk: placing the work of Ulrich Beck in context // Journal of Risk Research. 2018. Vol. 21, P. 1.

¹⁴⁶ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.5.

основанных на научном знании, что все более затрудняет принятие решений ввиду присущих им неопределенностей».¹⁴⁷ На основании вышеизложенного справедливо возникают некоторые вопросы. Разве риск для человека существовал не всегда? Не всегда ли он был повсеместно распространенным фактором социальной жизни? Что качественно поменялось в так называемой «поздней современности»? Мы предпринимаем попытку найти ответы на эти вопросы, анализируя и сравнивая взгляды двух выдающихся немецких социологов — У. Бека и Н. Лумана — оставивших заметный след в дискуссиях на данную тему.

3.2. Риск и комплексность современного общества

Как мы и отметили выше, по мнению Н. Лумана, возникновение риска в первую очередь связано с качественно новым приростом комплексности, характерным для современного общества. Эта комплексность делает неактуальной надежду на предсказуемость будущих событий на основе детерминистических законов, особенно если учитывать тот факт, что незнание и неопределенность как бы лежат в основе знания. Научная экспертиза, безусловно, может стремиться к разработке расчетов, которые могут позволить предвидеть возможный ущерб или риск. Однако, как показал американский социолог Чарльз Перроу в своем анализе рисков, связанных с технологиями, такие расчеты могут быть удовлетворительно сделаны только *после* того, как ущерб нанесен. Специальные комиссии по расследованию подобных инцидентов могут с точностью определить только постфактум, что было сделано неправильно и что следовало бы сделать.¹⁴⁸ Может возникнуть соблазн объяснить такие аварии «человеческим фактором», «плохим маневрированием» или «плохой оценкой ситуации». Однако такая атрибуция предполагает, что системы следуют линейной причинно-следственной связи, что поводы могут быть четко установлены, а

¹⁴⁷ Pietrocola M., Rodrigues E., Bercot F., Schnorr S. Risk Society and Science Education: Lessons from the Covid-19 Pandemic // Science & Education. 2021. Vol.30. P. 210.

¹⁴⁸ Perrow C. Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies. Princeton, 1984. P. 24.

последствия предугаданы. Такая точка зрения игнорирует тот факт, что технические установки, которые потенциально могут стать причиной аварии, редко представляют собой линейные системы, а чаще всего — системы сложные и разветвленные.¹⁴⁹ Очень высокая сложность некоторых промышленных установок увеличивает вероятность возникновения неожиданностей, поэтому прогнозы выглядят как упрощенное сокращение явлений. Ч. Перроу заключает, что «представление неожиданных взаимодействий становится для нас все более привычным. Это представление характеризует наш политический и социальный мир, а также мир технологий и промышленности».¹⁵⁰ По мере увеличения размера и количества функций, которые должны выполнять системы, а также по мере того, как их окружение становится враждебным, взаимодействие между системами становится более непредсказуемым и неожиданным, а инциденты — более частыми. Системные аварии становятся «нормой». В этом смысле мы можем согласиться с мыслями Гейба Митена и Джейми Уардмана, что «лучше признать неопределенность и, таким образом, сохранять бдительность, чем притворяться, что она устранена с помощью технократических средств».¹⁵¹

В книге «*Weltrisikogesellschaft: Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*» [«Глобальное общество риска: в поисках утраченной безопасности», *прим. И.С.*], в соответствии с анализом Ч. Перроу, У. Бек утверждает, что для понимания развития общества риска необходимо различать два типа научных теорий.¹⁵² Стоит отметить, что в этой работе У. Бека, которая ещё не переведена на русский язык, большое место отводится диалогу с теорией систем Н. Лумана, хотя его самое известное произведение не ссылается на него в явном виде.

¹⁴⁹ Ibid, P. 72.

¹⁵⁰ Ibid, P. 168.

¹⁵¹ Wardman, J. K., Mythen G. Risk Communication: Against the Gods or against All Odds? Problems and Prospects of Accounting for Black Swans // *Journal of Risk Research*. 2016. Vol.19. P. 1225.

¹⁵² См. Beck U. *Weltrisikogesellschaft: Auf der Suchenach der verlorenenSicherheit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG, 2007. 439 S.

Линейные теории не рассматривают незнание как конституирующее измерение современности; они ограничивают знание учеными, чей опыт должен привести к консенсусу. В отличие от них, нелинейные теории признают, что незнание является центральной проблемой современных обществ. Они также признают плюрализм форм рациональности. Множество областей знаний представляют противоречивые истины. Таким образом, различные сети знаний часто вступают в конфликт и разрабатывают стратегии навязывания своей точки зрения. У. Бек резюмирует ситуацию так: «В одном месте присутствует закрытая и консенсусная сеть акторов, в другом — открытая и диссенсусная сеть»¹⁵³, тем самым утверждая, что только второй теоретический подход позволяет по-настоящему понять общество риска.

В свою очередь, Н. Луман решительно заявляет: «Тот факт, что подобные катастрофы будут происходить с определенной периодичностью, с некоторых пор стало доступным знанием, хотя это и не обнадеживающее знание».¹⁵⁴ Он также отмечает, что знания не только не уменьшают незнания, но и увеличивают неопределенность (контингентность) и, следовательно, риск. Это особенно ярко проявляется в случае с экологией: «Это правда, что мы накапливаем все больше и больше экологических знаний. Но именно это приводит к незнанию взаимосвязи между обществом и его экологической средой».¹⁵⁵ В этих условиях прогнозы и аналитика наталкиваются на неизбежный предел: они могут быть сделаны только с помощью моделей, которые значительно снижают сложность. Однако Н. Луман распространяет риск, который Ч. Перроу ограничивал высокотехнологичными объектами, на все современное общество. Юридическая, медицинская, экономическая, образовательная и прочая деятельность также связана с рисками. Для Н. Лумана современное общество

¹⁵³Ibid, S. 229.

¹⁵⁴ Luhmann N. Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. S. 158-159.

¹⁵⁵ Ibid, S. 158.

должно быть понято как макросистема, функционально дифференцированная на автономные подсистемы, каждая из которых имеет специфическую функцию в воспроизводстве социального порядка и подчиняется собственной логике. Такая функциональная дифференциация устраняет примат политической системы и тем самым делает утопичным любое линейное управление событиями со стороны этой системы. Однако сложность общества как системы не позволяет нам учесть это распространение риска на общество в целом. Для этого необходимо признать, что риск обусловлен социально.

3.3. Конструктивистская концепция риска: от дистинкции риск/безопасность к дистинкции риск/опасность

Н. Луман развивает сугубо конструктивистский подход к риску как социальному явлению. Он рассматривает его как построение самореферентной системы общества, в качестве особой формы, через которую общество описывает самое себя и относится к своему будущему. Немецкий социолог применяет свою теорию наблюдения второго порядка, вдохновившись идеями Джорджа Спенсера-Брауна («Законы формы»), к анализу риска, то есть наблюдает, как современное общество наблюдает свои собственные наблюдения за проблемой риска с точки зрения его различения. Социальные системы действительно являются наблюдающими системами; но подобное наблюдение не следует понимать в обычном смысле простого восприятия или созерцания. Согласно теории Н. Лумана, наблюдение состоит из двух элементов: различение и обозначение. Выбирается дистинкция и обозначается одна её сторона. Это означает, что нечто может быть обозначено и, следовательно, наблюдаемо, только если оно отличается от чего-то другого. Такое определение наблюдения имеет важные эпистемологические следствия. Прежде всего, это подразумевает, что социальные системы не имеют непосредственного контакта со своим окружением, поскольку наблюдение — это конструкция, созданная на основе

собственного «режима работы» системы. Как мы отмечали в предыдущих разделах, социальная система не может общаться со своим окружающим миром (Umwelt); она может только реагировать на него, сообщая о нем. Более того, у любого наблюдения есть своя «слепая зона». Поскольку наблюдение не может одновременно наблюдать обе стороны своего различия, оно не может в момент наблюдения наблюдать само себя. Тем не менее, это различие можно заметить, но с помощью другого различия (то, что Н. Луман называет наблюдением второго порядка). Таким образом, если риск социально конструируется в соответствии с этой логикой (обратной стороной риска будет стабильность, нормализация, безопасность, и т.п.), рационалистический подход оказывается недостаточным, поскольку он остается на уровне наблюдения первого порядка, которое как бы «онтологизирует» риск, описывая его как факт, не зависящий от наблюдения. В силу этого, объективная оценка риска научными экспертами представляется фикцией из-за отсутствия общепризнанных критериев, причем те, кто подвергается риску, оценивают его иначе, чем те, кто принимает его во внимание. В результате конфликты по поводу риска носят структурный характер и не могут быть устранены высшей рациональностью или этикой.

Основываясь на этом конструктивистском подходе, Н. Луман проводит настоящую деконструкцию традиционного подхода к понятию риска. Политическая система и средства массовой информации чаще всего понимают риск в терминах различия между риском и безопасностью. Такое разграничение предполагает, что рисков можно избежать, приняв соответствующие меры безопасности; преимущество подобного разграничения также в том, что оно утверждает социально значимую ценность для обывателя. Однако при этом игнорируется тот факт, что будущее остается неизвестным, что каждое решение порождает риск и что риск увеличивается с ростом знаний; иронично, но ставшее крылатым выражение премудрого Екклесиаста «от многой мудрости многие печали, и

умножающий познание умножает скорбь» в таком случае может заиграть новыми красками. Различие между риском и безопасностью также является наблюдением первого порядка, которое из-за своего слепого пятна не видит, что невозможно достичь полной безопасности, что, конечно, не означает, что мы должны отказаться от попыток её обеспечения. Как подчёркивает О. М. Ломако, ссылаясь на У. Бека и Э. Гидденса, в противовес подобному факту предлагается в качестве профилактики катастроф и рисков «рефлексивная модернизация, исходными пунктами которой являются институциональная рефлексия, рефлексивное сообщество, побочные последствия».¹⁵⁶ К слову, стоит упомянуть, что в отличие от своего английского коллеги и близкого единомышленника, Э. Гидденса, который имел тенденцию отделять свои теоретические работы от журналистских и политических вмешательств, У. Бек был склонен смешивать их.¹⁵⁷

Наблюдатель второго порядка, с другой стороны, может видеть, что другая сторона риска — это не безопасность. Системная сложность и неопределенность будущего делают невозможным избежать риска путем поиска безопасности или даже путем принятия решения не принимать решения. Так, чтобы указать на иллюзию контроля, Н. Луман с некоторой долей иронии пишет каламбур, трансформируя строки из гимна «Патмос» Ф. Гёльдерлина, ставшие знаменитыми благодаря М. Хайдеггеру: «Там, где есть контроль, создается и риск».¹⁵⁸ Единственное, что можно сказать наверняка — это то, что абсолютной безопасности не существует.

Следовательно, Луман предлагает наблюдать за обществом с другой точки зрения — с точки зрения различия между «риском» и «опасностью». Эта дистинкция относится к различию между самореференцией и инореференцией системы, что в свою очередь относится к различию между

¹⁵⁶Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 3. С. 267.

¹⁵⁷ Burgess A., Wardman J., Mythen G. Considering risk: placing the work of Ulrich Beck in context // Journal of Risk Research. 2018. Vol. 21. P. 3.

¹⁵⁸ Luhmann N. Am Ende der kritischen Soziologie // Zeitschrift für Soziologie. 1991. Vol. 20. № 2. S. 103.

системой и окружающей средой: «Риски приписываются решениям; опасности приписываются извне».¹⁵⁹ О риске можно говорить, когда возможный ущерб рассматривается как следствие собственного решения. Опасность, в свою очередь, представляет собой возможный вред, который возникает извне, в результате воздействия окружающей среды, природных явлений или решений других людей или организаций, и, таким образом, находится вне контроля человека. В силу этого мы можем отметить, что *риск*, которому подвергается один человек, представляет *опасность* для других.

По мнению Лумана, переход к современности идет рука об руку с трансформацией опасностей в риски. Расширение риска связано с тем, что благодаря своему способу наблюдения современное общество приписывает событиям больше решений. Катастрофы больше не воспринимаются как неизбежность, а интерпретируются в терминах чьей-либо ответственности. Если землетрясение разрушает дома, то присутствует тенденция считать, что причиной разрушения является не землетрясение, а некомпетентные решения, принятые теми, кто отвечал за строительство. Н. Луман отмечает, что «мы относительно нечувствительны к рискам, которые принимаем сами (или не желаем их воспринимать); с другой стороны, мы очень чувствительны и встревожены, когда предполагаем, что риски возникают по вине других. Мы разрушаем свое здоровье, плохо питаюсь и куря; но именно к пищевой химии обращены наши опасения».¹⁶⁰ В частности, прогресс научных знаний приводит к признанию того, что все больший ущерб окружающему миру наносится именно человеческими решениями. Благодаря медицинскому прогрессу болезнь превратилась из возможной опасности в постоянный риск. Так, например, нам известно со слов диетологов, что *неправильные* привычки питания могут нанести вред здоровью. Новым является то, что болезнь все чаще рассматривается как следствие

¹⁵⁹ Ibid, S. 117.

¹⁶⁰ Luhmann N. Die Lebenswelt – nach Rücksprache mit Phänomenologen // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie, 1986. Vol. 72.№ 2. S. 190.

персональных решений. Действительно, Н. Луман отмечает, что мы все чаще приписываем смерть собственным решениям: мы умираем от курения, от несбалансированного приема пищи, отсутствия физнагрузок до такой степени, что почти забываем, что мы смертны и независимо от этих рисков.

На наш взгляд, различие между риском и опасностью приводит к формированию двух различных социальных групп в зависимости от того, является ли атрибуция внутренней или внешней: лица, принимающие решения— это те, кто принимает на себя риск; люди, подверженные опасности, подвергаются опасности, т.е. решениям других людей или организаций. Они могут считать себя жертвами и пытаться возложить ответственность на постороннего. Таким образом, современное общество неизбежно порождает социальные конфликты между теми, кто принимает решения, и теми, кого они затрагивают. Любая попытка подавить их через вовлеченность масс в принятие решений оказывается для Н. Лумана иллюзорной. В лучшем случае, внедрение процедур с участием общественности может сэкономить время и отсрочить решение проблемы. Но это далеко не всегда приводит к достижению согласия, а лишь к бесконечным дебатам, которые в конечном итоге приводят к разочарованию.

Как и Н. Луман, У. Бек считает, что общество риска определяется не простым признанием угроз для человечества, а тем, что риски возникают в процессе принятия решений. Стихийные бедствия или чума иногда наносили больший ущерб людям, чем современные технологии, но «эти потрясения принципиально отличаются от «риска» в моем понимании, — пишет У. Бек — поскольку они не основаны на решениях; конкретно — на решениях в пользу техноэкономических преимуществ и новых возможностей, основанных на трактовке опасностей просто как издержек прогресса».¹⁶¹ Признавая, что понимание риска в значительной степени зависит от социальных представлений, он не разделяет радикальный конструктивизм Н. Лумана. Фактически У. Бек говорит о двух «наивных» или «строгих»

¹⁶¹Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. Vol. 9. № 1. P. 116.

подходах к риску.¹⁶² Наивный реализм рассматривает риск как объективный факт промышленного развития, в котором на одном этапе доминируют социальные проблемы, а на другом — экологические. Как точно подметил Аббас Джонг, комментируя позицию У. Бека: «Производство «искусственных рисков» посредством индустриального общества и научного прогресса по существу делает вторую современность «проблемой для самой себя».¹⁶³ Однако при таком подходе забывается, что проблемы риска носят в том числе социальный и медийный характер. Именно на этом моменте радикальный конструктивизм Н. Лумана имеет преимущество, так как он настойчиво подчеркивает это. В то же время ограниченность его позиций заключается в том, что игнорируется реальность новых угроз для современного общества и, следовательно, необратимость катастроф, например, из-за изменения климата. В результате Н. Луман путает катастрофу как событие с дискурсом о нем. У. Бек со своей стороны защищает реалистический или институциональный конструктивизм, который не ограничивается демонстрацией того, как реальность социально конструируется, в частности, средствами массовой информации. По мнению У. Бека «сама реальность» производится действиями и решениями политических, технологических и экономических систем. Отвергая идею природы, внешней по отношению к обществу, и, следовательно, оппозицию природа/культура, он утверждает, что реальность конфигурируется технической деятельностью человека, так что производство и определение этой реальности не могут быть разделены.

Н. Луман, безусловно, признает, что окружающая среда общества стала по большей части искусственной и теперь представляет собой не столько природу, сколько набор артефактов. Он считает, что социальная среда была глубоко изменена человеческими решениями и что технологии стали

¹⁶² Beck U. Weltrisikogesellschaft: Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG, 2007. S. 161-175.

¹⁶³ Jong A. World Risk Society and Constructing Cosmopolitan Realities: A Bourdieusian Critique of Risk Society // Frontiers in Sociology. 2022. Vol.7. P. 3.

разрушительной силой на планете. Однако, по его мнению, чувствительность к риску можно объяснить скорее появлением нового способа наблюдения с наступлением современности, чем структурными изменениями в обществе. Напротив, У. Бек указывает на радикальную трансформацию современности с появлением новых опасностей, которые ускользают от всех форм контроля.¹⁶⁴

У. Бек и Н. Луман разделяют убеждение, что для понимания современности в её качественной уникальности необходим новый концептуальный инструмент. Вместе с тем последний считает, что социология осталась в ловушке концепций, унаследованных от классового общества, которые препятствуют адекватному восприятию функциональной дифференциации и сложности современности: «Во всех своих функциональных системах современное общество сегодня испытывает значительную потребность догнать теоретические наблюдения и описания; оно еще не нашло, так сказать, адекватного образа себя».¹⁶⁵ Это общее требование, тем не менее, скрывает решительное расхождение в их понимании риска. У. Бек рассматривает общество риска как характеристику новой фазы современности и утверждает, что «мы являемся свидетелями — субъектом и объектом — разлома внутри модерна, отделяющегося от контуров классического индустриального общества и обретающего новые очертания — очертания (индустриального) «общества риска»».¹⁶⁶ Он определяет эту «другую современность» как рефлексивную современность в том смысле, что зачастую драматический ущерб, который человечество испытывает сегодня, вызван не столько природными катастрофами, сколько самой модернизацией. Напротив, с точки зрения Н. Лумана, коммуникация риска свидетельствует не о глубокой трансформации структуры общества, а

¹⁶⁴ Beck U. Weltrisikogesellschaft: Auf der Suchenach der verlorenenSicherheit. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG, 2007. S. 170-171.

¹⁶⁵ Luhmann N. Soziologie Aufklärung. Vol. 4.Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. S. 180.

¹⁶⁶ Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 10.

лишь о появлении новой семантики, то есть нового способа описания обществом самого себя. Хотя семантика риска, несомненно, стала преобладающей, фундаментальная структура современного общества остается структурой функциональной дифференциации.

3.4. Темпоральность общества риска

Одержимость риском также проявляется в трансформации темпоральности современного общества. Так, в древних обществах мир мыслится как «космос вечных сущностей».¹⁶⁷ Неопределенность могла быть связана с пороками, со случайными событиями, то есть не с самой сутью вещей. Несмотря на постоянство сущностей, события, таким образом, включают в себя долю случайности. Жизнь переживается как опасная жизнь¹⁶⁸; человек отдан на волю судьбы, против которой добродетель, стремящаяся соответствовать порядку сущностей, требует невозмутимости или атаксии. Возросшая сложность современной эпохи открывает новые отношения с будущим. Семантика прогресса темпорализует иерархический порядок сущностей. С Просвещением общество определяется его проекцией в будущее, видится как «незавершенный проект», который должен обеспечить большую индивидуальную и коллективную эмансипацию. С тех пор вера в прогресс значительно ослабла, а будущее стало источником беспокойства. В современном обществе разрыв между прошлым и будущим более выражен, чем когда-либо, поскольку будущее воспринимается как обусловленное текущими решениями и стало более неопределенным. В результате «преемственности стало меньше, а прерывистости — больше»¹⁶⁹, когда несчастья можно было приписать судьбе и поверить в возможность спасения. В этом отношении появление риска свидетельствует о секуляризации отношения к невзгодам.

¹⁶⁷Luhmann N. BeobachtungenderModerne. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. S. 130-137.

¹⁶⁸Ibid, S. 137.

¹⁶⁹Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991. S.56.

Традиционные общества признавали эту непредвиденность будущего, но не интерпретировали ее как следствие решений. Несчастья приписывались не человеку, а «Провидению» или «природе». В этом отношении показателен знаменитый аристотелевский анализ условного будущего. Аристотель отмечает, что нельзя знать, состоится ли морское сражение. Но что поразительно в аристотелевском тексте, говорит нам Н. Луман, так это то, что Стагирит не ставит эту проблему в зависимость от решения, а рассматривает ее как вопрос истинных или ложных высказываний. «Наша же проблема, — делает вывод Н. Луман — заключалась бы в том, стоит ли идти на риск, вступая в морское сражение».¹⁷⁰

3.5. Протест и политическая система

Обратим своё внимание на «зелёную повестку», которая наиболее чутка к проблеме влияния техники на природу в рамках нашей темы. Возникновение «экологического» протеста является свидетельством этой повышенной чувствительности к риску. Как верно отмечают некоторые исследователи: «В обществе риска заботы людей смещаются со стихийных бедствий на опасности, возникающие в результате деятельности человека, которые часто носят глобальный и широко распространенный характер».¹⁷¹ Учитывая общие трудности с определением лиц, принимающих решения в случае стихийных бедствий или экономических кризисов, факт обеспокоенности может быть выражен в форме протеста без точных оппонентов. Это порождает обобщенную, почти трансцендентальную форму отказа (включая рациональность экспертов).

По мнению Н. Лумана, социальные движения являются реакцией на функциональную дифференциацию современного общества. Поскольку больше нет привилегированной позиции, с которой можно рассматривать весь современный социум, функция социальных и политических движений

¹⁷⁰ Luhmann N. Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. S. 137.

¹⁷¹ Mansouri F., Sefidgarbaei F. Risk society and COVID-19 // Canadian Journal of Public Health. 2021. Vol. 112. P. 36

— критическое его самописание, о чём мы писали в начале главы; поэтому они в основном занимаются проблемами, «в которых функциональные системы не могут предложить структурного или адекватного решения».¹⁷² Социальные и политические движения указывают на нарушения в функциональной дифференциации и представляют собой в некотором смысле «иммунную систему» общества; они защищают от ригидности структуры, которые больше не приспособлены к окружающей среде. Таким образом, они компенсируют дефицит отражения риска в современном обществе, выводя на общественную арену вопросы, которые не могут быть озвучены в различных функциональных системах (экономика, право, наука и т.д.). Для этого, как и СМИ, они предпочитают новизну, скандалы, конфликты, поиск и огласку имен ответственных лиц.

Отметим, что «классические» социальные движения осуждали представителей власти в рамках тех проблем, которые подчёркивали чью-либо исключительность и неравенство. Новые протестные движения, с другой стороны, фокусируются сегодня в том числе и на наблюдении за этими дисфункциями с точки зрения различия опасности/риска, указывая на ситуации, в которых можно стать жертвой рискованного поведения отдельных людей или организаций и выступая в качестве выразителя интересов соответствующих групп населения.

Однако, если У. Бек видит в этих новых социальных движениях векторы рефлексивной современности, создателей глобального общественного пространства и новой политической культуры, требующей более партисипативной демократии, то Н. Луман сомневается в их способности трансформировать общество. По его мнению, они очень наивно полагают, что наблюдают за социальной системой извне, тогда как сами являются её чистым продуктом и вносят свой вклад в её адаптацию и стабилизацию. Эти альтернативные движения, очень бедные теоретически и

¹⁷² Luhmann N. Protest: Systemtheorie und soziale Bewegungen. Suhrkamp-TaschenbuchWissenschaft.Suhrkamp, 1996. S. 190.

неспособные предложить радикальную критику функциональной дифференциации, «не имеют альтернативы, чтобы предлагать».¹⁷³ Они довольствуются тем, что «ирритируют» политическую систему, не будучи в состоянии предложить что-то иное, более конструктивное.

Наблюдая за обществом с точки зрения альтернативы между выживанием и катастрофой, новые социальные движения распространяют тревогу, которая приобретает моральную ценность. В современном обществе риска непредвиденность будущего выражается в том, что жизнь определяется вещами, не зависящими от человека, например, экономическими условиями, научно-техническими инновациями, глобальным потеплением. Такие изменения «достигают кульминации в саморекламе риторики страха, которая предполагает, что человек обязан смотреть на будущее с тревогой».¹⁷⁴ Тревога, таким образом, становится трансцендентальным принципом самонаблюдения общества.¹⁷⁵ Она предстаёт фундаментом новой формы морали: страх становится долгом. Возникает ощущение, что ничто не может предотвратить его распространение, что его нельзя успокоить рациональным дискурсом; он сопротивляется «любой критике чистого разума».¹⁷⁶ Даже напротив — попытки понять проблемы риска и безопасности с научной точки зрения, похоже, только подпитывают тревогу общества.

Восприятие риска как нечто связанного с решениями неизбежно поднимает проблему ответственности. Немецкие социологи, однако, признают сложность определения четкой ответственности; но из-за их разных оценок реальности риска они делают это по отличным друг от друга причинам. Так, Н. Луман признает, что очень трудно провести различие между рисками и опасностями, поскольку подверженность опасностям сама

¹⁷³ Ibid, S. 104.

¹⁷⁴ Luhmann N. Die Lebenswelt – nach Rücksprache mit Phänomenologen // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie, 1986a. Vol. 72. № 2, S. 190.

¹⁷⁵ Luhmann N. Ökologische Kommunikation, Wiesbaden, 1986. 275 S. 156-163.

¹⁷⁶ Там же, S. 158.

по себе часто является результатом определенного выбора или решения. Например, курильщик сам принимает решение курить, подвергая себя и других опасности для здоровья от вредных химических веществ, содержащихся в сигаретах; однако ведь существует целая индустрия, которая популяризирует курение и насыщает табачными изделиями рынок! Эта двусмысленность, как известно, привела к многочисленным судебным искам против табачной промышленности. Напротив, для У. Бека системный характер рисков и увеличение непредвиденных и непредусмотренных побочных эффектов часто делают практически невозможным вменение ответственности на основе правовых стандартов. Таким образом, была установлена «организованная безответственность», которая связана с проблематичностью скорости формирования правовой регламентации для всё новых и новых прецедентов: риски множатся и ветвятся, предусмотреть их не всегда возможно, дурные предчувствия «как назло» имеют свойства сбываться, а юридического решения проблемы не обнаруживается. Как итог, копится рост недовольства, запускаются компенсаторные механизмы в обществе в виде массового возмущения.

С точки зрения Н. Лумана, из-за сложности определения ответственных лиц протест в конечном итоге принимает форму «претензий к политике». Риски политизированы в том смысле, что на государство возлагается ответственность за опасности даже там, где принятие риска носит явно индивидуальный характер (например, в случае употребления наркотиков или хотя бы плавания в водоемах). На наш взгляд, массы ожидают, что *для людей будут созданы условия, в которых они смогут жить рискованно, при этом не подвергаясь опасности* — ведь политикам, чиновникам, государственным деятелям даны все ресурсы, полномочия и власть для осуществления народных чаяний. У них есть *привилегии*. Вследствие этого, столкнувшись с такими ожиданиями относительно опасности рисков, государство может реагировать только путем принятия решений, которые навязываются коллективно, несмотря на то, что зачастую рационального консенсуса не

существует. В результате государство становится высшей инстанцией для преобразования опасностей в риски — «Левиафан» обязан действовать в ситуации неопределенности, не имея возможности принять полностью рациональное решение. Более того, полностью рациональное решение было бы невозможно просто потому, что это заняло бы слишком много времени и *ipso facto* привело бы к отсрочке принятия решения. Поэтому утверждение о рациональности не является нейтральным с точки зрения времени. Возникает своего рода забавная ситуация, так как в этом случае у политической системы есть только два варианта: либо она прямо обнаруживает свои функции и решает как регулировать проблему, взяв на себя ответственность за последствия, либо она решает повременить, запросив экспертное заключение, тем самым рискуя эту проблему усугубить.¹⁷⁷ Для того чтобы оправдать ожидания от управления рисками, политика превращает риски в опасности, умножая нормы регулирования.

3.6. Коммуникация риска

Так как же общество может справиться с проблемой риска? Впрочем, отметим, что цель исследований данной темы у Н. Лумана не в том, чтобы предлагать решения. Учёный хочет быть отстраненным наблюдателем, который наблюдает за наблюдателями и таким образом добавляет еще один уровень наблюдения — третий. Подобное наблюдение имеет ограниченные практические последствия. Его анализ заключает, что избежать риска невозможно. Подобная точка зрения, разумеется, может показаться пессимистичной. Функциональная дифференциация общества, по-видимому, противостоит любой форме управления всем обществом одной из его подсистем для достижения лучшего управления рисками. Участие всех заинтересованных сторон — это лишь утопия. Протестные движения не могут ни преодолеть разрыв между теми, кто принимает решения, и теми, кого они затрагивают, ни направить общество в нужное русло, поскольку они

¹⁷⁷Luhmann N. *Soziologie des Risikos*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991. S. 185.

могут только раздражать политиков. Наука также не может решить проблему неопределенности будущего, поскольку усилия по лучшему пониманию риска приводят лишь к его более глубокому осознанию.

Фатализм Н. Лумана в вопросах риска и опасности современного общества особенно очевиден в его анализе экологических рисков в книге «Экологическая коммуникация». На этом стоит заострить особое внимание. Как мы уже отметили, что эта книга была опубликована в том же году, что и «Общество риска» У. Бека, однако, анализ данных двух социологов кардинально расходится. По мнению Н. Лумана, чтобы определить, сможет ли общество ответить на экологические вызовы, необходимо начать с центрального для системного подхода различия между системой и средой. Конечно, он предполагает возможность новой общественной рациональности, которая сделает различие между системой общества и его внешней средой центральным различием в самонаблюдении и функционировании общества. По системным причинам, однако, он очень осторожно относится к возможности его реализации: в отсутствие какой-либо центральной инстанции (системы, организации) такое повторное вхождение этого различия в систему утопично. Его мышление в области экологии сосредоточено на понятии резонанса, которое относится к ситуациям, когда события в окружающей среде оказывают влияние на общественную систему. Однако, по его мнению, такой резонанс наталкивается на две основные ловушки. С одной стороны, операционная закрытость между системой и ее окружением подразумевает, что общество не может общаться со своим окружением, а только о своем окружении. Другими словами, резонанс фильтруется режимами работы систем. В результате такого отбора по системным кодам общество слишком мало реагирует на экологические угрозы. С другой стороны, функциональная дифференциация современного общества, подразумевающая отсутствие центра и утрату главенства политической системы, не допускает единого подхода к экологическим проблемам. Системы реагируют на эти проблемы

очень по-разному и несогласованно. Например, в демократической политической системе, кодируемой различием между правительством и оппозицией, оппозиция может обвинять правительство в бездействии по утилизации отходов электрического и электронного оборудования. С другой стороны, экономическая система может стремиться отправлять их в страны «третьего мира», чтобы снизить стоимость их переработки. Таким образом, единых ответов на экологические проблемы, волнующие общество в целом, нет.

Тем не менее, Н. Луман стремится определить условия для коммуникации по вопросам риска, которые позволят избежать обострения конфликтов между лицами, принимающими решения и лицами, заинтересованными в решении проблемы. Как мы видели, функциональная дифференциация современного общества запрещает любое единое видение мира и любую точку зрения, которая позволила бы объединить его различия: «Мир больше не является совокупностью вещей (*universitas rerum*), но коррелятом наблюдений наблюдений наблюдений».¹⁷⁸ Луман называет «поликонтекстуальностью» тот факт, что мир больше не делится на регионы бытия, но на различные перспективы, и что современное общество тем самым утратило свое единство. В таком обществе риск — это относительное социальное представление, которое запрещает консенсус и объективность. Однако коммуникация риска возможна: если она не может привести к примирению различных наблюдений, она должна, по крайней мере, позволить им сосуществовать. Лица, принимающие решения, и заинтересованные в них люди обязательно понимают риск по-разному; но они могут осознать обоснованность других способов наблюдения, избегая их карикатурного представления.

Подводя итоги данного раздела, мы могли бы заявить, что преимущество анализа Н. Лумана в том, что он выходит за рамки любого онтологического подхода к риску и учитывает общественные антагонизмы,

¹⁷⁸ Luhmann N. Am Ende der kritischen Soziologie // Zeitschrift für Soziologie. 1991. Vol. 20. № 2. S. 149.

которые он провоцирует. Однако такая системная социология не предлагает иной перспективы, кроме фатализма, преодоление которого требует подвергнуть сомнению два ее принципа: концепцию функциональной дифференциации и радикальность её конструктивизма. Так, выставя политику системой, утратившей свою роль в регулировании общества, Н. Луман воздерживается от рассмотрения вопроса о создании регулирующих органов, которые позволили бы решать проблемы риска, распространяющиеся на все более обширные области общественной жизни и имеющие глобальный характер. Такой пессимизм в отношении политического и правового регулирования не преминул вызвать критику даже со стороны последователей немецкого социолога. Например, Гюнтер Тейбнер и Хельмут Вилке придают политической системе особое значение, поскольку она обладает рефлексивным статусом, то есть может регулировать вклад различных подсистем в интеграцию общества. Они утверждают, что политика уже признала свою ограниченность и адаптировалась к ней, сосредоточившись на «формировании внутрисистемных отношений».¹⁷⁹ Таким образом, транснациональное «рефлексивное» право может стать привилегированным инструментом регулирования проблем, связанных с риском, если ему удастся установить процедуры международных переговоров, позволяющие то, что Х. Вилке называет «самопилотирующимся кондиционированием» подсистем. В то же время, по мнению У. Бека, релятивизм и конструктивизм Н. Лумана приводит к агностицизму и, в конечном счете, к деполитизации проблем, поднимаемых риском. Попытки изобрести новые институциональные решения в этих условиях, похоже, обречены на провал.¹⁸⁰ На основе своего реалистического конструктивизма У. Бек вместо этого разрабатывает «критическую теорию общества риска», которая должна привести к «космополитической реальной политике».¹⁸¹

¹⁷⁹ Willke H. Systemtheorie III: Steuerungstheorie. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2001. S. 126.

¹⁸⁰ Beck U. Weltrisikogesellschaft: Auf der Suchenach der verlorenenSicherheit. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG, 2007. S. 258.

¹⁸¹ Там же, S. 334-374.

Однако и здесь не обходится без критических замечаний. К примеру, исследуя космополитические ориентации У. Бека, британский социолог Джой Ю. Джан отмечает, что учёный «туманно сформулировал, как риск приводит к радикальным институциональным изменениям», в силу того, что Бек лишён «эмпирической заинтересованности» и склонен к «европоцентризму».¹⁸² Схожей точки зрения придерживается и Сабина Селшоу, заявляющая, что «Бек не предложил четких набросков руководства, а также всеобъемлющего методологического инструментария того, как следует наблюдать конкретное и эмпирическое рассмотрение его нового мира».¹⁸³

В завершении отметим, что на наших глазах уже как несколько лет разворачиваются в буквальном смысле исторические события, размышлять о которых без таких понятий как «риск» и «опасность» попросту не представляется возможным. Пандемия, экологические, политические и экономические кризисы, проблема мигрантов и беженцев, военные противостояния различных государств есть прямое тому свидетельство. В силу чего мы можем с уверенностью заявить, что через осмысление понятия риска, его комплексности и неоднозначности, концепции У. Бека и Н. Лумана могут не только получить своё новое прочтение, но и послужить мощной методологической основой для дискуссий о самых актуальных, злободневных темах современности.

Вывод ко второй главе

В рамках данной главы мы рассмотрели структурные детерминанты политического активизма, а именно, общественное мнение, протест и риск. Данный выбор является неслучайным, особенно если избирать системно-

¹⁸² Zhang, J. Y. Cosmopolitan risk community in a bowl: a case study of China's good food movement // *Journal of Risk Research*, 2018, Vol. 21. P. 69.

¹⁸³ Selchow S. The paths not (yet) taken: Ulrich Beck, the «cosmopolitized world» and security studies // *Security Dialogue*. 2016, Vol. 47. № 5. P. 378.

коммуникативный подход своим методологическим ориентиром в исследовании.

Политический активизм — это сложное и динамичное явление, которое охватывает различные виды деятельности, направленные на достижение социальных и политических изменений, наиболее явно проявляя себя в форме протеста. Протест, общественное мнение и риск — это три взаимозависимых и взаимосвязанных фактора, которые играют решающую роль в социальных процессах при формировании и поддержании политической активности; более того, они представляют собой уникальные способы самоописания общества.

С опорой на системно-коммуникативный подход мы выяснили, что протест — это особая форма коммуникации, которая имеет синусоидный характер в плане собственной интенсивности. Это способ для отдельных лиц и групп выразить свои жалобы и требования обществу в целом и властям, «общество против общества». Протест всегда находится в упадке, поскольку он требует постоянного обновления и переосмысления, чтобы оставаться актуальным и эффективным. Более того, как мы уже отметили, протестные движения не имеют рефлексии и часто подпитываются моральным возмущением, а не рациональным принятием решений, чего нельзя в свою очередь сказать о других формах политического активизма (лоббирования, политических кампаний, и т.п.).

Несмотря на постоянную инерцию к затуханию, различные типы протестов могут симпатизировать друг другу. Протестные социальные движения можно рассматривать как систему (хотя данная точка зрения нуждается в дополнительном обосновании, что будет предложено далее), обладающую особым коммуникативным кодом, дистинкцию которого предложил А.Ю. Антоновский описывать бинарностью как «решение / поражение». Этот код основан на самовиктимизации, когда протестующие представляют себя жертвами социальной или политической несправедливости или принятых «сверху» решений.

Отметим, что общественное мнение и средства массовой информации играют важную роль в формировании и формализации политической активности. Средства массовой информации оформляют общественное мнение, представляя некие темы или проблемы определенным образом. Мы сумели показать, что в рамках политической системы общественное мнение — это способ её самонаблюдения, которое служит вспомогательным инструментом для принятия обязательных для исполнения решений. И хотя средства массовой информации могут оформлять общественное мнение, они тем не менее не манипулируют им. Средства массовой информации могут навязывать темы, но это не принуждает в них верить. Мы показали, что общественное мнение не есть сумма мнений; оно меняется по мере того, как средства массовой информации транслируют новые темы. Таким образом, средства массовой информации могут оформлять общественное мнение, но не могут его контролировать.

Наряду с этим феномен риска также является важным аспектом организации и проведения политической активности. Социальные и политические движения призваны устранять риски и несправедливость. Риск относится к возможности причинения вреда, потерь или неудачи, и это неотъемлемая черта любого решения или действия. Каждое решение порождает новые риски, и каждое действие потенциально может привести к непредвиденным последствиям. При этом риск является ключевым катализатором для выявления тех, кто принимает решения, и тех, кто вольно или невольно становится жертвой подобных решений, что снова возвращает нас к дилемме «решение / поражение».

В целом, исследование в данной главе демонстрирует, что политический активизм и социальный протест — сложные явления, требующие тонкого понимания их социального и политического контекста. Роль СМИ, характер общественного мнения и влияние рисков — все это важные факторы, которые необходимо учитывать при изучении подобных явлений. Понимание этих сложностей имеет решающее значение для

эффективной политической активности в целом и социального протеста в частности, которые могут привести в том числе и к значимым социальным изменениям.

Глава 3. Особенности современного политического активизма в условиях информационного общества

§ 1. Новые социальные движения как коммуникативная система

1.1. Экстрасистемный характер протестной активности

В настоящее время представители различных исследовательских и журналистских групп отмечают нарастающую тенденцию активизации социальных движений. Данный факт едва ли требует скупулёзного внимания к статистическим деталям; он виден невооружённым глазом даже простому обывателю. Как мы уже успели отметить в предыдущих главах, современное общество испытывает кризис в самых различных сферах жизни и одна из форм реакции на вызовы, риски и опасения, которые переживаются массами людей, трансформируется в актив социальных движений. В свою очередь, политический активизм особо заметно проявляется именно в рамках общественных движений, и может быть направлен как на локальный, так и на глобальный уровень по масштабу своего воздействия. В силу этого нами обнаруживается необходимость рассмотрения социальных движений с опорой на системно-коммуникативный подход как коллективных действий, предпринимаемых группами людей для осуществления социальных или политических изменений, зачастую в ответ на предполагаемую несправедливость или неравенство в обществе.

Отметим, что исследовательский интерес со стороны политической социологии к данному общественному явлению возникает лишь с 1950-ых годов.¹⁸⁴ Тем не менее, с течением времени трансформировались не только сами социальные движения, но и парадигмы, на фундаменте которых они исследовались. В данном случае можно упомянуть парадигму «коллективного поведения» (Н. Смелзер, Г. Блумер, Т. Гарр), теорию коллективного действия (Ч. Тилли, Д. МакАдам, С. Тэрроу), а также

¹⁸⁴ Павлова Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 113.

парадигму новых социальных движений (А. Мелуччи, М. Кастельс, А. Турен). Последнюю, как отмечает Т.В. Павлова, «отличает акцентирование связи между социетальными (институциональными) изменениями периода модерна и постмодерна, возникновением новых социальных и политических структур, новых конфигураций власти и новыми формами коллективного действия».¹⁸⁵

Некоторые исследователи склонны рассматривать социальные движения как ключевую особенность современности (которую можно трактовать в терминах Р. Инглхарта и К. Вельцеля как «культуру самовыражения»). Такие мыслители как Д. Порта и М. Диани усматривают в них «неформальные сети, базирующиеся на разделяемых всеми ценностях и солидарности, мобилизующих своих участников по поводу конкретных проблем».¹⁸⁶ Уже упомянутый нами А. Турен определяет социальные движения как один из видов конфликта, благодаря которому определенные культурные детерминанты (такие как моральные ценности, знания, ресурсы и их распределение) трансформируются в формы социальной организации.¹⁸⁷ Примечательна также теория «относительной депривации» (Ф. Робайе, Л. Киллиан, В. Рансимен, С. Стоуфер), трактующая социальные движения в качестве иррационального коллективного поведения в условиях кризиса. В свою очередь Э. Гидденс усматривает в социальных движениях ничто иное, как «коллективную попытку осуществить общие интересы или добиться общей цели посредством коллективного действия вне рамок установленных институтов».¹⁸⁸

¹⁸⁵ Там же. С. 114.

¹⁸⁶ Павлова Т.В. Современное гражданское участие к изучению новых форм коллективного действия в условиях глобализации // Новые направления политической науки: гендерная политология, институциональная политология, политическая экономия, социальная политика: сб. статей. М., РАН, РОССПЭН, 2007. С. 148.

¹⁸⁷ Touraine A. Les mouvements sociaux: objet particulier ou probleme central de l'analyse sociologique? // Revue française de sociologie. 1984. Vol. 25. № 1. P. 7.

¹⁸⁸ Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ.ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 303.

Вместе с тем в данном разделе нас интересует следующий вопрос, который А. Ю. Антоновский и Р. Э. Бараш сформулировали в виде дилеммы для теории протестных движений следующим образом: «Являются ли новые социальные движения коммуникативной системой, соразмерной традиционным гранд-системам, и выполняют ли они некоторую задачу-функцию, которую способны осуществить только они и которая имеет значение не только для их собственного воспроизводства (аутопойезиса), но и поставляет свои достижения и продукты в распоряжение других систем?». ¹⁸⁹ Справедливо заявляя, что протестная активность различных социальных движений представляет собой серьезный вызов современному обществу, авторы рассуждают о необходимости более тщательного анализа данного феномена в силу очевидного дефицита философской рефлексии протестной коммуникации. ¹⁹⁰

Несмотря на обилие различных трактовок социальных движений, мы склоняемся к тому мнению, что одной из ключевых проблем при их изучении является вопрос о том, что побуждает граждан присоединяться к этим движениям и участвовать в них. Следует признать, что с появлением новых коммуникационных технологий общественные движения все чаще обращаются к платформам социальных сетей для мобилизации и организации сторонников, обмена информацией, идеями и популяризации своих целей, даже несмотря на то, что социальные медиа как инструмент мобилизации протестных масс мы склонны оценивать достаточно скептически. ¹⁹¹ Более того, мы можем с уверенностью утверждать тот факт, что подобные действия со стороны лидеров общественных движений стали существенно таргетированнее и интенсивнее. Как верно подчёркивает В. Д.

¹⁸⁹ Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 18

¹⁹⁰ Там же, С. 27.

¹⁹¹ К слову, схожую точку зрения (о слабости социальных медиа как инструмента протестной мобилизации) можно увидеть у самых различных исследователей в области политического активизма. См. Бараш Р. Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 435-436.

Миловидов: «Они [современные медиа и технологии Big Data, *прим. И.С.*] создали возможность предоставления каждому пользователю персонализированной новостной ленты в социальных сетях, основанной на его предпочтениях и сетевой активности. Посредством точного таргетинга (targeting) и отбора подходящего контента человек оказывается в уютном «информационном пузыре» (filter bubble), экранирующем от нарушающих гармонию его индивидуальной картины мира информационных раздражителей».¹⁹²

Несмотря на многочисленные достижения в современном понимании социальных движений, все еще остается много вопросов без ответов об их динамике и влиянии. Это особенно актуально в эпоху глобализации и стремительных социальных изменений, которые привели к появлению новых форм общественных движений.

Рассуждая о том, по каким причинам различные представители гражданского общества могут стремиться принять участие в протестных социальных движениях, мы склонны солидаризироваться с тем мнением, что присутствует определенное накопление (аккумуляция) критических наблюдений, которое по итогам реализуется в формах протестного активизма, социальных движений, выражений массового недовольства и т.п. При этом, как верно отмечает К. Фухс, что «критическая фаза [подобных наблюдений, *прим. И.С.*] не является необходимым результатом углубления социального антагонизма (скажем, роста бедности, безработицы, ухудшения экологии), но является результатом перцепции и осознания углубления некоторого антагонизма».¹⁹³ К слову, данная мысль не нова и встречается не только у К. Фухса. Так, например, мы могли бы вспомнить Г. Блумера, одного из виднейших представителей символического интеракционизма, который заявлял, что «социальные проблемы не существуют сами по себе

¹⁹² Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. С. 95.

¹⁹³См. von Fuchs C. The Self-Organization of Social Movements // Systemic Practice and Action Research. 2006. Vol. 19, № 1, pp. 101–137.

как набор объективных социальных аранжировок, обладающих своим внутренним составом, а являются в конечном счете продуктами процесса коллективного определения»¹⁹⁴, и что «социальные проблемы относятся не к объективным областям, на которые они лишь указывают, а к процессу их рассмотрения и определения в обществе».¹⁹⁵ В качестве иллюстрации мы можем привести «резонансный» пример про статистику ВИЧ-инфицированных в России. Как пишет журналист И. Клягина: «По итогам 2021 года ООН включила Россию в первую пятерку стран по темпам распространения ВИЧ. Минздрав назвал это «пропагандистской провокацией», хотя его данные о количестве заболевших соответствуют цифрам, приводимым Объединенной программой ООН по ВИЧ/СПИД, — 59 000 в год».¹⁹⁶ Прилагательное «резонансный» мы взяли в кавычки не случайно. Тот факт, что данная статистика инфицированных характеризуется иностранными медицинскими инстанциями как эпидемия, ещё никак не выступает причиной массовой истерии, народных волнений и требований от отечественного политического истеблишмента взять ситуацию под осязаемый контроль. В то же время не забыта история с пандемией COVID-19, которую так активно освещали в СМИ и которая может уже сейчас послужить отличным хрестоматийным примером к тезису о социальных проблемах как коллективном их определении. Появляются новые штаммы, которые эволюционируют и обходят уже существующие «иммунные заслоны», однако, ношение масок уже стало необязательным, а в массмедиа тема COVID-19 служит разве что сентиментальным напоминанием о паре-тройке минувших лет. Что же до «эпидемии ВИЧ», так это и вовсе та тема, которую большинство массмедиа, по-видимому, обходят стороной.

¹⁹⁴ Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. Berkeley. 1971. Vol. 18. № 3. P. 298.

¹⁹⁵ Ibid, P.306.

¹⁹⁶ «Мы могли бы победить»: почему в России никак не могут справиться с эпидемией ВИЧ — [Электронный ресурс] — 2023. <https://www.forbes.ru/forbeslife/483292-my-mogli-by-pobedit-pocemu-v-rossii-nikak-ne-mogut-spravit-sa-s-epidemiej-vic> (дата обращения: 29.04.2023)

В силу этого мы могли бы согласиться с той мыслью, что достаточное накопление подобного рода наблюдений, которые тем или иным путём фиксируются в структуре социальных коммуникаций как ненормальные, опасные и деструктивные, «суггестируют идею увеличения таковых явлений и соответствующие социопсихические установки алармизма».¹⁹⁷ Именно это, в свою очередь и запускает аутопойезис протеста, и, как следствие, реализацию социальных движений как самостоятельной коммуникативной системы: «Аутопойезис протестной коммуникации запускается в условиях так называемой самовалидации, когда страх и тревога <...> ведут к заострению коммуникации этих опасностей, их гипертрофии и, соответственно, к запуску новых циклов их коммуникативной трансляции».¹⁹⁸

Ещё одним важным свойством протестных социальных движений является их неинституционализированный характер. Именно подобное качество протестной активности «представляет собой его системное свойство, поскольку обеспечивает главные условия его воспроизводства — всепроникаемость и неуничтожимость».¹⁹⁹ В силу этого, с опорой на системно-коммуникативный подход, мы могли бы рассматривать протестные социальные движения как специфический вид коммуникации, который обнаруживает себя на «обще-общественном уровне», одновременно несводимый ни к уровню организаций, ни к уровню базовых интеракций. Движения протестующих в самом деле можно характеризовать парадоксальным образом, при помощи оксюморона, как, допустим, «неорганизованная организация», «неинституционализированный институт» или «альтернатива без альтернативы». В качестве примера можно привести исследования социальных движений нового типа на примере Испании

¹⁹⁷ Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 29.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Социальная философия протеста // Философский журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 102.

(«движение 15 М»²⁰⁰) С.М. Хенкина, который заявляет: «Как и подобает общественному движению, «возмущенные» не имеют четких организационных рамок и определенного состава участников. По последнему показателю, «демонстрации 15-М» и «движение 15-М» — далеко не одно и то же. Многие из тех, кто пришел протестовать 15 мая, не участвовали в последующих акциях. <...> В движении участвуют люди самых разных профессий, социального статуса и возрастов».²⁰¹ Вместе с тем исследователь подчеркивает, что у участников «движения 15 М», нет предложений по выработке конструктивной и целостной альтернативы тому, против чего они собственно и протестуют: «Участники движения признаются: «Мы критикуем капитализм, а что делаем сами? Нужно бороться за конкретные цели, а мы от этого очень далеки». В определенном смысле можно сказать, что «возмущенные» ясно осознают, чего не хотят, но не вполне представляют себе, чего хотят».²⁰² Таким образом, мы могли бы наблюдать экстрасистемный характер протестных социальных движений; они не в состоянии создать некую классическую по своей форме организацию, способную вырабатывать, если угодно, «программные тезисы» в своих требованиях. Ведь в тот момент, когда протестующая группа людей начинает подобные программные тезисы создавать и стремиться их реализовывать посредством реформ, она становится уже элементом политической или правовой системы. В итоге, как это часто и можно увидеть, вчерашний бунтарь с булыжником в руках одевается в классический пиджак с галстуком и вывешивает напротив своего кабинета табличку с приемными часами.

²⁰⁰ «Движение против жесткой экономии в Испании», известное также как «Движение 15 М», начавшееся в связи с местными выборами в 2011-2012 годах и связанное с реакцией на испанский финансовый кризис 2008-2014 гг.

²⁰¹ Хенкин С.М. Социальные движения нового типа: Пример Испании // Актуальные проблемы Европы. М.: ИНИОН РАН. 2012. № 2. С. 158.

²⁰² Там же, С. 162.

1.2. Заместительная пораженность и компенсаторная лояльность протестных коммуникаций

На наш взгляд, для того, чтобы наиболее качественно описать системно-коммуникативные характеристики социальных движений мы могли бы обозначить несколько ключевых векторов, в русле которых их стоит рассматривать. В ряде работ А.Ю. Антоновского и Р.Э. Бараш они предлагаются в виде гипотез, которые фундируются как смысловой плацдарм коммуникативной философии протеста.²⁰³

Одной из характерных черт политического активизма и его реализации в виде протестных социальных движений является компенсаторная лояльность. На наш взгляд, персональная вовлеченность и личная привязанность к теме, которая является ключевой в деле активизма, его смысловым ядром, и отличает протестную коммуникацию от других систем. Следует также отметить, что если рассматривать активизм под таким углом, то мы должны поставить вопрос о механизмах подобной лояльности.

Мы склоняемся к тому мнению, что персональная вовлеченность и личная привязанность к темам протеста своим источником обнаруживает два противоположных полюса: это либо благородные, альтруистические мотивы, либо колоссальное, а порой даже и катастрофическое стремление к индивидуализму и потребительским ценностям. При этом можно сказать, что нередко два этих полюса сосуществуют как бы «без швов». Не всегда понятно даже самим протестующим, где заканчивается благородство и начинается личный интерес, как, впрочем, и наоборот. Подобные тенденции возникают не на пустом месте. Как верно отмечает Т.В. Павлова: «Констатируется, что в сложном современном обществе, с присущим ему разнообразием интересов и тенденцией ко все большей индивидуализации, традиционные институты представительства не отражают интересов многих социальных групп, не обеспечивают достаточно широкого доступа граждан к

²⁰³ см. напр, Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 33-35.

процессу принятия политических решений».²⁰⁴ Ни для кого не секрет, что тема кризиса политических институций, их «оторванности» от реальных потребностей народных масс получила достаточное освещение за минувшие десятилетия. И параллельно с этим — всё большая акцентуация на образе современного общества как общества потребления, в котором, согласно меткому афоризму Ж. Бодрийяра, «человек гламурного мышления есть существо, которое считает акты потребления достижением». В своей совокупности два этих факта замыкаются в смысловую петлю, с помощью которой и ухватывается тот самый «механизм лояльности». Более того, обнаруживают себя и новые коллективные акторы (в виде движения потребителей, акционеров, защитников прав животных и т.п.) в деле протестных социальных движений, которые исповедуют стратегии коллективного действия: «Именно в этих движениях и формируется новый тип коллективного действия — «индивидуализированное» коллективное действие, для которого не обязательно наличие коллективной идентичности».²⁰⁵

Другую характерную черту протестной коммуникации можно усмотреть в её характере заместительной пораженности, которая органично сопрягается с «социальным страхом»²⁰⁶, выступающим, в свою очередь, мотиватором «сострадания» к жертвам опрессии. Как заявляют А.Ю. Антоновский и Р.Э. Бараш: «Элиминация дисперсивного порядка (когда исключенный обрекался на одиночное существование и гибель) в конечном счете приводит к тому, что самые разные разочарования, всякий маргинальный, даже патологический интерес, способен к образованию соответствующего сообщества».²⁰⁷ Это отчётливо прослеживается на

²⁰⁴ Павлова Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 116.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Luhmann N. «Systemtheorie und Protestbewegungen, Ein Interview», Forschungs journal Neue Soziale Bewegungen, Heft 2. 1994. № 7, P. 58.

²⁰⁷ Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 34.

сегодняшний день в европейских странах, где количество пресловутых «незащищённых социальных групп» поражает даже самое смелое воображение. Стоит добавить, что именно с развитием сети интернет, новых медиа, подобные группы сумели достаточно быстро обрести единомышленников и сочувствующих, постоянно при этом обнаруживая свои новые конфигурации.

О возможностях и влиянии медиасреды на динамику и репрезентацию социальной активности мы упоминали в предыдущей главе, преследуя необходимость обозначить структурные детерминанты политического активизма. Однако стоит упомянуть тот факт, что именно в оформлении протестных тем, поиске угнетённых и их идейных представителей может выступать как медиакорпорации, так и отдельно взятые личности. Как верно отмечают С.В. Рогачев и А.В. Вилловых: «Повсеместное распространение интернета и появление в нём соответствующих площадок для коммуникации (прежде всего социальных сетей, Web 2.0) повлияли на социально-политический дискурс в мировом масштабе, наделив пользователей глобальной сети функционалом создания и распространения контента для массовой аудитории».²⁰⁸ Подобный факт отлично демонстрирует, что актуальная реальность может быть охарактеризована как «эпоха постправды», в которой каждый сам себе может быть как источником новостей, так и их потребителем: «Утверждению постправды способствует сама природа человека, который при переизбытке информации склонен доверять нерациональным, эмоциональным доводам в ущерб или даже взамен рациональной аргументации. На современном этапе это происходит в условиях чётко выраженной сегментации интернет-аудитории на отдельные группы, которые стремятся искать и публиковать преимущественно ту информацию, которая подтверждает и укрепляет их взгляды, игнорируя при

²⁰⁸ Рогачев С.В., Вилловых А.В. Социальные движения в эпоху постправды // Проблемы национальной стратегии. 2020. Т. 58. № 1. С. 91.

этом конкурирующие мнения».²⁰⁹ В данном контексте мы можем вспомнить знаменитое эссе «Практика повседневной жизни» французского философа и антрополога Мишеля де Серто, в котором он недвусмысленно показывает, что современный человек как потребитель информации фактическим образом в этих медиа выступает и в качестве её производителя.²¹⁰

Всё это даёт нам возможность с уверенностью лишней раз утверждать, что «пораженность» тех или иных социальных групп нередко может выступать темой протеста, при этом не всегда будучи переживаемой напрямую самими активистами как их собственная реальность. Более того, данная тема должна постоянно обновляться, отыскивая новые формы собственной репрезентации, чтобы не оказаться в самом низу своей «синусоидной активности». Для этого, с одной стороны, необходима постоянная тематизация рисков и страхов, а с другой — определенная комбинация во времени протестных коммуникаций, в основе которых лежит дистинкция «решение /поражение». Однако, это вновь отсылает нас к уже рассмотренному разделу в предыдущих частях нашего исследования по проблеме детерминант политического активизма.

Исходя из вышеизложенного, мы склоняемся к тому мнению, что новые социальные движения могут рассматриваться как коммуникативная система, поскольку ею используются коммуникационные каналы, темы и дистинкции, благодаря которым она себя воспроизводит и формирует. Однако их размер и сфера влияния могут быть значительно меньше, чем у традиционных гранд-систем.

1.3. Привилегированность как символически генерализированный медиум системы социальных движений

Вместе с тем мы склонны не согласиться с утверждением, что «в отличие от других систем, у коммуникативного кода протеста не

²⁰⁹ Там же, С. 93.

²¹⁰ См. de Certeau M. The Practice of Everyday Life // Transl. by Steven Rendall. University of California Press. 1984. 254 P.

обнаруживается симметричного ему негативного противосто́я»²¹¹, и предлагаем посмотреть на данную проблему под другим ракурсом.

Сразу хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что у протестных движений отсутствует не просто долговременное программное планирование, а программа как таковая, а также и тот факт, что у протестных движений не наблюдается жесткого системообразования через коммуникативную форму организации (грубо говоря, нет таких ведомств, как «Министерство протеста и активизма»). Тем не менее, на наш взгляд, у протеста наблюдается единый бинарный медиакод. Мы предлагаем *единый* медиакод усматривать в феномене *привилегированности*, а основной бинарный код рассматривать в оппозиции *защищенный/ пораженный*, а не решение/поражение.

Напомним, что со слов Н. Лумана: «Под кодом мы будем понимать такую структуру, которая для каждого произвольного элемента в пределах своей области релевантности может найти и упорядочить другой дополнительный элемент».²¹² Так, например, у системы политики данный код это «правительство / оппозиция». Однако единым бинарным медиакодом (или иначе — символически генерализированным медиумом) в системе политики выступает феномен *власти*. Обратим внимание, как об этом пишет А. В. Назарчук: «Значение власти для политической коммуникации определяется тем, что она выступает «символически генерализированным медиумом», обеспечивающим непрерывность процесса принятия или отклонения сообщений [в процессе коммуникаций, *прим. И.С.*]. Её роль аналогична роли языка в социальной коммуникации, денег в экономике, истины в науке, сексуальности в любви, и так далее. Подобно языку, власть генерализирует многообразное содержание политических коммуникаций, придавая им простую бинарную форму».²¹³

²¹¹ Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 32.

²¹² Н. Луман, Власть. М., 2001. С.54

²¹³ Назарчук А. В. Теоретико-политические воззрения Никласа Лумана. // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 139.

Как следствие, с оглядкой на подобные теоретические выкладки, в процессе нашего исследования мы склоняемся к тому убеждению, что символически генерализированный медиум у протестных социальных движений — это привилегированность. Приведем в качестве аргументации некоторые соображения, которые подталкивают нас к подобному утверждению.

Первое, что сразу хотелось бы отметить, так это тот факт, что хоть привилегированность тем или иным образом проистекает из принадлежности к доминирующей социальной группе, однако она сама при этом к власти как к таковой не сводится. Очевидно, что «привилегия» и «власть» — не одно и то же. Привилегия носит сугубо «общесистемное» преимущество. Как справедливо отмечает А. Голов: «Принадлежность человека к той или иной социальной группе может означать для него выигрыш или, напротив, проигрыш в его индивидуальной свободе <...> В последнем случае можно разграничить привилегированные группы (если выигрыш) и дискриминируемые группы (если проигрыш)».²¹⁴

В качестве примера подобной «общесистемности» достаточно вспомнить классические нарративы о привилегиях, которые либо имели, либо имеют до сих пор мужчины в тех или иных социумах по сравнению с женщинами. Или, например, национальные, расовые привилегии (национальные меньшинства склонны оказывать друг другу взаимопомощь в условиях жизни среди другого народа); ещё ранее — привилегии класса, сословия, возраста, сегодня — уровня образования, профессиональной принадлежности и т.д.

Безусловно, о привилегированности как отдельном факте можно рассуждать в его тесной связи с властью, ресурсами (деньгами, имуществом), правом, моральными оценками. Однако хоть и всё вышеперечисленное тем или иным образом представляет собой смысловое ядро отдельных

²¹⁴ Голов А. Индивидуальная свобода и групповая принадлежность // Мониторинг общественного мнения. 1998. Т. 37. № 5. С. 32.

социальных систем, о которых можно вести дискуссию с позиции их структурного сопряжения (*Strukturelle Kopplung*)²¹⁵, то они всё-таки, подчеркнем ещё раз, друг к другу не сводятся. Особенно, если мы берем в качестве методологической основы системно-коммуникативную теорию, которая заявляет о качественной уникальности и автономности каждой из социальных систем.

Другой аспект, который требуется указать в качестве аргумента, заключается в том, что привилегированность как медиум обеспечивает бесперебойное воспроизводство протестных движений в силу разных сторон конфронтации, которые имеют свойство меняться местами. Так, если в сфере политики оппозиционные силы могут стать действующим правительством, а вчерашние «сильные мира сего» вынуждены вновь бороться за своё доминирование, то подобная механика работает и в случае с социальными движениями, требующих, по сути, отсутствия какой бы то ни было дискриминации (то есть, элиминации ограничения в тех или иных привилегиях).

В качестве примера можно привести ситуацию, которая разворачивается вокруг темы «мужская опрессия — женская виктимизация». Некоторые исследователи рассуждают о «заблокированной гендерной революции»²¹⁶, в которой описывается, что при изменении социальной роли женщины благодаря действиям сил сторонников феминизма и женской эмансипации социальная роль мужчины *de facto* остаётся прежней. Так или иначе, но идентичность мужчин и ожидания к ним со стороны общества в виде демонстрации традиционных атрибутов силы и успеха замыкается в роли «главного добытчика в семье», «надежной стены от внешних опасностей и невзгод», обладателя «крепкого мужского плеча». Как итог, «разгневанный белый мужчина» склонен испытывать чувство фрустрации,

²¹⁵ Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt. 1998.

²¹⁶ Hochschild, Arlie Russel. *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning of the American Right*. New York: New Press. 2016.

потому что те привилегии, которые он ожидает получить от своей роли в семье и обществе, он либо не получает, либо вынужден «стиснув зубы» (пока что) наблюдать как её получают те, кто в его представлении этого не заслуживает. В силу этого исследователи отмечают, что такие фрустрированные мужчины в бедных американских штатах предпочитают отдавать свои голоса на выборах против политиков, которые защищают тех, кто, по их мнению, отнимает их привилегии (мигранты, женщины, представители сексуальных меньшинств).²¹⁷ Более того, как отмечает крупнейшая представительница исторической макросоциологии и специалист в области теории революций, американский социолог Теда Скочпол, среди беднеющего среднего класса растут консервативные настроения, что вынуждает признать ограниченность политической ориентации, направленной на представление только лишь частных интересов.²¹⁸ Получается своеобразный пинг-понг ролей «защищённый / поражённый»: если раньше в роли жертвы мужской опрессии выступала женщина, то сегодня появляются голоса в пользу «белых цисгендерных мужчин», которые подвергаются дискриминации со стороны общества. Как верно отмечает Б. Кагарлицкий (признан в РФ иноагентом): «Вопрос о том, кто и на каких основаниях, по каким критериям определяет адресатов и объемы помощи, кто проводит границу между «сильными» и «слабыми», становится камнем преткновения для социальной политики в обществе, разрушающим институты социального государства».²¹⁹

В качестве примера борьбы за права мужчин можно привести ситуацию, которая развернулась в Южной Корее. Мун Сон Хо, лидер движения «Dang Dang We», которое борется против дискриминации в отношении мужчин, заявил перед своими сторонниками, что «феминизм больше не касается гендерного равенства. Это гендерная дискриминация, и

²¹⁷ Ibid.

²¹⁸ Skocpol T. Reinventing American Civic Democracy. *Kettering Review*. 2010. P. 49–60.

²¹⁹ Кагарлицкий Б. Патернализм и либерализм // *Логос*. Т. 98. №2. 2014. С. 171.

ее манера жестока и ненавистна».²²⁰ «Мы превратились в мальчиков для битья», — заявляют сторонники этого движения. Справедливости ради стоит добавить, что движение пока что немногочисленно; тем не менее, важен сам прецедент. К слову, в статье, в которой освещается активность «Dang Dang We», отмечается, что согласно опросам Realmeter, 76% корейских мужчин в возрасте 20 лет и 66% мужчин в возрасте 30 лет выступают против феминизма.²²¹

Другой пример — Великобритания. Так, в 2019 году, в университете Винчестера, должно было состояться выступление Майка Бьюкенена, лидера партии «Справедливость для мужчин и мальчиков» (The Justice for Men and Boys party) и сочувствующего его идеям блогера Уильяма Коллинза, по приглашению одного из профессоров данного учебного заведения.²²² Инициатива не увенчалась успехом благодаря онлайн-петиции, которую подписали около 700 человек с требованием отказать Бьюкенену в праве на выступление перед аудиторией, обвинив его партию в тенденциозности и женоненавистничестве. Тем не менее, лидер данного движения назвал обвинения в женоненавистничестве «полной чушью» и заявил, что среди его сторонников очень много женщин. «Эти женщины не подошли бы к нам и на мило, если бы у них были основания полагать, что мы женоненавистники», — добавил он. При этом стоит отметить, что М. Бьюкенен и его сторонники обвиняют феминисток во лжи, в том числе некоторых депутатов, за «плаксивость, глупость и токсичность», а так же учреждают такие премии как «Лживая феминистка месяца» и «Плачущая феминистка месяца». Данный факт иллюстрирует то, о чём мы писали выше — дистинкция «защищенный / пораженный» работает поочередно на две стороны;

²²⁰ South Korea's young men are fighting against feminism [Электронный ресурс] — 2019. <https://edition.cnn.com/2019/09/21/asia/korea-angry-young-men-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 16.05.2023).

²²¹ Ibid.

²²² University of Winchester axes talk by controversial men's rights party leader after backlash [Электронный ресурс] — 2019 <https://news.sky.com/story/university-of-winchester-axes-talk-by-controversial-mens-rights-party-leader-after-backlash-11650168> (Датаобращения: 16.05.2023).

«опрессивные мужчины и виктимизированные женщины» плавно переходят в «агрессивные феминистки и дискриминированные мужчины», что конвертируется в итоге в такие движения как «Dang Dang We» и «The Justice for Men and Boys party».

И наконец, третий довод, который мы могли бы привести в качестве иллюстрации нашего утверждения о феномене привилегированности как символически генерализированном медиуме системы социальных движений, это, что называется, *contradictio in contrarium* — доказательство от противного.

Если в качестве умозрительного эксперимента представить себе отсутствие феномена власти как таковой, то политическая система буквально рассыпается на глазах как некое коммуникативное целое; ведь власть, как отмечает А. В. Назарчук, является «ядром системных отношений, позволяющих обозначить границы политической системы».²²³ В случае с протестными движениями снятие проблемы привилегированности, на наш взгляд, рассеивает движение попросту по причине его несоответствия и ненужности себе самому.

Взять, к примеру, такое заметное явление, как футбольные хулиганы (они же «оффники», «ультрас», «околофутбольщики»), которые себя больше расценивают скорее как субкультуру, нежели чем протестное социальное движение. Многие их действия очень похожи на радикальный, мятежный протест: организованные, сбитые в группу мужчины, демонстрирующие сопротивление полиции, устраивающие потасовки, нарушающие общественный порядок, выкрикивающие лозунги и имеющие своих идейных визави в лице болельщиков других футбольных клубов. Однако, это не протест; в данном случае принцип *nota notae est nota rei ipsius*²²⁴ не работает. Скорее всего, это некий выплеск агрессивной эмоции, кураж, стремление

²²³ Назарчук А. В. Теоретико-политические воззрения Никласа Лумана. // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 138.

²²⁴ Признак признака некоторой вещи есть признак самой вещи (лат.)

ощутить себя частью сильной группы. Болельщики одной команды не требуют роспуска всех прочих команд (иначе против кого тогда собираться на акции?). Здесь отсутствуют дистинкции «защищённый / пораженный», подобные группы не требуют к себе особых привилегий. Таким образом, именно привилегированность играет ключевую роль в идентификации неких решений и действий как протестных.

Как итог, новые социальные движения выполняют различные задачи-функции, которые могут иметь значение как для их собственного воспроизводства, так и для других систем. Например, они могут представлять интересы определенных групп населения, бороться за права и свободы, повышать осведомленность об определенных социальных проблемах, усиливать давление на власть, чтобы добиться изменений в политике и т.д., то есть быть способом самонаблюдения общества, как и все другие системы.

Одна из важных функций новых социальных движений заключается в том, что они могут давать голос тем, чьи интересы не получают должного отражения в традиционных гранд-системах. Таким образом, они могут стать катализатором изменений и содействовать эволюции традиционных систем.

Кроме того, новые социальные движения могут создавать новые идентификационные (как следствие, культурные) коды, которые могут стать важными элементами социальной инновации.²²⁵ Они также могут стимулировать развитие новых форм социальной организации и управления. Таким образом, новые социальные движения могут выполнять важные функции и поставлять свои достижения и продукты в распоряжение традиционных гранд-систем.

²²⁵ Достаточно обратить внимание на так называемые «современные тренды» (как правило, в странах Европы), к примеру, в рекламе и моде, где в качестве эстетических объектов выступают люди из «пораженных», «незащищенных», «уязвленных» групп. Из последнего: Винни Харлоу — первая знаменитая модель с витилиго, заболеванием, от которого кожа теряет пигмент, — на обложке журнала *Women's Health*; рекламная компания фирмы «Nike» с билбордом на парижской Опера Гранье с изображением полной темнокожей женщины (бодипозитив); реклама пива «Bud» трансгендером Дилан Малвейни; диснеевский фильм «Русалочка», где главная героиня темнокожая, и т.п. и т.д.

§ 2. Цифровой активизм: возможности и вызовы для политического активизма в XXI веке

2.1. Проблема многообразия форм цифрового активизма и его концептуализации

В процессе исследования особенностей современного политического активизма в условиях информационного общества невозможно обойти стороной тему особой роли так называемого «цифрового активизма»²²⁶ в деле гражданского участия и социально-политических преобразований.

Ранее мы уже кратко затрагивали вопрос о роли интернета и социальных медиа в деле мобилизации протестных настроений. Тем не менее, проблематика нашего исследования требует более детального их изучения во избежание поверхностных точек зрения и недостатков, связанных с упущением их существенных особенностей, способных серьезно повлиять на ход рассуждений.

За последние 10 лет в политическом активизме появились новые формы самопрезентации и организации, в основном связанные с использованием цифровых технологий и социальных сетей. В самом широком смысле это может быть описано термином цифрового активизма (или «медиаактивизма»)²²⁷, который на сегодняшний день ещё недостаточно концептуализирован. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, что «несмотря на уже более чем 10-летний период развития активистских практик в цифровом пространстве, этот термин в академических кругах продолжает оставаться неоднозначным».²²⁸ Так, например, английский социолог, исследователь в области политических коммуникаций и социальных медиа Паоло Гербаудо задает очень широкую трактовку

²²⁶ См. Матвеева А. В. Особенности гражданского участия в условиях современного цифрового пространства // Форум молодых ученых. Саратов: ООО «Институт управления и социально-экономического развития. 2018. Т. 21. № 5-2. С. 620-625.

²²⁷ См. Мирошниченко А. Интернет и эволюция медиаактивизма в России // Вестник Института Кеннана в России. 2013. № 24. С. 74-85.

²²⁸ Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения / Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С.379.

цифрового активизма как прямое использование цифровых средств массовой коммуникации и информации в политических целях.²²⁹ Основательница проекта Meta-Activism, писательница и исследовательница Мэри Джойс, которая изучает новые стратегии активизации, учитывающие радикально отличающуюся коммуникационную инфраструктуру цифрового сетевого мира, заявляет, что значение цифрового активизма укладывается в трактовку «гражданской деятельности, реализуемой посредством как стационарных, так и мобильных устройств с доступом к Интернету».²³⁰ Присутствуют и другие мнения, которые предлагают посмотреть на феномен цифрового активизма под особым ракурсом. Так, например, директор школы коммуникаций при университете штата Огайо, Р. Келли Гарретт отмечает, что в трактовке цифрового активизма следует вначале обратить внимание на его «мобилизационные структуры», а уж затем сосредотачиваться на его технических аспектах.²³¹ В этом смысле мы могли бы согласиться с мнением другого ученого, Р. К. Полат, заявившей, что интернет-технологии следует понимать комплексно — как коммуникационный медиум, источник информации и одновременно с этим как проводника в локации виртуальной публичности.²³² Так или иначе, но на наш взгляд, трактовка данного понятия у большинства авторов одна и та же, только под разными словами и формулировками. Смысловое ядро в принципе остаётся достаточно четко распознаваемым — это новые типы социальных практик и отношений, которые реализуются на виртуальных площадках гражданского участия. Дискуссии могут разворачиваться лишь постольку, поскольку эти виртуальные формы могут множиться и трансформироваться в силу постоянной реновации самих цифровых СМИ и их инструментов, а также из-

²²⁹См. Gerbaudo P. From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism // TripleC: Cognition, Communication, Co-operation. 2017. Vol. 15. № 2. P. 477–489.

²³⁰Joyce M. (2010). Digital Activism Decoded: The New Mechanics of Change. N.Y.: Idebate Press. P. 101.

²³¹Garrett R. K. Protest in an Information Society: A Review of Literature on Social Movements and New ICTs // Information, Communication and Society. 2006. Vol. 9. № 2. P. 203.

²³²Polat R. K. The Internet and Political Partizipation: Exploring the Explanatory Links // European Journal of Communication. 2005. Vol. 20. № 4. P. 435–459.

за уже достаточно устоявшегося понимания активизма как общественного феномена, несмотря на различные варианты его проявлений в наличной действительности.

В качестве примеров цифрового активизма мы можем выделить несколько их видов. Самым распространенным можно назвать кампании, проводимые в социальных медиа, так называемые «виртуальные протесты», а также онлайн-петиции. Другая, более агрессивная и, как говорят её сторонники, «непричесанная» форма выражения собственного протеста — это хактивизм. Он предполагает использование хакерских техник для подрыва деятельности определенной организации или правительства или протеста против них. Это может быть связано с повреждением веб-сайта, DDoS-атаками и другими формами сбоев в работе цифровых сетей. Известен также и краудфандинг — активисты используют краудфандинговые платформы, такие как Kickstarter и GoFundMe, для сбора денег на свое дело. Это может включать финансирование мероприятий, протестов и судебных издержек. Часто также можно встретить активизм в области цифрового искусства — обычно это онлайн-галереи, инсталляции и другие проекты в интернете, которые выступают в качестве инструментов распространения протестной темы, посланий или манифестов. Data-активизм, в свою очередь, пытается сделать публичным некоторые наблюдения из массива открытых данных. Активисты используют инструменты анализа данных и визуализации, чтобы привлечь внимание к проблемам, связанным с социальной справедливостью, защитой окружающей среды и другими причинами. Так, например, это может включать анализ данных, связанных с уровнями загрязнения, государственными расходами и другими показателями, для создания визуализаций, которые делают сложные проблемы более доступными для общественности. Можно, конечно, указать и такое явление как «кликтивизм» или «слактивизм», которое под собой имеет форму так называемого «кнопочного геройства», когда пользователи социальных сетей оценивают («ставят лайк», «репост») те или иные

резонансные призывы или новости. Однако мы уже вкратце упоминали о slackтивизме в предыдущей главе, когда рассматривали массмедиа с точки зрения системно-коммуникативного подхода.

Бесспорно, данный список не является исчерпывающим. Как мы уже успели подчеркнуть, формы подобного активизма множатся, и попытка перечислить их все ради полного списка не входит в проблематику нашего исследовательского интереса. Тем не менее, демонстрация на примерах подобного рода, на наш взгляд, необходима. Подобным образом мы можем проиллюстрировать и умозрительно представить хотя бы общий спектр их возможных вариаций, чтобы понять, насколько качественно поменялся активизм как явление с приходом интернет-технологий и цифровых медиа.

На наш взгляд, подобное «качественное преобразование» даёт целый спектр выводов. Во-первых, с очевидностью приходится констатировать, что у цифровизации появились почти что необъятные по своим масштабам возможности поддержки самых разных форм политической вовлеченности. Во-вторых, появилась просто уникальная возможность искать и консолидировать на одной платформе участников из самых разных децентрализованных групп, включать их в нужную повестку, буквально в руки и по щечку пальца (в прямом смысле слова) передавать необходимую информацию, при этом проблема места и времени, социального статуса и половозрастных особенностей снимается. И в-третьих, появилась возможность быстрого обмена мнениями, что повышает эффективность ряда общественных объединений, а также контроля за другими группами, скажем, представителей политического руководства.

2.2. Тактические медиа: нарушение статус-кво в эпоху цифровых технологий

Подобное развитие Интернета как особой инклюзивной коммуникационной среды повлияло на возможность использовать цифровые медиа тактическим образом. Появилось даже само название — «тактические

медиа». Как отмечает Г.С. Мельник: «Новым явлением в информационной сфере стали так называемые тактические медиа, возникшие как «ренессанс медиаактивизма», где смешиваются старые механизмы и принципы школы политической работы и воздействия на стратегии поведения людей и творчество художников и коммуникаторов, опирающихся на новые технологии».²³³ Данный термин возник в 1996 году и был впервые обнаружен в манифесте «The ABC of tactical media», которые написали Д. Гарсия и Г. Ловинком.

Стоит особо подчеркнуть, что одной из характерных черт тактических медиа является активное использование художественных образов, методов и средств. Подобные медиапроекты органично пытаются совместить в себе искусство и активизм. Как верно отмечает Г. С. Мельник: «Тактические медиа — вариант альтернативных СМИ, представляющих большое количество течений в искусстве и оказывающих, несмотря на свою локальность, масштабное влияние».²³⁴

Одним из ярчайших примеров тактических медиа в интернет-пространстве может послужить проект А.А. Навального «Фонд борьбы с коррупцией», который был признан экстремистской организацией на территории Российской Федерации и был ликвидирован по решению Мосгорсуда. Имея в своём резерве сформированный круг симпатизантов и сторонников по всей стране, проект использовал профессиональную работу режиссеров и клипмейкеров для создания документальных фильмов с целью формирования протестных умонастроений среди россиян, активно педалируя тезисы о важности прозрачного контроля за финансовой деятельностью лиц, представляющих высший эшелон власти. Как известно, подобный проект не увенчался успехом, несмотря на многомиллионные просмотры и активное обсуждение в медиасреде. Это лишний раз подчёркивает наш тезис о слабом

²³³ Мельник Г. С. Тактические медиа (tactical media) в межкультурной коммуникации / Г. С. Мельник // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 129. № 3. С. 17.

²³⁴ Там же. С. 18.

влиянии массмедиа (в данном случае цифровых, тактических медиа) в деле мобилизации масс. Диктора, картинки, впечатляющих чисел, эффектной подачи фактов (или того, что за них выдаётся) с экрана явно недостаточно для возбуждения протестной активности. Как отмечает Р.Э. Бараш со ссылкой на исследования Ш. Калатил и Тейлор С. Боас: «Связь глобально расширяющейся цифровой коммуникации с модернизацией социально-политических установок аудитории и тем более с распространением практик низового активизма многие исследователи считают неочевидной, отмечая, что низовая самоорганизация возникает не из включения в digital media, но из интереса граждан к социально-политическому участию».²³⁵

С нашей точки зрения, феномен «тактических медиа» возникает как своеобразный ответ на достаточно распространённую точку зрения, которую часто можно увидеть в материалах различных сетевых СМИ, что актуальное ныне состояние политических институтов, слабо говоря, оставляет желать лучшего. Часто можно увидеть, что новоявленные лидеры общественного мнения, критикуя представителей политического истеблишмента, обвиняют их в некомпетентности, неправомерном обогащении за счёт административного рычага, и в нарушении столь важных принципов демократического устройства общества. В этом смысле мы можем согласиться с тем мнением, что «тактические медиа формируются группами или индивидами, ощутившими себя ущемленными со стороны широкой культуры. Они используют дешёвые «do it yourself»-медиа, доступ к которым стал открыт благодаря революции в потребительской электронике и расширенным возможностям распространения (от общественных кабельных ТВ до Интернета)».²³⁶

Следует также добавить в данном ключе, что точка зрения Н. Лумана о системе массмедиа, которая гласит, что «между отправителем и адресатами

²³⁵ Бараш Р. Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 434.

²³⁶ Там же.

не может состояться непосредственная (unter Anwesenden) интеракция»²³⁷ на сегодняшний день является устаревшей. Мнение немецкого социолога, состоящее в том, что «интеракция исключена благодаря посредничеству техники, и это имеет далеко идущие последствия, которые дают возможность определить понятие массмедиа»²³⁸ нуждается в пересмотре. С наличием современных цифровых медиа каждый читатель, к которому обращена новость, имеет возможность её комментировать, выражаясь на современном сленге, «дать фидбэк», и таким образом напрямую влиять на источник информации в частном порядке, или в составе некоторой общности (подписчики, инициативные группы, и т.д.). Безусловно, никуда не делось телевидение и радио, вещающее в массы, однако, почти у каждого телеканала, как правило, есть свой сайт и ссылка «мы в социальных сетях», что также даёт шанс напрямую реагировать на поставляемый аудиовизуальный контент.

Как итог, можно сделать вывод, что тактические медиа на сегодняшний день могут стоять в авангарде тех средств и инструментов, эффективно использующих медиа-технологии последнего поколения для решения оперативных задач цифровых активистов.

2.3. Перспективы цифрового активизма в формировании социальных изменений

Как уже было отмечено ранее, с распространением технологий и повсеместной доступностью Интернета отдельные лица и группы теперь могут заниматься активизмом в глобальном масштабе, буквально не выходя из своего дома. Цифровой активизм активно использует возможности цифровых платформ и социальных сетей, что упрощает выражение своего мнения, тем самым внушая уверенность в реализации значимых изменений. Как отмечает О. Н. Яницкий: «массовые шествия и митинги, на чем рядовые

²³⁷ Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С 10.

²³⁸ Там же.

граждане могут фиксировать свое внимание, сегодня уже редки — гражданский активизм уходит в социальные сети».²³⁹

Перспективы цифрового активизма сегодня одновременно многообещающи и сложны. С одной стороны, цифровой ландшафт предоставляет активистам беспрецедентные возможности для усиления своего голоса и охвата более широкой аудитории. Платформы социальных сетей, такие как Twitter, Facebook, Instagram и YouTube, стали виртуальными центрами для активистов, где они могут обмениваться информацией, повышать осведомленность и создавать сообщества вокруг своих целей. Эти платформы обеспечивают демократическое пространство, где активисты могут бросить вызов доминирующим представлениям, подчеркнуть несправедливость и заручиться поддержкой своих движений.

Однако перспективы цифровой активности не лишены проблем. Хотя технологии, несомненно, расширили охват и влияние активизма, они также привнесли новые сложности. Цифровая сфера изобилует дезинформацией, эхо-камерами и смысловыми искажениями, которые могут препятствовать распространению точной информации и ограничивать эффективность онлайн-активности. Кроме того, правительства и корпорации все чаще принимают меры по регулированию и контролю онлайн-пространств, что вызывает опасения по поводу цензуры и слежки. Некоторые исследователи, рассуждая о перспективах протестного медиаактивизма в России справедливо утверждают, что «в связи с массовостью аудитории [*социальных сетей*, прим. И.С.] и популяризацией политического контента перед властью, обществом и экспертами назрел вопрос о перспективах конвертации протестных настроений, канализированных в социальной сети, в уличные протестные акции. Со стороны властных структур были предприняты шаги

²³⁹ Яницкий О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть. 2015. № 2. С. 54.

по снижению темпов (демобилизации) протестной деятельности путем применения запретительных мер».²⁴⁰

Тем не менее, цифровая активность продолжает развиваться и адаптироваться, находя инновационные способы преодоления этих препятствий. Активисты изучают альтернативные платформы, зашифрованные каналы связи и децентрализованные сети для обеспечения конфиденциальности, безопасности и свободы выражения мнений. Они также используют стратегии, основанные на данных, для прицела на конкретную аудиторию, используя мощь алгоритмов социальных сетей в попытке достижения максимального эффекта.

Одной из характерных особенностей современного цифрового активизма, определяющего его перспективы, выступает тот факт, что большинство участников среди активистов «цифрового» типа — это представители молодёжи. Как отмечает И.А. Бронников «регулярные пользователи Интернета значительно моложе и образованнее населения в целом. Молодежь в возрасте 18–24 лет является главной целевой аудиторией интернет-проектов».²⁴¹ Схожую мысль в контексте рассуждения о социальной мобилизации в России высказывают Л. И. Никовская и М.А. Молокова: «Нарастает модальность более активного отношения к социальным основам своей жизни у молодого и более образованного, обеспеченного сегмента российского общества, у жителей мегаполисов и областных городов».²⁴² На наш взгляд, мысль о том, что именно молодёжь может являться основным двигателем в деле реализации целей цифрового активизма, не лишена оснований. И дело не в избитой проблеме «отцов и детей» (хотя и она никуда не делась), а именно в том разрыве, который

²⁴⁰ Панкратов С. А., Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 3. С. 333.

²⁴¹ Бронников И.А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления 2017. Т. 17. № 4. С. 101.

²⁴² Никовская Л. И., Молокова М. А. Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России // Власть. 2017. Т. 25, № 11. С. 36.

продиктован глубокой погруженностью современной молодёжи в цифровую среду, из-за чего некоторые исследователи называют данное поколение «потусторонними людьми», «бесчувственными романтиками», которым свойственен скепсис, предвзятость, идиосинкрзия к дисциплинарным и воспитательным практикам. Борьба «партии телевизора» и «партии интернета» нередко носит именно возрастной характер, хоть и подобная «партийная демаркация» весьма условна.

Также стоит отметить тот факт, что цифровизация и Интернет с течением времени принесли с собой инструменты индоктринации, чьи механизмы действуют «на основе монополизации традиционных СМИ».²⁴³ Можно лишь согласиться с утверждением, что «развитие интернет-сообществ демонополизирует систему контроля СМИ со стороны государства, разрушает механизм индоктринации патернализма, создает условия для формирования плюралистической культуры, которая является необходимым духовным условием гражданского общества».²⁴⁴

На основании вышеизложенного как бы мы могли обозначить контуры вероятных перспектив цифрового активизма? По мнению испанских исследователей данной проблематики О. Одриоцола и А. Ларинага, существенным фактором при организации современных форм активизма является то, что «участники протеста создают гибридные коммуникационные системы, в которых объединяются физическое и виртуальное пространства и сочетаются их унаследованная от сообщества политическая активность против гегемонии вкупе с экспериментами над новыми формами».²⁴⁵ Именно данная интенция — постоянное стремление к новизне собственной репрезентации — может оказаться ключевой. Стоит также обратить внимание не только на сами формы, но и темы, которые активисты способны

²⁴³ Бронников И.А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления 2017. Т. 17. № 4. С. 97.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Odriozola O., Larrinaga A. 'What tools should we use?': Politicized youth's perspectives on digital activism in the Basque Country // Catalan Journal of Communication & Cultural Studies, 2022. Vol. 14, P. 267.

актуализировать. Причем некоторые, казалось бы, устаревшие темы имеют свойство вновь напоминать о себе; к примеру, проблема рабства. Несмотря на, казалось бы, давно закрытый вопрос для современности, тем не менее, существуют движения против рабства, которые борются против торговли людьми, трудового, сексуального рабства, и т.д.

Современные технологии сделали мир более транспарентным, открытым и прозрачным. Это позволяет проактивно настроенным субъектам регулярно обмениваться опытом, информацией и стратегиями в деле протестных движений. Остаётся лишь согласиться с мнением социолога Б. Мартина, что «активисты учатся друг у друга; объем доступной информации об активизме резко увеличивается, тем самым закладывая основу для дальнейшей активности.<...> люди становятся более образованными и менее уступчивыми перед властью, а следовательно, лучше способны судить о том, когда системы не работают, и готовы сами принимать меры».²⁴⁶

Подводя итог, можно сказать, что исследование цифрового активизма остается критически важным для понимания его воздействия, направления усилий активистов и формирования политики, способствующей созданию более инклюзивного и справедливого общества в эпоху цифровых технологий.

Вывод к третьей главе

В рамках третьей главы мы стремились рассмотреть вопрос о том, как себя демонстрирует политический активизм в условиях информационного общества. Является очевидным тот факт, что наряду с богатой палитрой тем, вокруг которых зарождаются те или иные социальные движения, мы можем наблюдать колоссальное развитие цифровых технологий, которые по мере своего усложнения предоставляют социальным движениям различные инструменты для собственной репрезентации на интернет-площадках.

²⁴⁶ Martin B. Activism, social and political // Publ. in Gary L. Anderson and Kathryn G. Herr (eds.), Encyclopedia of Activism and Social Justice. CA: Sage, 2007, P. 27.

С опорой на результаты исследования, которые мы сумели получить в процессе написания предыдущей главы, нам удалось рассмотреть протестные социальные движения под особым углом, а именно, как определенного коммуникативного целого. Указывая на различные трактовки социальных движений, мы предложили обратить свой взгляд на ключевые особенности и характеристики, которые их выделяют от всех прочих форм общественной жизни, равно как и коммуникаций. Всё это сподвигло нас рассматривать социальные движения как коммуникативную систему, у которой присутствует свой особый коммуникативный код — бинарная оппозиция защищенный / пораженный, при этом символически генерализированным медиумом выступает феномен привилегированности. Данная трактовка социальных движений может считаться новой, утвердительно отвечая тем самым на вопрос, который был описан в начале главы — являются ли социальные движения коммуникативной системой, соразмерной традиционным гранд-системам, и выполняют ли они некоторую задачу-функцию, которую способны осуществить только они и которая имеет значение не только для их собственного воспроизводства (аутопойезиса), но и поставляет свои достижения и продукты в распоряжение других систем.

Наряду с этим мы также рассмотрели проблематику современных, «цифровых» форм протестной активности. Акцентируя своё внимание на их многообразии, мы приходим к выводу о широких возможностях цифровых медиа в деле трансляции протестных тем, поиске вероятных сторонников протеста и обмена информацией между участниками социальных движений.²⁴⁷ Немаловажную роль в этом играют и тактические медиа,

²⁴⁷ Вместе с тем мы не спешим идентифицировать социальные сети, цифровые медиа в целом, как основной инструмент мобилизации протестной активности, о чём мы неоднократно подчёркивали во второй и третьей главе. Так, например, мы склонны соглашаться с мнением В.Д. Соловья (признан в РФ иноагентом), который заявляет: «На сегодняшний день можно однозначно констатировать, что социальные сети и Интернет не выступают ключевым драйвером революций, политических и гражданских протестов. Одни революции и протестные движения возникали и развивались при активном участии социальных сетей, другие обходились без них. Даже в странах с заметным проникновением социальных сетей не обязательно обнаруживается отчетливая связь между виртуальной и уличной протестной активностью» (цит. по Соловей В.Д. Социальные сети как инструмент политических перемен: возможности и ограничения // Коммунология. Том 5. № 5. С. 20).

существенной особенностью которых является уникальная совокупность художественных методов с одной стороны и с другой — принципов протестной активности и механизмов политической работы. Все это в совокупности даёт нам возможность утверждать, что современный протест способен не просто искать своих агентов по фокус-группам, работая настолько масштабно, насколько точно; протестная коммуникация удивляет своей адаптацией к разнообразным, подчас даже неожиданным способам своей самореализации, используя (и порой даже создавая) различные цифровой инструментарий для достижения собственных целей и задач.

Заключение

В настоящем диссертационном исследовании была проведена следующая работа. **Первая глава** была традиционно отведена теоретическим и методологическим основам концептуального аппарата, с опорой на который проводилось само исследование. Был проанализирован феномен коммуникации и обосновано качественное своеобразие понятия коммуникации с точки зрения системной теории Н. Лумана как «социального атома», лежащего в основе всех социальных процессов. Сравнивая различные подходы в понимании коммуникации, нам удалось эксплицировать логику системной теории немецкого ученого и её концептуальную ориентацию в целом. Акцентируя особое внимание на том, что Н. Луман создаёт своеобразный понятийный аппарат в рамках своей социальной теории, мы постарались уделить внимание взаимосвязи и взаимовлиянию её ключевых терминологических/концептуальных единиц, применяя которые предстоит проводить дальнейшую исследовательскую разработку заявленной темы. Такие понятия как система, окружающий мир, аутопоэзис, бинарный код, медиум, смысл, форма, комплексность были выбраны нами неслучайно. Именно в смысловом поле данных понятий возникает возможность наиболее отчётливо рассуждать о системности тех или иных форм коммуникаций, особенно если тема касается социальных движений и политического активизма, несмотря на то, что заявленный список концептуальных единиц, безусловно, не является исчерпывающим.

Наряду с этим, во **втором параграфе** данной главы мы поставили вопрос о прикладных и эвристических аспектах используемой методологии. Несмотря на частые упреки трудов Н. Лумана в чрезмерной абстракции и бытующее мнение о неприменимости его идей в деле прикладных социологических исследований, было доказано, что системно-коммуникативный подход обладает целым рядом преимуществ в качестве основы для изучения актуальных проблем современного общества. Эти

преимущества обусловлены тем, что само устройство теории, а также своеобразие взаимосвязей её категорий и понятий, способно ухватывать «неадекватные социальные величины», предлагая объяснения для сложных социальных явлений, зачастую обусловленных хаотичностью, нестабильностью, полиморфизмом и эмерджентностью; подобный факт, безусловно, свидетельствует о мощном потенциале системно-коммуникативной методологии в развитии междисциплинарности социологии как науки. Вместе с тем, как мы смогли показать, данный подход не лишён недостатков, а именно, таких как наличествующий имплицитно децизионизм, депроблематизации влияния региональности на общественные отношения и депроблематизации общения между отдельными индивидуумами, представленными лишь в качестве психических систем, а также дискуссионности некоторых положений, например, концепции аутопоэзиса.

В соответствии с логикой развертывания обоснования рабочей гипотезы во **второй главе** мы сумели обозначить ключевые детерминанты политического активизма, которые входят друг с другом в циркулярную взаимосвязь, образуя объёмную коммуникативную сферу, в пространстве которой политический активизм способен к самореализации и развитию. Так, в рамках **первого параграфа** с опорой на системно-коммуникативный подход мы изучили проблемы взаимосвязи протеста и массмедиа (и, в частности, социальных медиа). Мы прояснили, что политический активизм тяготеет именно к протестным формам собственной репрезентации, нередко реализуя себя благодаря коллективным действиям новых социальных движений, тем самым, сконцентрировав свое внимание именно на данных формах общественного участия. Подобный факт качественно отличает протестный активизм от традиционных форм политического участия, таких как выборы, лоббирования, баллотирования на политические посты, и т.д. Показано, что протест, как коммуникация «общества против общества» является способом его (общества) самоописания и на сегодняшний день

активно эксплуатирует дискурс самовиктимизации участников протестной активности. Вместе с тем, в процессе исследования мы постарались обосновать то мнение, что социальные медиа (и медиа в целом) объективно не могут считаться влиятельным инструментом в деле протестной мобилизации масс. Во-первых, социальные медиа предоставляют возможность выразить собственное недовольство анонимно, что как бы может снизить желание «выходить на улицу», довлеет «слактивизм», «диванный активизм» и «кликтивизм»; во-вторых, массмедиа/социальные медиа не предлагают способы решения тех проблем, которые они транслируют, обеспечивая только телегеничность протеста; в-третьих, сами социальные медиа могут служить в том числе и инструментом профилактики протестных умонастроений.

Последовательно исследуя детерминанты политического активизма, во **втором параграфе** данной главы мы затронули тему общественного мнения и публичного пространства с точки зрения системно-коммуникативного подхода. Общественное мнение рассматривается как проявление публичности в системе политики и вместе с тем, как «чистый артефакт прессы». Мы сумели показать, что массмедиа может оформлять общественное мнение, но не манипулировать им, особенно если учесть тот факт, что не только новость ищет своего читателя, но и сам читатель ищет свою новость. Массмедиа, будучи самореферентной и самозамкнутой системой, как бы вынуждена сама приспособливаться к тому «общественному мнению», которое она сама себе «представляет» тем или иным образом. В результате мы пришли к заключению, что общественное мнение не сводится к сумме индивидуальных мнений и что общественное мнение обеспечивает аутичность политической системы (последняя смотрит на себя через общественное мнение). Таким образом, возникает осознание мифологической нагруженности таких понятий как «демократия», «выборы» и «народная воля».

В рамках **третьего параграфа** мы исследовали феномен риска. И с целью сделать его более отчётливым с позиций системно-коммуникативного подхода, мы использовали компаративный анализ его характеристик, сравнивая позиции У. Бека и Н. Лумана по данному вопросу. Как и протест, представления о рисках являются способом самоописания общества и демонстрируют себя как значимый ориентир в деле новых социальных движений. Исследование риска позволило нам ухватить особый дуализм, а именно, что наличие риска (и опасности, как его противоположности) сегментирует общество на два лагеря: на тех, кто принимает решения, и тех, кто может стать жертвой подобных решений. Подобный факт становится причиной для использования самовиктимизации в дискурсе новых социальных движений.

В **третьей главе**, с опорой на результаты, полученные в предыдущих частях исследования, нами была обоснована рабочая гипотеза, согласно которой новые социальные движения могут быть идентифицированы как уникальная социальная система, обладающая собственным бинарным кодом (защищенный/ пораженный) и символически генерализованным медиумом (привилегированность). В **первом параграфе**, последовательно демонстрируя различные трактовки социальных движений, мы ставим вопрос о причинах участия граждан в них, а также об их динамике и влиянии. Постулируется утверждение, что аккумуляция критических наблюдений конвертируется в формы протестного активизма, при этом возникающий на данной основе алармизм запускает аутопоэзис протеста. С оглядкой на подобные положения и представленный эмпирический материал мы пришли к выводу, что новые социальные движения способны демонстрировать свою самостоятельность, уникальность, аутопоэтичность и самореференцию.

Во **втором параграфе** данной главы мы изучили цифровой активизм, который является одной из современных форм политического активизма, а также исследовали феномен тактических медиа. Использование последними художественных средств, а также широкие возможности цифровых

инструментов, которые могут предоставить интернет-площадки, позволяет активистам внутри сети качественно усовершенствовать практики социальных движений, доставляя и транслируя собственные темы, во-первых, наиболее таргетированнее, и во-вторых, наиболее быстрее и шире по степени охвата.

Стоит отметить, что проблематика цифрового активизма, его методов и инструментов представляется нам достаточно перспективным направлением для дальнейшего исследования, которое на сегодняшний день ещё недостаточно изучено. На наш взгляд, по мере возникновения новых достижений в области цифровой индустрии, дискуссии вокруг данной темы — темы цифрового активизма и виртуального политического участия — будут возникать всё чаще.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что исследование политического активизма и социальных движений представляет собой не только теоретический, но и общественно-практический интерес. В формулировке «новые социальные движения» ключевым словом является слово «движения»: исследования могут показать нам, прежде всего, в каком направлении движется само общество, какие темы его будоражат, какие надежды оно питает, как оно видит само себя. Способность различать эти направления и предвидеть их перспективы — задача не из простых. Однако именно поэтому изучение социальных движений является важным инструментом для понимания тенденций в обществе и прогнозирования его будущего развития. Чем лучше мы понимаем движение общества, тем более эффективными могут быть наши действия в решении социальных проблем и формировании политических решений.

Список литературы

1. Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS, Т.2. № 4. 1994. С.11-19.
2. Антоновский А.Ю. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности? // Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 221-248.
3. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27-38.
4. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Системно-коммуникативная теория и ее приложения: наука и протест: Монография. М.: «Русское общество истории и философии наук», 2019. 287 с.
5. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем М.: ИФ РАН, 2007. 135 с.
6. Бараш Р. Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 430-453.
7. Бараш Р.Э. Консолидационный потенциал интернет-коммуникации, российский контекст // Социально-политические науки. 2020. Т. 10. № 6. С. 71-79.
8. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия радикального протеста. Генезис радикализма и позитивная программа его исследований // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 27-38.
9. Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю. Социальная философия протеста // Философский журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 91-106.
10. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

11. Беляев А., Зименкова Т.В. Универсализм системной теории. Интервью с профессором Рудольфом Штихве / Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том 2. № 1 (5). С.166-176.
12. Бронников И.А. Гражданский интернет-активизм: тенденции и перспективы // Вестник Поволжского института управления 2017. Т. 17. № 4. С. 94-102.
13. Бурдые П. Социология политики / пер. с фр. Е. Д. Вознесенская. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
14. Ван Дейк, Тён. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
15. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Мотивы и ценностные доминанты протестов в оценках лидеров протестных акций и молодежи // Власть. 2022. Том. 30. № 1. С. 32-41.
16. Во всём Казахстане отключили интернет [Электронный ресурс] — 2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/01/2022/61d588339a79473328027ff5> (дата обращения: 29.03.2022)
17. Волобуева Л.Н. Эвристическая функция межкультурной философии // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. Электронный научный журнал. 2022. Т. 32. №2. С. 1-10.
18. Воронин С.А., Якименко Б.Г. «Мародеры всего лишь экспроприируют то, что иначе купили бы...». К феноменологии современного протеста в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 4. С. 380–389.
19. Гидденс Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ.ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
20. Гоббс Т. Левиафан / Пер. с англ. А. Гутерман; вступ. ст. А. Ф. Филиппов. М.: РИПОЛ классик, 2016. 606 с.
21. Голов А. Индивидуальная свобода и групповая принадлежность // Мониторинг общественного мнения. 1998. Т. 37. № 5. 32-35.

22. Головин Н. А. Понятие социального конфликта Н. Лумана: к расширению исследований коммуникативного поля // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2021. Том 6. №1. С. 3-21.
23. Головин Н.А. Социология Лумана в эмпирическом и теоретическом аспекте: итоги верификации сложной социологической теории // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 12. № 3. С. 174-182.
24. Гречко П.К. Коммуникация и коммуникативность: различительное единство // Ценности и смыслы. 2013. Т. 26. №. 4. С. 26-37.
25. Гусейнов А.Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2. С. 82-96.
26. Давыдов А.А. Конкурентные преимущества системной социологии. М.: ИС РАН, 2008. 285 с.
27. Деникин А. В., Деникина З. Д. Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. №. 3. С. 6-15.
28. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
29. Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения / Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 376-408
30. Золян С. Т. Смысл и языковой знак в системной теории Никласа Лумана // Критика и семиотика. 2020. № 2. С. 34-51.
31. Кагарлицкий Б. Патернализм и либерализм // Логос. Т. 98. №2. 2014. С. 167-180.
32. Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л. Г. Ионина. М.: АСТ, 2015. 576 с.
33. Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010. 688 с.

34. Кукарцева М.А. Политический активизм. Особенности стратегий современной политической мобилизации // Обозреватель. 2017. № 5. С. 43-54.
35. Кучко Е.Е. Эвристические методы социологического изучения инновационной практики // Философия и социальные науки. 2008. Вып. 4. С. 56-59.
36. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум. 1995. 236 с.
37. Литвинова О.А. Система и окружающая среда социологии Никласа Лумана. М.: Альфа-М, 2007. 182 с.
38. Ломако О. М. Мировое общество риска в политической философии Ульриха Бека: логика и ирония // Изв. Саратов. ун-та. Нов.сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 3. С. 265–269.
39. Луман Н. Введение в системную теорию (под редакцией Дирка Беккера) / Пер. с нем. К. Тимофеев. М.: Логос. 2007. 360 с.
40. Луман Н. Власть. М., 2001. 256 с.
41. Луман Н. Общество общества. Кн. 1: Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: «Логос», 2004. 232 с.
42. Луман Н. Общество общества. Кн.4: Дифференциация/ пер. с нем. Б. Скуратов; Кн.5: Самоописания/ пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, К. Тимофеева. М.: Логос, 2011. 640 с.
43. Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
44. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И. Д. Газиева под ред. Н. А. Головина. СПб.: «НАУКА», 2007. 648 с.
45. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. № 3. 1995. С. 114-124.
46. Мартынов К. К. От слактивизма к республике: почему интернет-революции становятся реальностью // Логос. 2012. № 2. С. 19-27.

47. Матвеева А. В. Особенности гражданского участия в условиях современного цифрового пространства // Форум молодых ученых. Саратов: ООО «Институт управления и социально-экономического развития. 2018. Т. 21. № 5-2. С. 620-625.
48. Мельник Г. С. Тактические медиа (tactical media) в межкультурной коммуникации / Г. С. Мельник // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 129. № 3. С. 17-21.
49. Миловидов В.Д. Симметрия заблуждений: Факторы неопределённости финансового рынка в условиях технологической революции. М.: Магистр, 2019. 336 с.
50. Мирошниченко А. Интернет и эволюция медиаактивизма в России // Вестник Института Кеннана в России. 2013. № 24. С. 74-85.
51. Мы могли бы победить: почему в России никак не могут справиться с эпидемией ВИЧ [Электронный ресурс] — 2023. <https://www.forbes.ru/forbeslife/483292-my-mogli-by-pobedit-pocemu-v-rossii-nikak-ne-mogut-spravit-sa-s-epidemiej-vic> (дата обращения: 29.04.2023)
52. Назарчук А.В. Теории коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
53. Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Издательство «Весь Мир», 2012. 248 с.
54. Никовская Л. И., Молокова М. А. Роль межсекторного партнерства в реализации потенциала социального государства в России // Власть. 2017. Т. 25, № 11. С. 31-37.
55. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. / Пер. с нем.; Сост., ред. и авт. примеч. К. А. Свасьян. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 832 с.
56. Павлова Т.В. Современное гражданское участие к изучению новых форм коллективного действия в условиях глобализации // Новые направления политической науки: гендерная политология,

институциональная политология, политическая экономия, социальная политика: сб. статей. М., РАПН, РОССПЭН, 2007. С. 136-148.

57. Павлова Т.В. Социальные движения как фактор трансформации институциональной среды: проблемы теории // Полис. Политические исследования. 2008. № 5. С. 113-124.

58. Панкратов С. А., Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Протестный медиа-активизм в современной России и перспективы его развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 3. С. 331-337.

59. Радина Н.К. Управление массмедийным дискурсом как функция коммуникативного кода власти // Политическая наука. 2017. Вып. 2. С. 138-156.

60. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2018. Т.3. № 4. С. 5-21.

61. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.

62. Рогачев С.В., Виловатых А.В. Социальные движения в эпоху постправды // Проблемы национальной стратегии. 2020. Т. 58. № 1. С. 90-105.

63. Розенберг Н.В., Бабина В.Н. Возможности и проблемы развития коммуникативного потенциала медиациентричного социума // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 64-75.

64. Саликов А.Н., Жаворонков А. Г. Трансформация публичного пространства в условиях революции: взгляд из перспективы Ханны Арендт // Социологическое обозрение. Т. 17. № 1. 2018. С. 9-29.

65. Соловей В.Д. Социальные сети как инструмент политических перемен: возможности и ограничения // Коммуникология. Том 5. № 5. С. 15-23.

66. Ушаков Е.В. Проблема научного творчества в современной философии науки: алгоритмы, эвристики, модели научно-познавательного поиска // Развитие общества и науки в условиях цифровой экономики: коллективная

монография / Ред. Ляменкова Н.В., Новикова А.В., Ушаков Е.В., Горбунова Н.В., Вовк Е.В., Исмаилов К., Зенков А.В., Зенков Е.В., Зенков М.А. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. 200 с.

67. Филиппов А.В. Я хотел создавать теорию [Электронный ресурс] — 2014. URL: <https://polit.ru/article/2014/11/04/philipov/> (дата обращения: 04.02.2023).

68. Хабермас Ю. Структурная трансформация публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В.И. Иванова. М.: Весь мир, 2016. 344 с.

69. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.

70. Хенкин С.М. Социальные движения нового типа: Пример Испании // Актуальные проблемы Европы – М.: ИНИОН РАН. 2012. № 2. С. 151-169.

71. Шилина С.А. Социология управления: коммуникативный аспект власти (на материале Посланий Президента Российской Федерации Федеральному Собранию) // Nauka I studia. Przemysl. 2016. Т. 11. С. 249 – 250.

72. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2008. 664 с.

73. Эко У. Полный назал! «Горячие войны» и популизм в СМИ (сборник)/ У. Эко. — Издательство «АСТ». 233 с.

74. Яницкий О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // Власть. 2015. № 2. С. 53-60.

75. Ball Richard A. Sociology and General Systems Theory // American Sociologist. № 13. 1987. Pp. 65-72.

76. Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. Vol. 9. № 1. Pp. 97-123.

77. Beck U. Weltrisikogesellschaft: Auf der Suchenach der verlorenen Sicherheit. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag KG, 2007. 439 S.

78. Blumer H. Social problems as collective behavior // Social problems. Berkeley. 1971. Vol. 18. № 3. Pp. 298-306.
79. Blühdorn I. Self-description, Self-deception, Simulation: A Systems-theoretical Perspective on Contemporary Discourses of Radical Change. Social Movement Studies, Vol. 6, No. 1, 2007. Pp. 1-20.
80. Borch C. Niklas Luhmann: In Defence of Modernity. L., N. Y.: Routledge, 2011. 167 p.
81. Burgess A., Wardman J., Mythen G. Considering risk: placing the work of Ulrich Beck in context // Journal of Risk Research. 2018. Vol. 21. Pp. 1–5.
82. Colliot-Thélène C. Retour sur les rationalités chez Max Weber // Les Champs de Mars. 2011. № 22. Pp. 13-30.
83. Condorelli R. Complex Systems Theory: Some Considerations for Sociology // Open Journal of Applied Sciences. 2016. № 6. Pp. 422-448.
84. de Certeau M. The Practice of Everyday Life // Transl. by Steven Rendall. University of California Press. 1984. 254 p.
85. Filippov A. Wo befinden sich Systeme? // P. U. Merz-Benz, G. Wagner (Hrsg.). Die Logik der Systeme. Zur Kritik der systemtheoretischen Soziologie Niklas Luhmanns. Konstanz: UVK Universitätsverlag, 2000. 429 S.
86. Garrett R. K. Protest in an Information Society: A Review of Literature on Social Movements and New ICTs // Information, Communication and Society. 2006. Vol. 9. № 2. Pp. 202-224.
87. Gerbaudo P. From Cyber-Autonomism to Cyber-Populism: An Ideological History of Digital Activism // Triple C: Cognition, Communication, Co-operation. 2017. Vol. 15. № 2. Pp. 477-489.
88. Gerim G. A Critical Review of Luhmann's Social Systems Theory's Perspective on Mass Media and Social Media // The Journal of Humanity and Society. 2017. Vol. 7, № 2. Pp. 1-24.
89. Grimm K. Niklas Luhmanns «Sociologische Aufklärung» oder das Elend der apriorischen Soziologie. Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1974. 171 S.

90. Guibentif P. Niklas Luhmann und die Rechtssoziologie: Gespräch mit Niklas Luhmann, Bielefeld, den 7. Januar 1991 // Zeitschrift für Rechtssoziologie. 2000. № 21. S. 217-245.
91. Hanson N.R. Patterns of Discovery. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 256 p.
92. Hayos N. Organizing War and the Military in Society: A Systemic Perspective // Russian sociological review. 2016. Vol. 15. № 2. Pp. 9-25.
93. Hochschild, Arlie Russel. Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning of the American Right. New York: New Press. 2016. 368 p.
94. Jong A. World Risk Society and Constructing Cosmopolitan Realities: A Bourdieusian Critique of Risk Society // Frontiers in Sociology. 2022. Vol. 7. Pp. 1-13.
95. Joyce M. Digital Activism Decoded: The New Mechanics of Change. N.Y.: Idebate Press. 2010. 228 p.
96. Kieserling A. Luhmann Niklas // K. Türk. Hauptwerke der Organisationstheorie. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2000. 333 S.
97. Koselleck R. A Response to Comments on the Geschichtliche Grundbegriffe // The Meaning of Historical Terms and Concepts. Occasional Paper. № 15. Washington, D.C.: German Historical Institute. 1996. Pp. 59-70.
98. Laursen K.B., Harste G. and Roth S. Moral communication observed with social systems theory. An introduction // Kybernetes. 2022. Vol. 51 № 5. Pp. 1653-1665.
99. Luhmann N. Soziologie Aufklärung. Vol. 4. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987. 276 S.
100. Luhmann N. «Systemtheorie und Protestbewegungen, Ein Interview», Forschungs journal Neue Soziale Bewegungen, Heft 2. 1994. № 7. S. 53-69.
101. Luhmann N. Am Ende der kritischen Soziologie // Zeitschrift für Soziologie. 1991. Vol. 20. № 2. S. 147-152.
102. Luhmann N. Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1992. 220 S.

103. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt. 1998. 1164 S.
104. Luhmann N. Die Lebenswelt – nach Rücksprache mit Phänomenologen // Archiv für Rechts– und Sozialphilosophie, 1986. Vol. 72. № 2. S. 176-194.
105. Luhmann N. Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 2000. 444 S.
106. Luhmann N. Gesellschaftliche Komplexität und öffentliche Meinung // Soziologische Aufklärung. Vol. 5, Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 170-182.
107. Luhmann N. Ökologische Kommunikation, Wiesbaden, 1986. 275 S.
108. Luhmann N. Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. München: Olzog, 1981. 158 S.
109. Luhmann N. Protest: Systemtheorie und soziale Bewegungen. Suhrkamp-TaschenbuchWissenschaft. Suhrkamp, 1996. 216 S.
110. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1991. 252 S.
111. Luhmann N. Systemtheorie und Protestbewegungen. Ein Interview. // Forschungs Journal Neue Soziale Bewegungen. 1994. № 2. Pp. 53-69.
112. Luhmann N. Law as a social system [Das Recht der Gesellschaft], Oxford University Press, 2004. 498 p.
113. Mansouri F., Sefidgarbaei F. Risk society and COVID-19 // Canadian Journal of Public Health. 2021. Vol. 112. Pp.36-37.
114. Martin B. Activism, social and political // Published in Gary L. Anderson and Kathryn G. Herr (eds.), Encyclopedia of Activism and Social Justice. CA: Sage, 2007. Pp.19-27.
115. Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston. 1980. 141 p.
116. Mauer K. Communication and Language in Niklas Luhmann's Systems-Theory // Pandaemoniumgermanicum. 2010. Vol. 16. № 2. Pp.1-21.
117. Meuer B. Kritische Bemerkungen zur Systemtheorie // Das Argument. 1973. Jg. 15, № 83. S. 883-908.

118. Odriozola O., Larrinaga A. 'What tools should we use?': Politicized youth's perspectives on digital activism in the Basque Country // *Catalan Journal of Communication & Cultural Studies*, 2022. Vol. 14. Pp. 267-285.
119. Pearce W.B., Cronen V.E. *Communication, Action, and Meaning: The Creation of Social Realities*. New York, 1980. 340 p.
120. Perrow C. *Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies*. Princeton, 1984. 464 p.
121. Pietrocola M., Rodrigues E., Bercot F., Schnorr S. *Risk Society and Science Education: Lessons from the Covid-19 Pandemic* // *Science & Education*. 2021. Vol.30. Pp. 209–233.
122. Pluckrose H., Lindsay J. *Cynical Theories. How Activist Scholarship Made Everything about Race, Genders, and Identity – and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing. 2020. 351 p.
123. Polat R. K. *The Internet and Political Partizipation: Exploring the Explanatory Links* // *European Journal of Communication*. 2005. Vol. 20. № 4. Pp. 435–459.
124. Rabault H. *L'apport épistémologique de la pensée de Niklas Luhmann: un crepuscule pour l'Aufklärung?* // *Droit et société*. № 42-43. 1999. Pp. 449-465.
125. Selchow S. *The paths not (yet) taken: Ulrich Beck, the «cosmopolitized world» and security studies* // *Security Dialogue*. 2016, Vol. 47. № 5. Pp. 369–385.
126. Skocpol T. *Reinventing American Civic Democracy*. *Kettering Review*. 2010. Pp. 49-60.
127. Sodaro A. *Exhibiting Atrocity. Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. NJ.: Rutgers University Press. 2018. 226 p.
128. *South Korea's young men are fighting against feminism* [Электронный ресурс] — 2019. <https://edition.cnn.com/2019/09/21/asia/korea-angry-young-men-intl-hnk/index.html> (дата обращения: 16.05.2023).
129. Touraine A. *Les mouvements sociaux: objet particulier ou probleme central de l'analyse sociologique?* // *Revue francaise de sociologie*. 1984. Vol. 25. № 1. P. 3-19.

130. University of Winchester axes talk by controversial men's rights party leader after backlash [Электронный ресурс] — 2019 <https://news.sky.com/story/university-of-winchester-axes-talk-by-controversial-mens-rights-party-leader-after-backlash-11650168> (Дата обращения: 16.05.2023).
131. von Fuchs C. The Self-Organization of Social Movements // Systemic Practice and Action Research. 2006. Vol. 19, № 1. Pp. 101-137.
132. Wardman, J. K., Mythen G. Risk Communication: Against the Gods or against All Odds? Problems and Prospects of Accounting for Black Swans // Journal of Risk Research. 2016. Vol.19. Pp. 1220–1230.
133. Weinbach, C., Stichweh, R. Die Geschlechterdifferenz in der funktional differenzierten Gesellschaft // Heintz, B. Geschlechtersoziologie. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2001. S. 30-52.
134. Willke H. Systemtheorie III: Steuerungstheorie. Stuttgart: Lucius & Lucius, 2001. 384 S.
135. Zhang, J. Y. Cosmopolitan risk community in a bowl: a case study of China's good food movement // Journal of Risk Research, 2018, Vol. 21. Pp. 68–82.
136. Zolo D. Autopoïesis: Critique of a Postmodern Paradigm / Telos. 1990. Vol. 86. Pp. 61-80.